
ОРУЖИЕ
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
СМЕЖНЫЙ
СЕКТОР

Annotation

Им казалось, что Мир (а именно так они воспринимали свой гигантский космический корабль) был изначально создан для вечной войны с Чужими, от которых людей отделял зловещий Смежный сектор. Внешняя Атака погубила знающих и разорвала связь с родной планетой, а невежество уцелевших породило страх и вражду. Но горстке землян и ксеноморфов, нашедших в себе силы преодолеть ненависть и недоверие, удалось повернуть время вспять и изменить предначертанный Иными ход событий…

Андрей Ливадный Смежный сектор (Иной разум — 2)

Пролог

Под ногами поскрипывал искрящийся на свету голубоватый снег.

Несмотря на низкую гравитацию, человек шел, пошатываясь, выбиваясь из последних сил: на его плечах тяжким грузом повисло безвольное тело, облаченное в испачканный грязью, местами заляпанный кровью скафандр.

Опущенные забрала гермошлемов не позволяли рассмотреть лиц.

Шаг…

Рифленая подошва скользит, ломая корку кислородного снега, рука в поисках опоры касается закругляющейся стены, в которой через равные промежутки расположены овальные иллюминаторы, покрытые изнутри толстым слоем инея.

Вибрация. Разреженный воздух плохо передает звук, но осязание подсказывает: где-то рядом работает мощный механизм, вращающий заиндевелую трубу тоннельного перехода. Пальцы срываются, скользят по гладкой поверхности, стирая слой замерзшего конденсата, и по ту сторону толстого стекла внезапно проступает чернильный мрак бездны, исколотый серебристыми искорками неимоверно далеких звезд.

Сознание человека едва ли обращает внимание на этот факт. Все его силы, физические и моральные, подчинены сейчас одному стремлению, — идти, двигаться вперед, во что бы то ни стало…

Еще один шаг.

Безвольное тело давит на плечи, предательская корка снега ломается, ноги скользят, теряя опору, и он неловко падает набок.

Все… Привал…

Он наклоняет голову, снимая с себя кольцо связанных в запястьях рук. Внезапно накатывается неодолимое желание открыть забрало гермошлема, набрать пригоршню голубоватого снега и ощутить, как заломит зубы от холода, когда мелкие кристаллики начнут таять во рту…

Нельзя. Атмосфера в тоннельном переходе слишком разрежена.

Он хорошо знал данный проход. Его называли «коридором мертвых», из-за нескольких тел, оставшихся тут с незапамятных времен. Вмерзшие в утолщающуюся год от года наледь, они выглядели, как гротескные скульптуры.

Мысль о кристаллах кислородного снега ушла, но рука продолжала неосознанно шарить вокруг, пока под пальцы внезапно не попал небольшой

сферический предмет.

Человек машинально поднял находку.

В моменты полного изнеможения сознание само ищет спасительные мелочи, за которые можно зацепиться, чтобы не потерять ощущение реальности, — они позволяют рассудку отступить от края пропасти, не поддаться влекущему зову отчаянья…

…Маленький сферический предмет лежал на ладони, его матовая поверхность тускло отсвечивала, отражая блики освещения. На корпусе шара, под прихотливым узором наледи, виднелись точечные отверстия, за которыми таились различные сенсорные системы. В средней части сфероид опоясывало небольшое вздутие, на котором взгляд различал гнезда реактивных микродвигателей.

Несмотря на внешнюю целостность обшивки, шар выглядел статичным, нефункциональным, на нем, как и на всех окружающих предметах, лежал слой изморози, под которым с трудом угадывалась нанесенная много лет назад маркировка:

«Изготовлено в России. Арапинский завод самодостаточных микросистем. Модель ИПАМ-17»[1].

Человек некоторое время смотрел на маленький сфероид, затем машинально сунул его в нагрудный клапан разгрузки, надетой поверх скафандра.

Короткий отдых грозил перерасти в полный статис. Он понимал это, несмотря на свинцовую усталость, сковывающую тело и разум.

Нужно двигаться. Преодолеть себя и идти.

Он снова наклонил голову, проталкивая гермошлем в кольцо занемевших рук находящегося в бессознательном состоянии друга.

Идти. Двигаться. Только вперед…

* * *

Прошло без малого двое суток, прежде чем он сумел добраться до загерметизированных жилых помещений, среди которых располагался медицинский модуль.

К этому моменту он уже едва соображал, где находится и что делает, действуя скорее машинально, чем осознанно. Усталость пересилила все остальные чувства, сознание стало обрывочным, и неудивительно, что он совершенно забыл о подобранном в тоннельном переходе сфероиде.

Последние усилия человека, так упорно стремившегося попасть в медицинский модуль сектора, были направлены на то, чтобы сохранить искорку жизни, все еще теплящуюся в организме тяжело раненного друга.

Что он мог сделать для него?

Немного, учитывая собственное состояние. Освободившись от гермоперчаток скафандра, он отыскал взглядом ближайшую ко входу автоматическую реанимационную камеру и, выбиваясь из последних сил, стал укладывать в нее безвольное тело, даже не сообразив, что с раненого следует снять скафандр.

Он понял свою ошибку только в тот момент, когда прозрачная верхняя часть сложного агрегата отказалась опускаться, а на ближайшем терминале кибернетической системы зажглись предупреждающие огни.

Он вновь склонился над телом друга, и в этот момент шар выскользнул из нагрудного клапана разгрузки, ударился об пол и откатился в сторону, к основанию комплекса медицинской аппаратуры.

Естественно, изможденный человек не обратил на это никакого внимания. Он непослушными пальцами расстегивал гермоэкипировку, чтобы дать возможность автоматике приступить к осмотру и оказанию первой помощи так и не приходившему в сознание другу.

Элементы скафандра падали на пол, за ними последовала пропитанная кровью одежда.

На консоли управления один за другим стали вспыхивать изумрудные сигналы индикации. Прозрачная крышка реанимационной камеры дрогнула и начала автоматически опускаться.

Все…

Теперь он сделал все, что мог. Оставалось лишь надеяться и ждать.

Человек в последний раз взглянул на землистое лицо товарища, затем, опираясь рукой о попадающиеся на пути предметы, побрел к выходу из медицинского отсека.

Он хотел одного — спать.

Маленький, не подающий признаков функциональности шар остался лежать на полу, погребенный под окровавленной одеждой.

Покрывавший его иней давно растаял, и теперь смешанная с влагой кровь капала на корпус, скатываясь по нему розоватыми дорожками.

* * *

Под грудой влажной одежды сохранялось тепло.

Неизвестно, что происходило с помещенным в реанимационную камеру человеком, но маленький сфероид постепенно приходил в себя после многолетнего стасиса.

Под прочной оболочкой из металлокерамического материала медленно накапливалась энергия, поставляемая термоэлементами,

работающими на разнице температур между окружающей средой и внутренним пространством сферического аппарата.

Искусственно созданная нейросеть, составляющая основу вычислительного устройства сфероида, являлась сложной самоорганизующейся системой, в основу которой были заложены принципы кодирования и обработки данных, заимствованные у биологических прототипов.

Для поддержания функций искусственной нейросети было достаточно небольшого количества энергии: микроток, выработанный термоэлементами, оказался слишком слабым для восстановления вспомогательных сенсорных систем, но его вполне хватило для модулирования импульсов возбуждения на входе нейросети.

Искусственная нейронная сеть очнулась — именно очнулась, а не включилась, и первым ее действием стала безуспешная попытка принять импульсы обратной связи.

Мрак.

Тишина.

Полное отсутствие сигналов от сенсорных систем.

Он вновь осознавал себя, но не воспринимал окружающей реальности.

Для нейросети, пусть и искусственной, это являлось шоком.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СМЕЖНЫЙ СЕКТОР

ГЛАВА 1

Настоящее…

Доминик Ван Хеллен проснулся от тихого, вкрадчивого, царапающего звука.

В отсеке сквозило холодом. Система вентиляции вторую неделю сбоила с подогревом регенерированного воздуха. Не хватало ресурсов, — как всегда, на исходе годичного периода большинство автоматических устройств входило в энергосберегающий режим, поддерживая лишь минимум своих функций.

Разбудивший его звук повторился.

Рука медленно скользнула вдоль торца откидной койки, пока пальцы не сомкнулись на пористой поверхности рукоятки оружия.

Ван Хеллен замер, превратившись в слух. Царапающий звук приближался, становясь отчетливее, резче.

Тусклый, желтоватый свет, исходящий от маленького плафона дежурного освещения, превращал тьму в серый сумрак, очертания предметов казались зыбкими, расплывчатыми

Совсем, как в холодные месяцы… — машинально подумал Доминик, оценив обстановку.

Звук на время исчез, будто замер, потом появился вновь.

Кто-то продвигался по системе вентиляционных каналов, теперь в этом не оставалось никаких сомнений.

Взгляд Ван Хеллена уже достаточно свыкся с полумраком, чтобы разглядеть забранное в металлическое жалюзи отверстие системы централизованной подачи воздуха. Насторожививший его звук мог исходи гь только оттуда.

Опять тишина. Обманчивая, вязкая, тревожная.

Доминик медленно извлек оружие из самодельных захватов; рука ощутила, как синтетическая ткань одеяла щекочет запястье

Скрежет.

Кто это? Заблудившийся ремонтный кибермеханизм?

Ван Хеллена смущал звук. Когда металл царапает по металлу, он громче, отчетливее, а этот был тихим, словно крадущимся…

Ближе…

Дыхание Доминика оставалось ровным. Он был спокоен, как боевая

пружина, вставшая на взвод.

Еще ближе…

Вот наконец и смутный силуэт. Пластины жалюзи тускло отсвечивали, оттеняя гнездящийся за ними мрак.

Если сейчас блеснет металл — там робот, — мысленно рассудил Ван Хеллен

Не блеснул.

Серый силуэт появился в поле зрения. Существо, передвигавшееся по системе вентиляции, едва помещалось в тесном пространстве воздуховода; оно ползло очень медленно, стараясь производить как можно меньше шума, и нужно признать, это ему почти удавалось.

Если б в отсеке спал кто-то другой, то, возможно, ксеноморф миновал бы опасный участок, оставшись незамеченным, но инстинкты Ван Хеллена не притупились с возвращением домой. Он по привычке просыпался от каждого шороха, и как выяснилось — не зря.

Тишину отсека порвал короткий, сиплый вздох прицельной очереди.

Титановые шарики взвизгнули, прошибая металлопластик; вниз с грохотом и лязгом посыпались пластины разбитых жалюзи, вслед которым на пол с неприятным влажным шлепком упало что-то мягкое.

Ван Хеллен отшвырнул одеяло, вскакивая с постели, и в этот момент раздался оглушительный взрыв, слепящий сполох сверкнул под самым потолком, горячая, упругая воздушная волна сбила его с ног, окружающие звуки мгновенно исчезли, оставив лишь тягучий, застрявший в сознании отголосок контузии да кисловатый запах взрывчатки, смешанный с *вонью,* от которой тут же начало выворачивать внутренности.

Токсин…

Он судорожно подавил инстинктивный вдох и, пошатнувшись, встал, одной рукой удерживаясь за стену. Перед глазами плыли багровые круги.

Не вдыхая, он на ощупь нашел встроенный в переборку скафандровый отсек, рывком сдвинул декоративную панель, мельком обратив внимание на застрявшие в ней осколки металла, и схватил гермошлем, от которого тянулся пластичный гофрированный шланг системы автономной подачи воздуха.

Поймав губами мундштук кислородного аппарата, Ван Хеллен сделал несколько судорожных вдохов, чувствуя спазматическую резь в груди.

Некоторое время он стоял у стены, прислонившись спиной к переборке, одна рука удерживала снятый с полки гермошлем, другая по-прежнему сжимала короткоствольный импульсный автомат.

Дым постепенно начал рассеиваться, багровые круги превратились в

мелкие искорки, неохотно, издалека возвращались звуки: слабое потрескивание остывающего пластика, неожиданный лязг еще одной сорвавшейся с потолка металлической пластины, тонкое шипение воды, брызжущей из системы аварийного пожаротушения…

Пальцы Доминика медленно перемещались по внутренней поверхности шлема, пока не наткнулись на маленькую сенсорную панель, закрепленную на ободе забрала.

Сухо щелкнул включившийся коммуникатор.

— Постышев, слушаю, — раздался молодой, еще не огрубевший голос.

— Нарушение периметра, — хрипло выдавил Доминик, отпустив мундштук дыхательного аппарата. — На связи Ван Хеллен. Я только что застрелил ксеноморфа в системе вентиляции!..

* * *

Минуту спустя в отсеке появилась группа немедленного действия.

Ярко вспыхнул свет.

— Там. — Доминик указал на внушительную дыру с почерневшими оплавленными краями, зияющую в том месте, где располагался выход вентиляционной шахты.

Один из бойцов, включив фонарь гермошлема, ловко подтянулся, схватившись за изуродованный взрывом край переборки.

— Тут никого, — сообщил он. — Все разворочено.

— Это был ксеноморф. Боевая особь, — откликнулся Ван Хеллен, жестом отказываясь от медицинской помощи. — Сканируйте систему воздуховодов, он мог быть не один.

— Почему произошел взрыв?

Хороший вопрос.

Ван Хеллен вдохнул воздух отсека. Запах токсина почти исчез.

— Думаю, эта тварь волокла взрывное устройство, — поморщившись, ответил он и тут же добавил: — Не стойте, мрак вас всех раздери! Со мной все в порядке! Ищите!..

Подгоняемые его бранью, фигуры в скафандрах высыпали в коридор, оставив дверь открытой нараспашку.

Доминик лишь сокрушенно покачал головой, посмотрев им вслед.

Он уже окончательно пришел в себя. Аккуратно положив гермошлем назад, на предназначенную для него полку, Ван Хеллен подошел к дыре.

Ему не нужно было обращаться к чертежам и схемам: мысленно представив направление воздуховода, он совместил воображаемую линию с

расположением близлежащих отсеков.

Существовало расхожее мнение, что боевые особи ксенобиан не обладают разумом.

Ван Хеллен отлично знал — это не так. Он не брался судить, есть ли у них ассоциативное мышление, осознают ли они факт собственного бытия, — Доминик твердо знал лишь одно: они успешно учатся у людей, прекрасно владеют не только врожденным, но и трофейным оружием и никогда не повторяют однажды совершенных ошибок.

Тонко запищал закрепленный на запястье КЛС[2].

— Да.

— Доминик, ты в порядке? — раздался знакомый голос.

— Нормально, — ответил Ван Хеллен. — Слегка контузило, немного глотнул токсина. В общем, по мелочи.

— Есть предположения?

— Только одно — ксеноморф полз по твою душу. Ник. Наши отсеки расположены рядом. Так что ему оставалось метров двадцать.

— Значит, это не массированная атака?

— Думаю, нет. Ты знаешь ксенобиан. Они не стали бы сидеть, как крысы, в вентиляции, ожидая, пока их выкурят оттуда. Ксеноморф был один. А охрана периметра — бестолочи.

— Зайди ко мне. Нам нужно поговорить.

— Хорошо, сейчас.

Ван Хеллен отключил коммуникатор и взглянул на пробоину, поморщившись от устойчивого, неприятного запаха.

Теперь в отсеке будет вонять еще неделю, не меньше, — с досадой подумал он.

* * *

Громко, вызывающе лязгнула затворившаяся дверь.

Человек, сидевший за столом, поднял голову. Покрасневшие глаза, бледное, осунувшееся лицо, на которое мертвенным отсветом падало тусклое сияние расположенного по левую руку компьютерного экрана, — все это создавало предельно усталый образ.

Взглянув на вошедшего, Астафьев кивнул, указывая взглядом на кресло с потертой обшивкой.

— Заходи, Доминик. Садись.

Они были ровесниками, но по сравнению с Николаем, Ван Хеллен выглядел совсем иначе: высокий, мускулистый, подтянутый, с проседью в коротко стриженных волосах и цепким взглядом карих глаз на смуглом

лице.

Взяв стул, он бесцеремонно повернул его задом наперед, сел, облокотившись о гнутую металлическую спинку, и хмыкнул, искоса взглянув на монитор.

В качестве информационной заставки Астафьев использовал таймер обратного отсчета.

«До включения систем годичного перераспределения ресурсов осталось сто девятнадцать часов сорок три минуты», — гласила застывшая на экране надпись.

Интересно, он давит на психику себе или посетителям? — невольно подумал Ван Хеллен.

— Нашли точку прорыва? — спросил он, нарушая непонятное молчание, возникшее после приглашения сесть.

— Да. — Астафьев крутил между пальцами световое стило, которым пользовался для разметки схем на компьютерном планшете. — Старый воздухозаборник. Восьмой сегмент периметра.

Ван Хеллен мысленно представил указанный участок.

— Там вакуум.

— Верно. — Стило внезапно хрустнуло, сломавшись. — Ксенобиане использовали стандартное оборудование для ремонта обшивки. Легкий переходной тамбур и аппарат плазменной резки металла… — Николай аккуратно положил на стол обломки хрупкого устройства ввода.

— Ксеноморф полз по твою душу, Ник, — повторил Ван Хеллен. — Но это следствие, — тут же добавил он. — Я не вижу причины. Почему они вдруг решили, что покушение на тебя даст им преимущество в годичной схватке? Это, во-первых. Во-вторых, откуда у них *наше* взрывное устройство и точная информация о расположении отсеков и воздуховодов?

Астафьев поднял голову и посмотрел в глаза Доминику.

— Помнишь, как все начиналось? — неожиданно спросил он.

Тот лишь коротко кивнул. Такое не забывается. Никогда.

Прошлое…

Они отступали.

Схватка за ресурсы была безнадежно проиграна, от отряда в пятнадцать человек осталось лишь двое бойцов: юноши, которым едва исполнилось по восемнадцать лет.

Один из них не мог идти. Левая нога, прошитая очередью из

бионического автомата, распухла, почернела, мышцы под воздействием токсина превратились в дряблый студень.

Ему было страшно. Очень страшно. Ногу не терзала боль, он просто не ощущал ее как часть тела, и от этого становилось жутко…

— Брось меня, Доминик… — прохрипел раненый, когда между мертвыми деревьями чужого леса показались преследующие их фигуры ксеноморфов. — Оставь мне автомат и уходи. Умоляю тебя!..

Ван Хеллен, пошатнувшись, остановился, затем обессиленно опустился на колени, позволяя другу разомкнуть коль, по рук и мешковато сползти с его спины.

— Даже не думай, Ник. — Побелевшие губы Доминика вытянувшиеся в тонкую бескровную линию, мелко дрожали. Страх и ненависть били через край, чувства рвались наружу изливаясь в непроизвольном сокращении мышц, выходили с мутным взглядом выцветших от усталости глаз, с резкими движениями непослушных пальцев, меняющих пустой магазин импульсного автомата.

Астафьев неуклюже отполз вбок, под защиту поваленного древесного ствола.

Та самая поляна… — внезапно понял он, разглядев знакомые зарубки. От свежих воспоминаний захотелось взвыть. Неужели всего пять дней назад они останавливались тут, чтобы сменить скафандры на боевую экипировку, — сильные, здоровые, полные решимости пойти до конца и победить…

Слезы катились по щекам. Парализованная нога зацепилась за ветку, и он вдруг не выдержал, — скрипнув зубами, достал термическую-гранату, сжал сенсор активации и хрипло выкрикнул:

— Уходи, Доминик!

Сзади послышался шорох, цепкие пальцы впились в плечо, над самым ухом раздалось частое прерывистое дыхание, и, вторя ему, сипло зачастил ИПК[3], срубая длинной очередью подкравшихся почти вплотную врагов.

Титановые шарики крошили хитин, рвали чуждую плоть, визгливо рикошетили, срубая ветки с мертвых деревьев черного леса…

— Бросай!

Астафьев почувствовал, как ИПК с дрожью выплюнул остаток боекомплекта и смолк.

Сейчас… Сейчас они встанут…

Замах получился слабым, продолговатый цилиндрический корпус гранаты пролетел с десяток метров и, стукнувшись о ствол дерева,

отскочил назад.

Ван Хеллен навалился на Николая сверху, вжимая его лицом в хрусткое крошево из сломанных ветвей и похожих на кремниевые чешуйки листьев.

Впереди раздался приглушенный хлопок, и внезапно взъярилось белое, ослепительное пламя. Жар волной прокатился над самыми головами; Доминик ощутил, как изодранная куртка начинает съеживаться на спине, но ствол поваленного дерева все же укрыл их от близкого разрыва термической гранаты.

— Там скафандры… — Ван Хеллен изогнулся, освободив Николая. — Ползи!

Астафьев не смог ослушаться. В хриплом голосе Доминика клокотала нечеловеческая ярость, не оставляя места для «но», — это был приказ, и Николай, минуту назад готовый распрощаться с жизнью, подчинился, пополз, хватаясь руками за выпирающие, узловатые корни Чужих деревьев, подтягивая наполовину парализованное тело, пока не увидел зарубку, указывающую место, где они спрятали скафандры.

Сзади вновь ударил ИПК.

…

Ван Хеллен вытащил его.

Память Николая сохранила лишь смутные, полубредовые обрывки воспоминаний об их трудном пути через зону разгерметизированных отсеков до первого шлюза, за которым начинался человеческий сектор.

По-настоящему он пришел в себя спустя месяц, уже после ампутации ноги.

В обширном отсеке, громко именуемом «госпиталь», царствовала автоматика. Тишину помещения нарушали лишь вздохи работающих механизмов да тонкий писк контрольных сигналов, глаза неприятно резал стерилизующий ультрафиолет специальных ламп.

Раньше, до ранения, Николай никогда не заходил сюда — не было нужды, да и побаивался, и вот теперь он оказался в полном одиночестве, наедине с таинственными машинами, сохранившимися в разрушительных столкновениях прошлого.

После Внешней Атаки и единственно полномасштабного сражения людей и ксенобиан, которое привело к трагическим последствиям для обеих сторон, выжившие стали с недоверием относиться к уцелевшим машинам. Здесь возникал парадокс — жизнь без участия автоматики была попросту немыслима, но в то же время никто не следил за кибернетическими устройствами — их предпочитали воспринимать как

данность, нечто сосуществующее параллельно…

И все же полностью проигнорировать компьютеры, связанные с системами жизнеобеспечения, не могли ни люди, ни ксенобиане…

…Он то проваливался в короткий сон, то вновь просыпался, быстро утомляясь от бодрствования, — такое состояние длилось долго, никто не заходил к нему, но иначе и не могло быть: медицинские отсеки пользовались дурной славой, здоровых людей автоматика попросту игнорировала, а раненые или больные либо вообще не возвращались отсюда, либо хранили молчание, не в силах объяснить, что с ними проделывали таинственные машины.

Невежество, утрата знаний порождали самые невероятные слухи, закономерным итогом которых стал устойчивый иррациональный страх, формирующий субъективные понятия.

…Однако шло время, а подсознательная тревога не оправдывалась. Раз за разом, выкарабкиваясь из пучин глубокого, граничащего с беспамятством сна, он чувствовал себя лучше. Периоды бодрствования становились все более продолжительными, прозрачная крышка, поначалу отгораживавшая его от внешнего мира, куда-то исчезла, но автоматика не прекратила манипуляций над травмированным организмом — незримые, но *ощущаемые* устройства массировали тело, сквозь тонкие трубочки постоянно подавались какие-то жидкости, Астафьев впервые не чувствовал возникающего время от времени голода, но это не радовало, а наоборот — пугало.

Он понемногу приходил в себя, возвращая утраченное восприятие реальности

Не имея возможности увидеть себя со стороны, Николай невольно прислушивался к ощущениям тела, особенно в моменты, когда начинали свою работу микромассажеры.

Левой ноги не было.

Понимание этого пришло внезапно, как страшное откровение. Она не онемела, *ее отрезали*. Мысль тут же начала угасать вместе с разумом, перед глазами появилась мутная пелена, и спустя мгновение он впал в глубокое забытье.

…Очнувшись от долгого, полного кошмарных сновидений сна, он не испытал повторного шока. Мысль о том, что он превратился в одноногого калеку, каким-то образом прижилась в рассудке, не причиняя острой душевной боли, — сон, словно губка, впитал мучительные переживания, частично примирив разум с ужасающим фактом.

Он попытался пошевелиться, но не смог Хотел вспомнить, что

происходило с ним до ранения, однако память глубоко спрятала травматические впечатления, неохотно отдавая лишь смутные, размытые образы.

Что-то нивелировало его психику, не позволяя сосредоточиться на недавних событиях, возможно, таким образом на него воздействовали препараты, вводимые в кровь автоматической системой поддержания жизни, — во всяком случае, вместо стресса он ощущал отрешенность, покой… хотя в его положении подобная реакция выглядела неестественной.

Прошло и это.

Время постепенно утратило смысл, потеряло статус физической величины

Рассудок работал вяло. Он ощущал, как переборки с разными интервалами аритмично вибрировали, но далеко не сразу сообразил, что дрожь металлоконструкций передает отголоски долгого, то затухающего, то возобновляющегося с новой силой боя, который шел где-то рядом, на подступах к жилым секторам.

Возможно, ксеноморфы, вдохновленные победой в смежном секторе, решили окончательно расправиться с людьми

Астафьева не волновало даже это.

Он лежал, глядя на тусклые, изменчивые узоры индикационных сигналов, и думал, но не о потерянной ноге — его мысли сливались с огоньками автоматических систем, мерцали, пытаясь вжиться в их ритм, и разум, который не мог оставаться пустым, бездумным, постепенно начал абстрагироваться от реальности*1* в рассудке возникали вопросы, над которыми Николай прежде никогда не задумывался.

Зачем я жил? — со странной отрешенностью спрашивал себя он — *Ради чего мы рождаемся и умираем?*

Наверное, ему следовало биться в бессильной истерике, понимая, что будущего нет, калека долго не протянет в тяжелых условиях повседневного существования, где каждый человек должен быть на что-то годен, приносить ощутимую пользу.

Значит, интуитивно он был прав, когда в отчаянии сжимал сенсор термической гранаты с решимостью подорвать себя и подбиравшихся ксеноморфов?

Зачем Доминик спас его? К чему автоматическая система тратила невосполнимый ресурс, выхаживая калеку? Что он сможет сделать, когда выйдет отсюда? Доковылять до ближайшей баррикады и подороже продать вновь обретенную жизнь?

Мысли кружились в ирреальном танце, их гасил, поглощал ненатуральный всеобъемлющий покой, навязанный ему реанимационной системой.

Прошло немало времени, прежде чем Астафьев вновь попробовал пошевелиться, и эта попытка, к его удивлению, увенчалась некоторым успехом

Судя по ощущениям, обе руки и нога были пристегнуты к металлопластиковым поручням, предохраняющим его от падения на пол. — Николаю удалось лишь повернуть голову, почувствовав, что волосы наголо обриты, а свободу движения ограничивают какие-то тонкие гибкие трубки.

В поле зрения попал стол, венчавшийся шеренгой компьютерных терминалов На поцарапанной столешнице лежат мохнатый слои пыли, в котором пропечатались смазанные следы. Наверное, их оставил Ван Хеллен, когда принес сюда бесчувственное тело.

Некоторое время Николай занимал себя тем, что всматривался в надписи, то и дело возникающие на экранах плоских мониторов, расположенных под острым, неудобным для восприятия углом относительно его ложа.

В состав штурмовых групп обязательно входил компьютерный техник. Это звучало громко, если учитывать глубину познаний Астафьева в области кибернетики. Да, он читал древние наставления, но мало что понимал в них. В период усиленной подготовки его попросту заставили вызубрить последовательность команд, которые он должен был ввести в главный компьютер, чтобы ресурсы Мира были перераспределены в пользу людей.

Их группа попала в засаду и была уничтожена, не преодолев и половину пути до заветного центра управления. Судя по отголоскам близкого боя, другим отрядам также не удалось победить в схватке за ежегодное перераспределение ресурсов.

Зачем мы живем?

Мысль периодически поднималась из глубин подсознания, примешиваясь к обрывочным болезненным воспоминаниям.

Неужели Мир был изначально создан для мучительной борьбы двух ненавидящих друг друга рас?

Вопросы без ответа.

Кто он такой, чтобы думать о сути мироздания? Пройдет немного времени, и автоматическая система отпустит его, погаснут экраны мониторов, смолкнет писк индикационных сигналов, возможно, весь

комплекс замрет, погрузившись во мрак энергосберегающего режима, равнодушный, безучастный, пока на место Николая не принесут кого-то другого, жестоко искалеченного в бою.

Это тоже жизнь? — думал он, глядя на перемигивающиеся огоньки терминалов. — *Или ее подобие?*

Геометрические узоры света расплывались перед глазами, и зрение неожиданно сфокусировалось на иных деталях окружающей обстановки: посреди стола стояла пустая чашка, крепко присохшая к поверхности выплеснувшимся когда-то кофе. Бурый, похожий на кляксу ободок окружал ее, рядом лежали покоробленные листы пластбумаги, из-под которых виднелся краешек непонятного прямоугольного предмета.

Рядом со с толом стояло кресло, укрепленное на дугообразном монорельсе.

Кто приходил сюда, чтобы сесть в него? — Разум Николая машинально выстраивал логическую цепочку причин и следствий: — *Раз здесь осталась чашка с недопитым кофе, значит, был и человек, следивший за показаниями приборов,* — думал он, — *человек, понимавший смысл появляющихся на экранах сообщений, не испытывающий страха и неприязни к непонятным машинам…*

Рассуждение оказалось неожиданным, оно потревожило разум сильнее, чем иные переживания.

Теперь Астафьев уже не просто скользил сомнамбулическим взглядом по тусклым экранам, а пытался осмыслить появляющиеся на них символы, сложить их в слова и строки лаконичных сообщений. В другое время это показалось бы ему сверхзадачей — разве можно понять таинственные процессы, протекающие в недрах автоматизированных комплексов, используя только знание древнего алфавита?

Если бы не одиночество и воздействие успокаивающих препаратов, нивелирующих эмоциональные всплески, он никогда бы не смог вот так часами лежать, глядя на ровные шеренги контрольных мониторов, и читать, невольно шевеля губами, а потом долго размышлять над смыслом понятных или, наоборот, неизвестных ему слов, пытаясь постичь контекст кратких сообщений.

Теперь время вообще перестало существовать для него.

Он доводил себя до полного морального изнеможения, пока не впадал в глубокий сон, но, проснувшись, вновь принимался за прежнее занятие.

* * *

Настал день, когда захваты, сковывающие его запястья и лодыжку,

автоматически открылись.

Николай повернул голову и понял, что, пока он спал, исчезли оплетавшие его тело провода и трубки.

Он был исцелен и свободен.

Страшно ощущать себя калекой… Астафьев в полной мере познал это чувство, беспомощно перевалившись за низкий бортик отключившейся реанимационной камеры.

Пол был холодным, давно не мытым, вокруг валялись элементы гермоэкипировки, бурой заскорузлой грудой лежала его пропитанная кровью одежда. Пластик облицовки лип к коже, озноб мурашками полз по нагому телу, чувство полнейшей беспомощности в какой-то миг придавило, будто внезапно рухнувшая плита…

Ему хотелось закричать, взвыть, сломать внезапно окружившую его разум хрупкую тишину, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Похудевшая рука дотянулась до изгибающегося монорельса, дрожащие от напряжения пальцы вцепились в него, неловко подтаскивая тело к заветному креслу.

Николай отчетливо понимал — отныне он предоставлен сам себе. Зная, что беспомощного, бесполезного для остальных людей калеку ожидает неминуемая гибель в жестких условиях непрекращающейся борьбы за выживание, он инстинктивно, как утопающий за соломинку, ухватился за призрачную надежду, зародившуюся в последние дни.

Если б не ранение и долгий период вынужденного бездействия, когда работал только разум, он никогда бы не пришел к парадоксальному, с точки зрения традиционных взглядов, выводу: расположенными вокруг машинами раньше управляли люди. Это вселяло страх и надежду.

С трудом подтянувшись, он кое-как вскарабкался в кресло.

Пальцы по-прежнему дрожали, физические усилия после долгой неподвижности давались с неимоверным трудом, нагое тело, несмотря на холод, покрылось липкой испариной.

Откинувшись на податливую, мягкую спинку с удобным подголовником, он некоторое время сидел, приходя в себя после совершенных усилий.

Наконец разноцветные искры перестали мельтешить перед глазами, непроизвольная дрожь понемногу улеглась, оставив ощущение ломоты в ослабевших от долгой неподвижности мускулах.

Сколько дней Астафьев смотрел на этот стол, предвкушая минуту, когда сможет наконец сесть в кресло и…

Он протянул руку, сдвинул листы пластбумаги, освобождая из-под них

странный предмет, уголок которого долго терзал его воображение.

Серый, ничем не примечательный прямоугольник, размером с человеческую ладонь.

Николай перевернул его, сдул пыль, с замиранием сердца наблюдая, как свет упал на матовую поверхность, преломился, и тонкая пластина внезапно приобрела объем, открывая взгляду навек запечатленное изображение молодой улыбающейся женщины.

«Френку от Катрин».

Его внезапно бросило в жар.

Ник всматривался в удивительные, *живые* черты незнакомой женщины, понимая, что никогда не видел такого нежного открытого взгляда; ямочки на щеках, счастливая улыбка, длинные вьющиеся волосы — все это создавало нереальный, потусторонний образ… Астафьев сидел, будто завороженный, и смотрел на голографический снимок, который сказал ему все, дал интуитивный ответ на большинство казавшихся неразрешимыми вопросов: да, была иная жизнь, смысл которой не сводился к количеству убитых ксеноморфов, — он играл на губах незнакомки недоступным пониманию *счастьем.*

Николай забыл про холод и дрожь.

Он невольно вспоминал свой небогатый опыт общения с представительницами противоположного пола: образы современниц, суровые, неприветливые, накладывались на снимок, словно гротескные, ломающиеся тени: и в голову вдруг пришла ясная, осознанная мысль: их борьба, лишения, схватки с Чужими — это не жизнь, а уродливый отголосок прошлого…

* * *

Нервное перевозбуждение постепенно прошло, сменяясь глухой депрессией.

Тела коснулась прохлада, быстро превратившаяся в неприятное чувство холода.

Николай сидел в кресле, глядя на погасшие экраны мониторов, и все отчетливее понимал: вывод о главенствующей роли людей, может быть, и верен, но его надежды вряд ли сбудутся — он не мог сделать даже такой малости, как заново включить вошедшую в энергосберегающий режим аппаратуру, не говоря уже о том, чтобы постичь смысл ее функций, научиться управлять компьютерными комплексами.

Те команды, что он выучил в период подготовки к вылазке в смежный сектор, явно не годились. Интуитивно Астафьев понимал, что все

компьютеры так или иначе должны подчиняться какому-то единому, незыблемому принципу, знание которого давало власть над ними, но, увы, — на поверку его эрудиция в данном вопросе являлась смехотворной…

…Чувствуя, как по телу начинает гулять озноб, он потянулся к лежащей на полу одежде. Ткань заскорузла от засохшей крови, пришлось приложить усилие, чтобы оторвать от пола свою куртку, из-под которой внезапно выкатился странный сферический предмет.

Николай посмотрел на него и отвернулся, натягивая на плечи загрубевшую ткань.

Отчаяние все глубже овладевало его рассудком, словно он только что очнулся от несбыточного эйфорического сна и увидел реальность такой, какова она есть.

…

Ультрафиолет.

Свет нес энергию, и специальные фотоэлектрические вставки, расположенные на обшивке сфероида, уловили поток заряженных частиц.

Прошло всего несколько минут, и одно за другим начали включаться устройства периферии: заработали сенсоры, передавая импульсы возбуждения на вход центральной нейросети.

Он лежал на полу.

Вокруг высились блоки систем поддержания жизни, спектр освещения соответствовал нормам, определенным для медицинских отсеков, однако анализаторы атмосферы указывали на низкую температуру воздуха, недопустимый уровень пыли и большой процент углекислоты.

В поле зрения точечных видеокамер попадала большая часть помещения, нейросистема распознала не только блоки медицинской аппаратуры, но и закрепленное на монорельсе кресло, в котором сидел полунагой человек.

Мгновенная попытка наладить двусторонний нейросенсорный контакт успехом не увенчалась — у человека отсутствовала не только левая нога, но и имплант с необходимым для установления контакта буферным устройством временного хранения и дешифровки данных.

Собственно ИПАМ мог обойтись и без него — датчики четко фиксировали биополе, снимая показания нервного возбуждения отдельных участков коры головного мозга, а система распознавания, используя специально разработанные алгоритмы, анализировала данные, делая вывод о подавленном психическом состоянии человека.

Сфероид, главным назначением которого являлась помощь людям при

возникновении затруднительных ситуаций, не мог не отреагировать на полученную информацию. Проанализировав собственные возможности, он пришел к выводу, что единственным средством для установления предварительного контакта мог послужить только встроенный синтезатор речи.

Николай вздрогнул всем телом, словно от удара электрического тока, когда за его спиной внезапно раздался голос:

— Сэр, вам необходима помощь?

Он резко обернулся. Медицинский модуль был пуст, никто не стоял сзади, но голос прозвучал так явственно, что не мог быть плодом его воображения.

— Вы смотрите в неверном направлении. С вами говорит ИПАМ. Я не могу двигаться, недостаточно энергии для включения микрореактивных движителей.

Горячий пот вновь обжег кожу

Николай медленно опустил взгляд и увидел тот самый сфероид, который несколько минут назад выкатился из вороха одежды.

— Где ваш имплант, сэр? Я не могу установить мнемонический контакт с биологическими нейросетями.

Астафьев немо, неотрывно смотрел на небольшой шар.

Он был в шоке и не мог даже вообразить, сколько перемен в его жизнь принесет внезапно зазвучавший синтезированный голос маленького, невзрачного кибернетического устройства.

* * *

Окажись на его месте Ван Хеллен, разговорчивому сфероиду пришлось бы туго.

Люди опасались кибернетических механизмов, даже тех, кто приносил явную, ощутимую пользу. Корни данной фобии крылись во мраке стремительной деградации, наступившей после печально знаменитой Внешней Атаки.

Николай тоже вырос с чувством недоверия к различным автоматическим устройствам — именно недоверия, а не панического страха, — как любой нормальный человек, он попросту побаивался того, чего не мог понять, однако долгое пребывание в тесном контакте с машинами, работавшими над его исцелением, притупило былые страхи.

В эти минуты Астафьев не задумывался над значимостью и глубиной перемен, произошедших в его мировоззрении. Он оцепенел от неожиданности, но не ударился в панику.

Разве не о машинах он думал на протяжении последних дней? Им владело естественное стремление выжить, найти свое место в жестоких рамках трудного существования небольшого человеческого анклава; однажды пережив физическую и моральную агонию, он страшился ее повторения, внутренне не принимал трагической предопределенности своего будущего, и в данный момент, испугавшись внезапно зазвучавшего голоса, он, тем не менее, не потерял ни страхов, ни надежд, — все смешивалось в рассудке, невольно отражаясь в поступках Астафьева

Он неотрывно смотрел на маленький шар, то цепенея от ужаса, то лихорадочно пытаясь понять, откуда он взялся.

Ван Хеллен поступил бы иначе.

Услышав за спиной голос внезапно и необъяснимо *ожившего* механизма, Доминик просто всадил бы в него пулю для верности.

Николай не мог сделать этого по двум причинам: во-первых, у него не было оружия, а во-вторых, синтезированный голос только на мгновенье напугал его, внезапно зазвучав в унисон неистовой надежде…

— Я не понимаю тебя… — хрипло ответил Астафьев Если бы не увечье, он бы встал с кресла и присел на корточки подле таинственного шара в попытке разглядеть его внешнюю структуру, но, машинально подавшись вперед, он вдруг болезненно ощутил свою физическую беспомощность, едва не упав на пол

Один эмоциональный шок сменялся другим — он закусил губу от досады, а шар будто угадывал его состояние, вещая из-за бесформенной груды одежды и экипировки:

— Сэр, вам необходимо успокоиться. Мои сенсоры фиксируют стрессовые сочетания биомагнитных полей, излучаемых вашим мозгом.

Откровенно говоря, Астафьев не понял ни слова, кроме совета держать себя в руках.

— Меня зовут Николай, — грубовато откликнулся он. пытаясь подавить вернувшийся страх. По интонациям, звучащим в синтезированном голосе маленького сфероида, он догадывался, что повторяющееся слово «сэр» является какой-то формой обращения, но оно сразу же не понравилось ему своей чуждостью.

— Называй меня Николай или Ник. Ты понял? — подавив смятение, повторил он. Голос Астафьева почти не дрожал, но кто бы знал, чего стоила ему эта кажущаяся невозмутимость. Предрассудки все-таки крепко сидели в голове, врываясь в сознание непредсказуемыми порывами

Нет, я, точно, сошел сума… — Он наклонился, шаря рукой в ворохе фрагментов гермоэкипировки. Не мог же Доминик забрать с собой все его

оружие. До того ли ему было?

Интуиция не подвела, пальцы наткнулись на холодный металлопластик, тут же переместившись на прорезиненную пистолетную рукоятку, которую охватывал короткий ремешок. На ощупь расстегнув крепления, он резко выпрямился, поднимая руку с оружием.

Вес пистолета немного успокоил нервы.

— Ник? В кого ты собираешься стрелять? Здесь есть враги?

Он не ответил.

Похоже, маленький кибернетический аппарат не вполне отдавал себе отчет в том, что потенциальный враг — это он сам.

— Я не знаю, насколько ты опасен, — после секундной паузы ответил Николай.

— ИПАМ! Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль! — Синтезированный голос зазвучал резко, эмоционально, так мог бы говорить возмущенный человек, но слышать подобные интонации, издаваемые кибермеханизмом, было жутковато. — Моя главная функция — помогать астронавтам. Я не могу являться источником опасности для человека!

Его слова убедили Астафьева лишь в одном: он правильно сделал, что завладел оружием. Теперь в субъективной оценке ситуации Ник уже не ощущал мистического превосходства говорящего шара. Короткий, но насыщенный жизненный опыт подсказывал, что импульсный пистолет всегда может поставить точку в непредсказуемом развитии событий.

ИПАМ недоумевал.

Его нейросеть столкнулась с алогичной ситуацией и в данный момент пыталась выработать адекватную реакцию. Нонсенс заключался в том, что человек, завладев оружием, заметно успокоился, стал более конструктивен, — сенсоры однозначно фиксировали, как гаснут эмоциональные всплески его биополя.

Теперь маленький сфероид оказался в затруднительном положении. Гибридный аппарат был частично обучен, а частично запрограммирован на определенный набор функций: он мог исполнять обязанности электронного секретаря, служить персональным компьютером, который никогда не выключается и всегда находится неподалеку от хозяина, осуществлять технические операции по ремонту бортового оборудования, особенно в труднодоступных для человека местах, контролировать состав атмосферы, температуру, герметичность отсеков, вовремя оповещая членов экипажа о малейших отклонениях от заданных норм, но среди известных ситуаций, на которые умела реагировать его нейросеть, не нашлось прецедента

противостояния человека и машины…

Конструктор, который заложил в основу автономного кибернетического устройства нейроподобную сеть, способную переобучаться, самонастраиваться в зависимости от изменения окружающей обстановки, был либо гением, либо пророком.

Сейчас ИПАМ, вместо того чтобы впасть в ступор от неразрешимого противоречия, интенсивно искать ответ на возникший вопрос, моделируя и подвергая логическому анализу различные ситуации, которые могли стать первопричиной обнаруженного следствия.

Его видеодатчики фиксировали полуобнаженного человека, недавно лишившегося ноги, в данный момент сидящего в кресле дежурного медика, перед отключенными блоками системы реанимации. Несмотря на явно пониженный мышечный тонус организма, пистолет он держал твердо, уверенно, так, словно обращение с оружием давно вошло в разряд его машинальных привычек.

Итак, перед ним был вооруженный человек, демонстрирующий непонимание некоторых оборотов речи, напряженно, эмоционально переживающий сам факт присутствия в отсеке кибернетического механизма…

Нейросистема сфероида оценивала не только эмоциональное состояние и явные действия Астафьева — скрупулезному анализу подвергались и собственные блоки долгосрочной памяти, запечатлевшие информацию о последних мгновениях перед аварией.

Аварией?

ИПАМ не мог ни подтвердить, ни опровергнуть данное утверждение.

— Ник, — обратился он за дополнительной информацией к человеку. — На корабле произошла катастрофа?

— На корабле? — Астафьев недоуменно посмотрел на сфероид — Ты имеешь в виду Мир?

— Возможно, мы обозначаем разными терминами одну и ту же конструкцию? — немедленно отреагировал ИПАМ. — Я уточняю вопрос: что произошло с Миром в период… — Он сверился с последней сохраненной в его памяти датой и назвал ее.

Николай задумался. Диалог с машиной оказался невероятно трудным. Подсознательно он ни на миг не забывал, что разговаривает отнюдь не с человеком, от этого ему становилось неуютно, мысли путались, но все же Ник нашел в себе силы, чтобы преодолеть страх. На сколько хватит его решимости, оставалось только гадать…

— Ты спрашиваешь о Внешней Атаке? — собравшись с мыслями,

переспросил он.

— Я не знаю, что происходило после моего выключения, — ответил синтезированный голос.

— А почему ты выключился?

Вот это был правильный, корректно сформулированный вопрос.

ИПАМ мгновенно сопоставил факт своего мгновенного отключения с остальной информацией и произнес:

— Термин «Внешняя Атака» подразумевает нападение со стороны космического пространства?

Николай откровенно пожал плечами.

— Снаружи, — буркнул он, пытаясь припомнить смутные легенды, сохранившиеся с тех далеких времен. — Я был слишком мал и не помню подробностей, — пояснил он, добавив: — У нас и без того хватает проблем.

ИПАМ на некоторое время затих.

Его система обладала высокой степенью приспособляемости, выраженной в способности к ассоциативному мышлению: он анализировал новые данные, моделируя вероятности, делая эмпирические выводы, принимая к сведению одни и отвергая другие, пока искусственная нейросеть не выработала цепочку причинно-следственных связей, удовлетворяющих требованиям окружающей его реальности.

Он не стал делиться своими выводами с человеком, но не потому, что хотел что-то утаить. Если бы Николай спросил, ИПАМ, несомненно, ответил бы на любой вопрос, но Астафьев напряженно молчал, не проявляя никакой заинтересованности в прошлых событиях, поэтому сфероид ограничился повторением уже высказанной им формулировки:

— Я не опасен. Меня создали для сотрудничества с людьми, оказания всевозможной помощи.

— Тогда докажи это, — немедленно отреагировал Ник. Первый шок прошел, но цепкий страх не исчез, он не отпустил разум, а, напротив, усилился. Астафьев не мог вспомнить случая, чтобы машины пытались общаться с человеком. Обычно они молча исполняли свои функции, отображая на контрольных мониторах непонятные сообщения, которые люди попросту игнорировали, не в силах понять заложенного в них смысла.

— Тебе требуется помощь? Я могу предоставить любую интересующую информацию. Например…

— Мне нужно знать, как работают компьютеры, — оборвал его Астафьев.

ИПАМ несколько секунд молчал.

— Для этого требуется имплант, — лаконично заявил он. — При прямом нейросенсорном контакте обучение техническим дисциплинам не займет много времени.

— Я не знаю, что такое имплант, — с досадой ответил Николай. — Ты что, не можешь объяснять понятными словами?

— На это уйдут годы, — упрямо ответил сфероид. Астафьев задумался. *Он пытается меня обмануть? Или я просто не понимаю его?*

— Что такое имплант? — наконец спросил он.

— Это устройство обмена данными, — немедленно пояснил ИПАМ. — Подключив его, ты сможешь общаться со мной напрямую.

— Без слов?

— Мы будем связаны мнемонически.

— Ты можешь говорить понятно?!

— Мысленно, — поправился сфероид. — Вопрос в твоем восприятии. Хочешь ли ты этого?

— Я не хочу умирать, — с необъяснимой злобой ответил Николай. — Ты что, не видишь, у меня нет ноги?! Я бесполезен для остальных…

— Ногу можно заменить протезом, — осторожно ответил ИПАМ.

Маленький сферический аппарат элементарно исполнял свои функции. Даже тех крох информации, что оказались в его распоряжении, было достаточно, чтобы понять: в помощи нуждается не только сидящий напротив Астафьев — люди, по выводам нейросистемы, утратили не только контроль над автоматикой космического корабля, они потеряли знания — вот где крылась катастрофа, сформировавшая пропасть непонимания.

— Ты можешь получить от меня помощь. Но я не могу приказывать тебе. Ты сам должен решиться.

— На что?

— Внедрение импланта — это своего рода операция. Твой разум трудно перенесет ее.

Николай при слове «операция» машинально покосился на реанимационную камеру, в плену у которой провел долгие дни.

— Нет, ты неправильно меня понял. Хирургического вмешательства не будет. Имплант надевается на ушную раковину, и лишь группа микроконтактов соединяется с нервными окончаниями в височной области. Это совершенно безболезненно и не опасно для здоровья.

Ник, который хотел спросить, долго ли маленький шар собирается валяться на полу, вещая из-за груды тряпья, опустил пистолет и откинулся на спинку кресла.

Его опять лихорадило, но уже не от холода.

Астафьеву вдруг вспомнились страшные легенды о людях, которые действительно могли общаться с машинами, отдавая им мысленные приказы. Если верить мифам, все они погибли во время Внешней Атаки. Причиной их смерти, по преданию, стали микроскопические устройства, соединенные с разумом…

Рука с пистолетом медленно поднялась.

— Ты лжешь. Имплант — это смерть!

Палец соскользнул на сенсорную гашетку оружия.

Лучше погибнуть в схватке с ксеноморфами, чем позволить машине угнездиться в собственной голове. Вот чего так панически боялись предки. Николай до последнего момента просто не понимал этого.

Уставшая, ослабевшая рука дрогнула, и первая пуля лишь расщепила облицовочный пластик пола рядом с грудой одежды, взвизгнув в рикошете.

Ничего… Сейчас я прицелюсь…

Это была последняя осознанная мысль Николая.

* * *

Помогать людям.

В двух словах, оказывается, был заключен гигантский, разносторонний и, как ни парадоксально, противоречивый смысл.

В основе ИПАМа лежала нейроподобная сеть: полтора миллиона искусственных нервных клеток, изготовленных на молекулярном уровне.

Почему искусственных, а не живых?.. Ведь удачные опыты по интеграции в компьютерные системы нервных тканей млекопитающих проводились еще в начале двадцать первого века.

Разработчики автономных интеллектуальных модулей, призванных облегчить работу экипажа космического корабля, исходили прежде всего из соображений надежности и функциональности. Живая ткань требует особых агрегатов поддержки, нервным клеткам необходимо питание, кислород, определенный температурный режим. Всех вышеперечисленных недостатков лишен искусственный нейрон. Он может функционировать в условиях вакуума и различных агрессивных сред, что немаловажно при возникновении нештатных ситуаций.

И все же, несмотря на отсутствие живой органики, нейросеть ИПАМа по принципам функционирования являлась точной копией биологических прототипов.

Казалось бы — полтора миллиона нейронов не могут сформировать систему, обладающую зачатками разума, а уж тем более реализовать на практике такие сложные процессы, как ассоциативное мышление или

минимально необходимый комплекс рефлекторных реакций, схожих по своей сути с инстинктом самосохранения.

Все объяснялось достаточно просто. Нейросеть ИПАМа не была загружена рутинными функциями. В ней не хранились данные, она занималась лишь обработкой информации, которую поставляли периферийные устройства. В общую структуру сфероида входили, помимо центрального нейромодуля, десятки *кибернетических* устройств, таких как сенсоры, модули памяти, арифметические сопроцессоры, системы анализа движения и распознавания образов.

Уникальный аппарат сочетал в своей конструкции все лучшее, что создала эволюция и изобрели люди.

И все же реакция ИПАМа на произведенный в него выстрел не укладывалась в рамки той логики функционирования, что заложили в него проектировщики и программисты.

Помогать людям.

Импульсы возбуждения пробегали по искусственным нейронам в тысячи раз быстрее полета пули, за ничтожный интервал времени он успел не только осмыслить ситуацию, но и выработать метод противодействия.

Разрушение недопустимо.

Помочь человеку, отвергающему помощь, — невозможно.

Регресс выстроил между ними неодолимую стену непонимания.

Он *должен* помогать людям.

Вывод один: люди должны стать прежними, разумными, конструктивными, очистить свой разум от фобий, преодолеть бездну регресса.

Способ достижения цели: внедрение имплантов, возмещение утраченной информации посредством программ настройки биологических нейросетей.

Степень вреда, причиняемая при этом человеку:

По логике ИПАМа, вред как таковой отсутствовал вообще.

Все эти выводы заняли малую часть ничтожного промежутка времени между произведенным и предполагаемым выстрелами.

Окажись рядом люди, причастные к созданию автономных интеллектуальных модулей, они бы расценили действия сфероида как выход за рамки предоставленных ему полномочий, констатировав сбой, но, увы, рядом находился только Николай.

Он не успел вторично прицелиться.

Система беспроводной связи ИПАМа вошла в контакт с ближайшим компьютерным терминалом и передала необходимые инструкции.

Из неприметных отверстий открытой реанимационной камеры под давлением вырвался газ, используемый для общего наркоза при хирургических операциях.

Астафьев успел ощутить лишь резкий неприятный запах; в следующий миг оружие выскользнуло из ослабевших пальцев и, глухо стукнувшись о монорельс, отлетело в сторону…

ИПАМ еще не мог двигаться, но, установив связь с терминалом реанимационного компьютера, уже убедился, что в медицинском модуле хранится запас необходимых устройств, предназначенных для имплантации.

Оценка психической устойчивости пациента, по наблюдениям автоматической системы, пользовавшей Астафьева после ранения и ампутации, не вызывала опасений. ИПАМ отлично понимал разницу между действительным уровнем эрудиции и потенциальными возможностями человеческого мозга. При правильном проведении операции Николай не только усвоит новые для него знания, но и будет воспринимать их как нечто само собой разумеющееся. Он помогал человеку.

* * *

С момента его внезапного отключения прошло четырнадцать лет.

Ни одна база данных, доступная через аппаратные средства медицинского модуля, не содержала сведений о событии, которое Николай Астафьев обозначил термином «Внешняя Атака».

Более того, в отсеках корабля повсеместно функционировали дубль-системы, что прямо свидетельствовало о глобальном сбое основных кибернетических сетей.

Сфероид обладал обширными техническими знаниями, но его осведомленность о событиях новейшей истории равнялась нулю, — это он понял, как только Николай перенес простую, с точки зрения медицины, операцию по имплантированию кибернетического модуля связи.

Стоило миниатюрному прибору заработать, как сфероид тут же получил доступ к наиболее ярким эмоциональным воспоминаниям человека — они буквально рвались наружу, невзирая на искусственный сон, в который из предосторожности погрузила Астафьева система оперативного нейрохирургического вмешательства.

Пока Ник спал, ИПАМ усвоил массу новых данных. Он увидел тазами человека разрушительные последствия упомянутой им Внешней Атаки, понял, что между представителями двух рас, вместе стартовавших из

Солнечной системы на борту тандемного космического корабля, идет жестокая, бескомпромиссная война за скудные ресурсы, необходимые для работы вторичных систем жизнеобеспечения.

Его задача — помогать людям.

Это означало, что ИПАМ автоматически должен вступить в существующую борьбу на стороне своих создателей?

Он попытался опровергнуть данный постулат, но не смог этого сделать.

Николай все еще спал.

Маленький сфероид парил над его телом, решая для себя сложнейшую задачу: как помочь людям, не нанося прямого вреда другим разумным существам?

Он так и не пришел к однозначному решению, когда Астафьев впервые ненадолго очнулся после имплантации.

Николай бредил, мучительно приходя в себя, его взгляд то прояснялся, то вновь тускнел — масса новых, шокирующих ощущений стучалась в рассудок, заставляя вновь и вновь проваливаться в спасительное, но короткое беспамятство.

По подсчетам ИПАМа, прошло восемь бортовых суток, прежде чем психика Николая сумела адаптироваться к подключенному устройству.

В очередной раз придя в сознание, он нашел взглядом маленький сфероид и вдруг тихо, едва слышно произнес:

— Теперь я твой хозяин…

Для нейрокибернетического устройства эти слова прозвучали как освобождение.

Вот где скрывалось решение, устраняющее все противоречия и запреты.

Он будет помогать *одному* человеку, делясь с ним техническими знаниями, давая советы по эффективному выживанию, а Николай сам решит, как распорядиться полученной информацией.

Теперь, по логике ИПАМа, он мог на практике исполнить свой долг, не нарушая внутренних программных «вето», наложенных на определенные действия. Всю ответственность за принятие конкретных решений, за целевое использование полученной информации брал на себя Астафьев.

Маленький серый кардинал парил над телом восемнадцатилетнего калеки.

Уже не персональный компьютер, но еще не мыслящее существо.

Блок искусственных нейронов в прочной, пронизанной сенсорными

системами оболочке. Зачаток интеллекта, решивший для себя первую серьезную дилемму бытия, наивный, как ребенок, но обладающий огромным запасом знаний.

Жестокий малыш, по своим канонам свято убежденный, что творит добро.

* * *

Следующая встреча Доминика Ван Хеллена и Николая Астафьева произошла спустя три месяца после памятной вылазки.

В ту пору человеческий сектор переживал тяжкие времена — почти все мужчины погибли в противостоянии с Чужими на просторах смежного сектора, а оскудение ресурса систем жизнеобеспечения привело к ужасным условиям существования: мрак и холод царили в отсеках, наспех сформированные отряды с трудом удерживали магистральные тоннели от непрекращающихся атак Чужих…

Откровенно говоря, в ту пору Ван Хеллену было не до друзей.

Холодные месяцы запомнились ему как непрекращающаяся череда изматывающих схваток. Судьба бросала его из боя в бой, рассудок день за днем впитывал безумную данность, душа замерзла… он стал угрюм, молчалив и страшен в своем хладнокровии.

Случайно столкнувшись в коридоре жилого сектора, они едва узнали друг друга.

За истекшие месяцы Доминик из нескладного юноши превратился в угрюмого воина, Астафьев, напротив, хоть и осунулся, похудел, но сохранил в глазах не только блеск жизни, — в его взгляде продолжала теплиться непонятная искорка надежды, словно он не воспринимал роковой ход предопределенных событий.

Они молча обнялись.

— Как ты? — Ван Хеллен прислонился спиной к стене коридора, по которому шли люди.

— Я в порядке, — неожиданно ответил Николай. Опираясь о плечо Доминика, он тоже посторонился. Негнущийся протез, изготовленный из подручных материалов, явно доставлял ему неудобства, боль, но Астафьев лишь инстинктивно морщился, не думая жаловаться на судьбу.

— Рад, что встретил тебя, — произнес он, когда коридор опустел. — Есть разговор.

Ван Хеллен удивленно вскинул бровь. Вспоминать недавние события ему не хотелось, выслушивать слова благодарности — тоже.

— Давай зайдем куда-нибудь, — предложил Астафьев.

— У меня мало времени, Ник.

— Ты должен выслушать меня. — Николай развернулся и. оттолкнувшись от стены, неловко пересек коридор, открыв первую попавшуюся дверь. Ван Хеллену ничего не оставалось, как последовать за ним.

Отсек, куда зашел Астафьев, был погружен во мрак. Здесь не работало даже дежурное освещение: из темноты раздался грохот опрокинутого ящика, сопровождаемый невнятной руганью, затем под самым потолком внезапно тускло зажегся матовый плафон.

С точки зрения Ван Хеллена, Ник только что продемонстрировал ему маленькое техническое чудо. Для того чтобы безошибочно найти во тьме выключатель аварийной системы, нужно точно знать его расположение.

Помещение оказалось давно заброшенным складом. По полу были в беспорядке разбросаны опустошенные много лет назад контейнеры, стены и пол покрыты замысловатыми узорами инея. Тут не функционировал ни один из агрегатов, поддерживающих тепло, не шелестел регенератор воздуха, а стоял холод, от которого на вдохе ломило зубы.

— Доминик, я знаю, как остановить Чужих, — внезапно произнес Астафьев, затворив дверь и присев на перевернутый ящик. — Не смотри на меня так, я говорю абсолютно серьезно. Если бы мы не встретились сегодня, я, наверное, пошел бы на передовую искать тебя.

— Это невозможно. — Ван Хеллен сел, недоверчиво глядя на друга. Он имел в виду утверждение, касающееся ксеноморфов. — Мы не смогли даже дойти до главного компьютера… Теперь ксенобианам осталось лишь добить нас, — мрачно изрек Доминик.

— Хотя бы выслушай меня. — Николай не просил — он говорил с убежденностью человека, долго вынашивавшего в себе определенную идею и наконец решившегося поделиться ей.

— Хорошо. — Ван Хеллен сел на покрытый изморозью контейнер. — Говори.

Астафьев расстегнул магнитную липучку своей одежды и достал из-за пазухи распечатку, сделанную на пластбумаге.

— Посмотри на эту схему.

Доминик некоторое время внимательно изучал чертеж. Такого подробного плана уровня он еще не видел.

— Откуда ты это взял? — удивился он.

— Снял двухмерную копию с виртуальной модели.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — нахмурился Ван Хеллен.

— Тебе незачем понимать. Только без обид, ладно? — попросил

Николай. — Смотри на распечатку. Видишь три основных тоннеля, по которым Чужие постоянно атакуют сектор? — палец Астафьева указал на магистральные проходы.

— Ну, вижу.

— Теперь смотри сюда. — Николай указал на двойные поперечные линии, пересекающие тоннели. Над ними группировались непонятные Доминику условные значки.

— Что это? — напрягся он. — В указанных местах ничего нет. Я десятки раз проходил там.

— За стенами спрятаны древние механизмы. Условные знаки говорят, что это аварийные переборки. Попарно они образуют шлюзы, надеюсь, ты знаешь предназначение таких устройств?

Ван Хеллен кивнул. Что такое шлюзы, он знал.

— Я обнаружил старые базы данных. В них хранятся инструкции и пояснения, как действует автоматика во время аварий. Если вдруг нарушится герметичность коридоров, то механизмы сами опустят аварийные переборки. Вслед за этим заработает автономная система жизнеобеспечения, у которой есть свой неприкосновенный запас ресурсов.

Внимательно слушавший его Доминик невольно вздрогнул, но не от лютого холода, царящего в заброшенном складе. Несколько слов, понятных даже ему — простому бойцу, не обладающему обширными техническими знаниями, звучали как самая настоящая *надежда.*

Система жизнеобеспечения. Туманный образ, олицетворяющий множество древних устройств, от исправной работы которых напрямую зависит выживание горстки людей. Сочетаясь с утверждением о якобы существующем запасе *ресурсов,* слова Николая обретали определенный смысл…

И все же Ван Хеллен недоверчиво покачал головой. Что он видел за последние три месяца? Только смерть, холод, разрушение. Среди образов, подчинивших его рассудок, не было места для глупых надежд.

Видя откровенное недоверие в холодном взгляде друга, Николай занервничал.

— Доминик, разве ты не можешь поверить мне на слово? Мы с тобой воевали рука об руку. Ты спас мне жизнь…

— При чем тут это?

— Ты можешь доверять мне. Мы давно не виделись, но… — Астафьев, прихрамывая, обошел нагромождение пустых контейнеров и еще раз проверил, плотно ли закрыта дверь. Его бескровные губы посинели от холода, но все же он предпочитал говорить тут.

— Мы идем по гибельному пути. Люди забыли, что Миром можно управлять.

— Это заговор? — вскинул голову Ван Хеллен.

— Можешь называть как угодно… Доминик, я не сошел с ума, — вдруг горячо начал убеждать его Николай. — У меня было много времени для размышлений — я два месяца пролежал в медицинском отсеке, в полном одиночестве, наедине с машинами.

— Машины живут своей жизнью, — буркнул в ответ Доминик.

— Нет, в том-то все дело, что — нет! Они не живут. Они работают. И ими можно управлять. Я убедился в этом сам., Лучше бы Ник не произносил таких фраз.

— Ты управлял машинами? — Взгляд Ван Хеллена стал колючим, неприязненным.

В его представлении все кибернетические механизмы — мертвые ли, безнадежно разрушенные или, наоборот, проявляющие признаки жизни (его сознание не могло подобрать иной термин) — являлись источником потенциальной опасности. Такое отношение к киберсистемам внушали им с детства, и потому слова Николая отдавались в душе безотчетным страхом, а в рассудке — холодной мыслью о предательстве.

Ничто не могло вмиг стереть внушаемые с младенчества фобии, а если помножить их на моральное состояние Ван Хеллена, впервые за последний месяц покинувшего передовую линию обороны, то совершенно неудивительно, что он не поверил Астафьеву, насторожился, мгновенно поменяв позу, — будто внутри что-то выпрямилось, мобилизовав последние силы предельно уставшего человека.

— Я только что включил здесь свет, — попытавшись сделать вид, что не заметил его реакции, продолжил Николай. — Посмотри. — Астафьев дотянулся рукой до расположенной рядом с дверью панели управления. — Она не работает. — Он демонстративно коснулся заиндевелых сенсоров. — Но Мир устроен так, что у каждого агрегата есть замена. — Он обернулся и указал рукой на другую панель, притаившуюся в дальнем конце помещения. Добраться до нее можно было, лишь сняв декоративный кожух облицовки стены.

Ее как будто спрятали от посторонних глаз, — подумал Ван Хеллен.

— Я не знаю, почему люди стали опасаться машин, — продолжжал Николай. — Наверно, эго связано с Внешней Атакой. Мы потеряли элементарные знания. Наше невежество породило страх.

— Элементарные знания? — усмехнулся Доминик. — По-твоему машины так просты?

— Ты говоришь и думаешь, как все, — упрекнул его Астафьев. — На самом деле машины подчинены правилам. Они станут общаться с тобой только в том случае, если им верно сформулировать вопрос, выполнят приказ, если ты знаешь, как его отдать, и выбрал систему, у которой есть необходимые тебе возможности. Разве это сложно?

— На словах — нет. А на деле?

— На деле сложнее, — согласился Астафьев. — Я только начал осваивать элементарные основы управления, но уже нашел способ, как оградить людей от атак Чужих. Подумай, есть ли у нас силы для борьбы? Даже если мы продержимся год, очередное перераспределение ресурсов все равно будет проиграно. Тогда холод, голод и тьма окончательно расправятся с нами. Ты можешь опровергнуть мои слова?

— Нет, — после короткого раздумья буркнул Ван Хеллен. Он уже давно ощущал дыхание *безысходности.*

— Значит, мы должны рисковать ради того, чтобы выжить. Забыть о своем страхе, признать собственное невежество и использовать любые возможности, чтобы получить передышку, стать на время независимыми от централизованного распределения ресурсов и недосягаемыми для ксенобиан.

— Как это сделать?

— Я уже сказал — есть автономная система жизнеобеспечения. Резерв со своим неизрасходованным ресурсом. Нужно лишь создать условия, при которых автоматически включатся определенные механизмы, — они вернут в отсеки свет и тепло, снова заработают синтезаторы пищи, и мы сможем использовать передышку, чтобы вернуть утраченные знания, научиться по-настоящему управлять нашей частью Мира.

— Я постоянно слышу от тебя слово «условия», — глядя в глаза Николаю, произнес Доминик. — Что должно произойти?

Астафьев ответил не сразу. Он нервничал — это было заметно по всему.

Наконец, подняв голову, он произнес:

— Система включится только при условии аварии. Должна произойти разгерметизация всех магистральных тоннелей сектора. Теперь ты понимаешь, почему я хотел идти и искать тебя? Кто еще сможет поверить мне?

Ван Хеллен лишь покачал головой.

— Стены простоят еще много лет. Они прочны. Глупо уповать на аварию… — Он вдруг осекся, прочитав ответ в глазах Астафьева. — Ты

намерен взорвать стены?!

— Если бы я мог, — сокрушенно ответил Николай, машинально коснувшись своего грубого протеза. — Заряды следует установить за аварийными шлюзами, а там все кишит Чужими. Я калека… Да и люди из мобильных групп скорее убьют меня, чем позволят исполнить задуманное.

— Предлагаешь сделать это мне? — сощурился Ван Хеллен.

— Да, — собравшись с духом, ответил Николай. Доминик долго молчал.

— А если твой план не сработает?

— Тогда произойдет декомпрессия, и все погибнут.

— Как в легендах о Внешней Атаке?

— Да.

Ван Хеллен тяжело, надолго задумался.

Николай был его другом. Когда-то они сражались вместе, и Доминик был уверен: случись ему оказаться на месте Астафьева, тот бы тащил его на себе. Но тут… Речь шла о жизни и смерти десятков людей. Провал означал смерть, удача (в которую он не верил) сулила передышку и болезненные перемены — свет и тепло, вернувшиеся в отсеки, докажут правоту Николая, но вряд ли страх перед машинами исчезнет сам по себе…

Кровь внезапно прилила к голове Ван Хеллена.

Все промелькнувшие мысли сжались, скорчились под натиском свежих, кровоточащих воспоминаний — он поднял взгляд и посмотрел на замысловатые узоры инея, что ползли по стенам отсека.

Хуже, чем сейчас, уже не будет. Роковая развязка близится — каждый день, сталкиваясь с Чужими, теряя близких людей, он, будто заговоренный, оставался невредим и ощущал дыхание рока.

— Я воин, — глухо произнес Доминик. — Мне неизвестны тайны управления машинами. Ты прав в одном, Ник, — смерть подобралась к нам вплотную, но я не могу поверить тебе… Действовать втайне от других — это предательство. А полагаться на машины — безумие.

Глаза Астафьева потускнели.

Слишком много надежд он связывал с этим разговором, и тем больнее отозвалось в душе проявленное Домиником недоверие.

А ты бы поверил? — спросил себя Ник и сам же мысленно ответил: — *Нет.*

Но он хотел спасти людей! Хотел, чтобы наступила другая жизнь, но не видел иного способа остановить бесноватый натиск ксеноморфов…

— Жаль, что мы не поняли друг друга…

Ван Хеллен встал.

— Хочешь совет, Ник?

Астафьев пожат плечами. Сейчас ему было все равно.

— Не пытайся склонить на свою сторону еще кого-то. Тебя просто убьют.

Доминик вышел, даже не попрощавшись.

* * *

Сутки спустя, отоспавшись, Ван Хеллен вернулся на передовую линию обороны.

Три основных тоннеля, соединяющие подконтрольную людям часть огромного Мира со смежным сектором, сходились воедино, вливаясь в огромный зал, где на истертых плитах пола еще виднелась древняя разметка: изгибающиеся стрелы указывали на неработающие механизмы, чьи циклопические элементы, вмонтированные в стены обширного помещения, давно воспринимались людьми как надежные укрытия, не более.

…Очередная атака Чужих захлебнулась несколько минут назад — в воздухе витал запах смерти, давно ассоциирующийся в сознании людей с флюидами токсина, который вырабатывали бойцовские особи ксенобиан.

Ван Хеллен огляделся.

За излюбленным укрытием — огромным, выгоревшим изнутри остовом непонятной остроносой машины лежали два человека.

По неестественным позам и отсутствию движений Доминик сразу понял, что они мертвы.

Плохо наше дело… — подумал он, короткими перебежками пробираясь через разбитые баррикады. Раньше тела погибших старались убрать сразу после атаки, но сейчас, несмотря на явное отступление Чужих, среди множества естественных и искусственно возведенных укрытий не было заметно движения.

Коммуникатор шлема молчал, хотя устройство связи он включил заранее.

— Есть кто живой? Отзовитесь? — выдохнул Доминик, присев рядом с двумя окоченевшими телами.

Тишина.

Он стянул перчатку и попытался закрыть веки погибших, но ощутил лишь немой холод да неприятное упругое сопротивление, словно коснулся промерзшей резины.

Сколько же нас осталось?

Доминик огляделся.

Огромный зал выглядел пустым. Сутки назад, когда он покидал передовые укрепления, здесь оставалось десятка три защитников. Несколько человек ушли с ним, но Ван Хеллен не знал, вернулись ли они сюда раньше него или придут позже.

Впереди темнели зевы трех тоннелей, ведущих к шлюзам, за которыми начинались просторы смежного сектора. За огромным нейтральным пространством, по рассказам очевидцев, располагались территории ксенобиан, точно так же отделенные от средней части мира тоннельными переходами.

Было время, когда борьба двух рас полыхала по другую сторону смежного сектора, но с каждым годом людей становилось все меньше, а Чужих — больше. Много лет назад, когда Доминик был еще мальчиком. ксенобиане начали плодить бойцов — существ с коротким сроком жизни, отличающихся от своих хозяев некоторыми анатомическими особенностями и низким уровнем интеллекта.

Жестокая арифметика подавляющего численного превосходства резко повлияла на ситуацию, за несколько лет сузив рамки противостояния до ожесточенных схваток в отсеках и переходах, вплотную примыкающих к жилому сектору человеческой части Мира.

…Ван Хеллен гак и не заметил признаков движения на опустевших баррикадах.

Неужели следующая атака Чужих станет последней?

За спиной Доминика остались стылые, постепенно промерзающие отсеки, где у неработающих синтезаторов пищи в полном неведении ждали решения своей участи дети и подростки, старшим из которых едва исполнилось по четырнадцать лет.

Он никогда не плакал, но сейчас взгляд вдруг затуманился, стал расплывчатым…

Жутко понимать, что ты стал взрослым.

Все. кто был старше, погибли. Коммуникатор молчал, но ведь кто-то отбил атаку, загнав Чужих назад в глубь тоннельных переходов?

Нужно искать… Искать…

В этот момент что-то зашуршало сбоку.

Машинальная реакция, обостренная отчаянным, безвыходным положением, заставила его распластаться рядом с убитыми.

Он застыл, зная, что ксеноморфы вряд ли отличат по запаху мертвого человека от живого. Это даст ему несколько секунд, чтобы скосить их внезапной автоматной очередью.

Тело застыло в напряжении, но взгляду не прикажешь, расширенные

зрачки искали источник насторожившего шума, и Ван Хеллен внезапно увидел крохотную, облаченную в скафандр фигурку, которая медленно ползла по своду зала, немыслимым образом удерживаясь от падения с двадцатиметровой высоты.

Секундой позже до него дошло, кто это мог быть.

Левая нога человека не гнулась, она лишь мешала продвижению, постоянно цепляясь за различные выступы ячеистого свода, вдоль которого вились хитросплетения трубопроводов и толстых, собранных в жгуты кабелей.

Астафьев.

— Ник, я тебя вижу… — пересохшие губы с трудом выдавили короткую фразу.

Фигура остановилась.

— Доминик?

— Да, это я.

— Не выдавай меня, прошу.

Ван Хеллен чувствовал — еще немного, и у него начнется истерика.

— Как ты удерживаешься там?

— Магнитные присоски. Ты не выдашь меня?

— Посмотри вниз, Ник. *Мне некому тебя выдавать…*

— Я боюсь высоты. — Крохотная фигурка вновь начала осторожное продвижение среди образующих свод конструкций. — Что, все так плохо?

— Мне кажется, я один на баррикадах. Сейчас Чужие пойдут в атаку, и нам конец.

— Постарайся удержать их. Мне нужно время на установку зарядов.

В душе Ван Хеллена всколыхнулась горечь. Вспомнился вчерашний разговор. Поверь он словам Николая, и все, возможно, обернулось бы иначе. Может, и не лежал бы он сейчас рядом с телами погибших, глядя на крохотную фигурку, ползущую по потолку.

Остановить Чужих может только безумие или чудо.

Накануне это не казалась Ван Хеллену очевидным, а сейчас он вдруг понял, что готов отдать все за призрачный, нереальный проблеск надежды…

* * *

Их было десять человек — подростков по тринадцать—четырнадцать лет.

Среди старших детей верховодил Сергей Лукорьев.

— Плюс два градуса, — мрачно сообщил он, посмотрев на небольшой

информационный экран.

Холод начинал пробирать до костей, несмотря на одежду.

К нему подошла Даша — пятилетняя девочка. На осунувшемся землистом лице влажно поблескивали по-детски красивые, полные наивной надежды глаза.

— Сережа, когда мы будем кушать?

Лукорьев даже не посмотрел в сторону синтезатора пищи. Что толку пялиться на прибор, когда тот не работает.

— Серега, перестрелки не слышно. Уже второй час тишина.

Он повернулся, мрачно взглянув на Пашу Казимирова.

Верховодить в детских шалостях и забавах одно, а вот сидеть в постепенно промерзающем отсеке и отвечать на безысходные вопросы — совершенно другое. Откуда ему знать, почему так тихо? Где взять хоть кусочек пищевого концентрата?

Родители ушли, двое суток никто не возвращался с линии передовых укреплений, но раньше оттуда доносились отзвуки боя, а теперь настала эта жуткая тишина.

Даша внезапно села и тихо, почти беззвучно заплакала.

Мучительная беспомощность подступила к горлу Сергея.

Он сам был готов разрыдаться, но в такие часы дети взрослеют не по годам.

— Ну-ка не плачь. — Он присел на корточки.

Даша всхлипнула, но не отвернулась, позволив Сергею вытереть застывшие на ее щеках слезы.

— Вот что… — Лукорьев выпрямился, оглядевшись вокруг, будто и вправду томительные часы безысходного ожидания превратили его из подростка в мужчину. — Никто не плачет. Младшие остаются тут. Ну а мы… — Он повернулся к тем, кто постарше. — Мы сейчас пойдем и все узнаем у родителей. Раз наступила тишина, значит, Чужих выгнали из сектора, — не дрогнув, произнес он, хотя в голове билась прямо противоположная мысль. — Даша, ты садись тут, — он указал на кресло рядом с синтезатором пищи, — и жди, пока зажгутся зеленые огоньки.

— Хорошо, Сережа. — Девочка больше не плакала. — Только ты скажи маме, что мне холодно. Пусть возвращается быстрее, ладно?

— Я скажу.

* * *

Прошло минут тридцать, но Чужие не возобновляли атаку. Доминик не понимал, чем это вызвано. За полчаса он обошел разбитые баррикады и

не смог отыскать никого из живых.

— Я установил первый заряд, — внезапно раздался в коммуникаторе голос Астафьева. — Тут есть технические переходы, попробую пробраться из тоннеля в тоннель по ним.

— Ты видишь Чужих?

— Подожди, сейчас попробую взглянуть вниз.

Некоторое время связь молчала, потом вновь раздался голос Николая:

— Они толпятся подле шлюзов. Такое ощущение, что ждут кого-то.

— Ты поглядывай вниз. Если двинутся в мою сторону, хоть предупреди.

— Ладно.

После короткого разговора вновь наступила зловещая тишина.

Ван Хеллен не стал трогать тела павших. Собрав оружие, он отступил к единственному тоннелю, ведущему к жилым секторам.

Здесь высилась недавно возведенная баррикада, на сооружение которой пошли подручные средства, начиная от обычных столов и заканчивая тяжелыми, вырванными из стен компьютерными терминалами.

Укрепление показалось ему надежным, отдельные элементы укрытия были не просто свалены в кучу, их по возможности подгоняли друг к другу, используя опыт затянувшихся позиционных боев: массивные компьютерные блоки, уложенные друг на друга, образовывали отдельные ячейки с узкими расселинами амбразур.

Заглянув в одну из них, Доминик убедился, что пространство перед баррикадой очищено от обломков, — сектор обстрела расходился широким конусом, охватывая сумеречные зевы тоннелей.

Сколько-то продержусь, — почти равнодушно подумал он.

Нервная система тоже имеет свой предел, за которым вдруг наступает отрешенность.

Минуты текли, похожие на бесконечность.

Из этого состояния его вывел ломкий юношеский голос:

— Дяденька, мы пришли узнать, что случилось?

Доминик обернулся.

В нескольких метрах от него, на выходе из тоннеля, стояла группа подростков.

Сердце Ван Хеллена сжалось. Никогда в жизни он не испытывал такой горькой пронзительной боли.

Нескладные ребята, едва переступившие возрастной порог юности, были вооружены и экипированы. Металлокевларовые бронежилеты кое-как подогнаны по фигурам, но все равно кажутся преувеличенно большими,

испуганные глаза сверкают взглядами из-под низко надвинутых шлемов…

Боль.

Она выжигала душу, не оставляя в эти минуты ничего, кроме пепла.

Он только что видел их родителей, отбивших последнюю атаку Чужих ценой собственных жизней…

Что он должен сказать, как ответить на немой вопрос испуганных кричащих взглядов?

— Я установил второй заряд, — вторгся в его мысли голос Астафьева. — Мне кажется, что сейчас начнется атака. Через шлюз прошла группа разумных ксенобиан. Чужие движутся к тебе по среднему тоннелю. Мне нужно еще десять—пятнадцать минут.

— Понял… — не своим голосом ответил Доминик.

— Что нам делать, дядя Доминик?

«Дядя Доминик».

Как дико, неестественно прозвучала эта фраза.

Ему всего восемнадцать, он только начал жить.

А им еще меньше.

Кто же остался там, в секторе? Только дети?

Вид вооруженных подростков говорил сам за себя. Он да Ник, вот и все «взрослые».

Еще пара минут, и Чужие появятся из тоннеля.

— Ребята, прячьтесь в нишах, за амбразурами, — не узнавая собственного голоса, приказал Ван Хеллен. — Сергей, — он узнал Лукорьева. — Нам нужно продержаться всего несколько минут. Потом Чужим придет конец. Обещаю.

Они даже не спросили о родителях, молча занимая свободные стрелковые ячейки.

* * *

Николай медленно перемещался по закругляющемуся своду тоннеля.

Рядом, маневрируя турбореактивными микродвигателями, парил ИПАМ.

— Еще три метра. Ник, — раздался в его рассудке голос маленького помощника. Тонкий луч лазерной указки уже минуту очерчивал круг в том месте, где необходимо установить последний заряд, помещенный в самодельную оболочку, обеспечивающую направленный взрыв.

Он выбивался из последних сил.

Двигаться на трех точках опоры, без должной тренировки, оказалось очень трудно. Электромагниты, расположенные на ладонях, работали

безотказно, а вот те, что были смонтированы в наколенниках, доставляли одни неудобства. Мало того, что негнущийся протез только мешал, здоровая нога тоже подводила — после двух месяцев пребывания в госпитале организм ослаб, и, если бы не помощь ИПАМа, Николай вряд ли справился бы с задачей.

— Не отключай наколенный магнит, — постоянно напоминал ему голос. — Я регулирую напряжение. Старайся, чтобы он скользил, не теряя контакта с поверхностью, иначе повиснешь на руках.

Николай слушал повторяющиеся рекомендации, стиснув зубы от нечеловеческого напряжения. Он уже дважды обрывался, чудом удерживаясь на одной руке.

Заветный круг, очерченный лазерным лучом, приближался медленно, но верно.

Все…

Он остановился, переводя дух, затем отключил электромагнит правой ладони.

Рука медленно потянулась к поясу, пальцы на ощупь нашли третий заряд, отцепили увесистый цилиндр.

Он снова замер, готовясь поднять два килограмма взрывчатки в цилиндрической оболочке. Нужно с первого раза попасть магнитом удержания точно в круг, иначе придется сдвигать заряд, а это требовало акробатической ловкости.

Попал.

Ник чувствовал, как по телу бегут щекотливые капельки пота.

Теперь осталось отползти назад, метров на двадцать, найти выступ ребра жесткости и, закрепившись под его прикрытием, активировать заряды дистанционным устройством подрыва.

— Доминик, еще пять минут… Я установил третий заряд. Возвращаюсь.

Ему никто не ответил. Внешние микрофоны скафандров передавали отзвук разгорающейся внизу перестрелки.

* * *

Чужие появились из среднего прохода двумя группами.

Сначала на простор зала вышли ксенобианские бойцы. Часть из них выдвинулась вперед, осматривая близлежащие укрепления, остальные остались подле входа в тоннель.

Ван Хеллен не понимал, что происходит.

Они не атаковали — вошли в зал, будто хозяева, словно знали, что за

разбитыми баррикадами не осталось ни одного защитника.

— Не стрелять… — шепотом передал он Лукорьеву. — Подпустим ближе, чтобы наверняка. Здесь негде укрыться, — он кивком головы указал на расчищенный от обломков сектор обстрела.

Сергей едва заметно кивнул, отползая назад, чтобы передать слова Доминика остальным.

Спустя пару минут стало ясно, почему ксеноморфы ведут себя таким образом.

Из тоннеля показалась группа разумных ксенобиан. Они шли открыто, не выказывая признаков беспокойства, видно, на самом деле были уверены, что все защитники укреплений мертвы.

Если бы Доминик появился в зале на полчаса раньше, то застал бы ксенобианских бойцов у самого устья тоннеля, ведущего к жилому сектору. Они загодя осмотрели укрепления, убедившись, что среди развороченных баррикад более нет ни одного живого защитника.

Закончив осмотр близлежащих укреплений, боевые формы Чужих образовали две шеренги, между которыми в направлении жилых секторов неторопливым шагом направились пять разумных особей.

Ждать дальше не было сил.

До ксенобиан оставалось метров сто, когда одна из амбразур вдруг полыхнула огнем, располосовав пространство длинной неприцельной очередью.

У кого-то из подростков не выдержали нервы, срывая лавину скоротечного боя.

Огненный шквал бесновался секунд пятнадцать, не больше, — ровно столько требовалось, чтобы полностью расстрелять магазин ИПК, никто из ребят, сжав сенсор огня, не смог отпустить его, пока электромагнитный затвор оружия не щелкнул вхолостую.

Доминик совершенно не управлял ситуацией, все вершилось само по себе, словно не пули летели из узких амбразур последнего рубежа обороны, а сама ненависть материализовалась в эти мгновенья, приняв облик разящего чуждую плоть металла…

Вслед за бесноватым огнем наступили тягучие мгновенья тишины.

Ван Хеллен, успевший выпустить лишь две короткие очереди, осторожно выглянул в разрез амбразуры.

Справа и слева от него раздавались характерные щелчки перезаряжаемого оружия, но все внимание Доминика приковала к себе страшная картина: Чужие, только что стоявшие двумя ровными шеренгами, лежали вповалку, словно смерть прошлась по их рядам широким

размашистым взмахом своей косы, не обойдя никого…

В глубинах среднего тоннеля наметилось движение.

Он присмотрелся и понял, что масса ксенобианских бойцов, разбившись на группы, короткими перебежками движется прямо на них.

Все…

Он понимал: внезапности, удачи, больше не будет, сейчас Чужие рассеются по флангам, занимая брошенные людьми укрепления, и начнут методичный расстрел внезапно ожившей баррикады.

Что он мог сделать? Приказать мальчишкам уходить?

Вряд ли они послушают его.

Нужно хотя бы рассредоточить их, отправить часть ребят в другие укрепления… — промелькнула в голове запоздалая мысль. Передовой отряд ксенобиан уже появился из сумеречного тоннеля, и в этот миг в коммуникаторе раздался неестественно спокойный голос Астафьева, предыдущую фразу которого Доминик попросту не расслышал в момент шквального огня:

— Я закрепился. Скажи своим: пусть лягут на пол и держатся за что-нибудь.

Ван Хеллен едва ли осознал смысл адресованных ему слов, но машинально выкрикнул:

— Ложись! Всем лечь! Хватайтесь за крупные обломки!

Три раскатистых хлопка прозвучали за спинами наступавших ксеноморфов, и вдруг все разительно изменилось, словно по мановению неведомой силы: в зале, где движение воздуха можно было ощутить разве что у самого пола в районе зарешеченных вентиляционных отверстий, внезапно возник настоящий ураган. Бесноватый порыв ветра шел в направлении тоннелей, увлекая за собой все незакрепленные предметы, он сносил баррикады, опрокидывал и увлекал за собой фигуры Чужих, казалось, все вокруг пришло в движение, устремляясь туда, где взрывы пробили толстые стены тоннельных переходов.

Кто-то в ужасе закричал, вместе с обложками мебели вверх взметнулось несколько человеческих тел, живых ли, мертвых, угадать было попросту невозможно, и вдруг картина всеобщего хаоса озарилась зловещим красным светом, — это включились аварийные системы сигнализации, и чей-то громоподобный голос, перекрывая вой бесноватого урагана, заговорил размеренно и спокойно:

— Внимание, нештатная ситуация! Разгерметизация тоннельных переходов! Аварийные системы вступили в действие!

Голос явно опаздывал за событиями — он тонул в нестерпимом

вое, — от сводов тоннелей вниз стремительно опускались толстые переборки, а ветер в последнем порыве пытался проскользнуть в сужающуюся щель.

Еще секунда — и все стихло, только запоздалый грохот еще раскатывался по залу, вслед за сорванными со своих мест фрагментами укреплений…

* * *

Доминик поднялся с пола, не веря, что остался жив.

Он машинально поднял голову и увидел, как от свода правого тоннеля, раскачиваясь на тонком тросе, вниз опускается человеческая фигура в скафандре.

Это был Николай.

Чужие…

Мысль полыхнула в сознании и тут же отпустила, стоило взгляду переместиться к мощным металлокерамическим плитам, перегородившим все три магистральных прохода сектора.

— Внимание, аварийные переборки опущены, угроза декомпрессии ликвидирована. — Красный свет в зале внезапно померк. — Сбой системы централизованного энергоснабжения. Переход на резервные накопители будет осуществлен в течение двух минут.

Свет в отсеках вспыхнул так же внезапно, как и погас.

Что-то разительно изменилось — это почувствовал каждый из горстки уцелевших людей.

Пятилетняя Даша, терпеливо сидевшая подле обесточенного синтезатора продуктов, вдруг удивленно всплеснула руками:

— Ребята, смотрите, огоньки!

Кто-то из детей взобрался на заиндевелый контейнер и поднес озябшие ладошки к вентиляционной решетке, откуда ощутимо повеяло свежим воздухом.

— Тепло… Воздух теплый!

Доминик и Николай встретились посреди загроможденного обломками зала.

— Я же говорил, что все получится. — В голосе Астафьева почему-то не звучали нотки торжества от одержанной только что победы — в нем чувствовалась усталость, граничащая с опустошением.

— И что теперь, Ник? — спросил Ван Хеллен, присаживаясь рядом с Астафьевым на угловатый, выгоревший изнутри корпус компьютерного терминала.

Николай долго молчал, а затем произнес:

— Выходит, мы с тобой теперь старшие, Доминик. Нам и решать, что будет дальше…

Настоящее…

Некоторое время они сидели, молча вспоминая те дни, потом Астафьев глубоко вздохнул и произнес:

— У меня скверные новости. Разведывательные группы, отправленные в смежный сектор, не вернулись. Срок ожидания истек.

Ван Хеллен очнулся от нахлынувших было воспоминаний.

— Сколько человек? — предчувствуя недоброе, спросил он.

— Тридцать. Весь выпуск виртуальной школы выживания вместе с инструкторами. Уверен, взрывчатка, которую волок ксеноморф, принадлежала им.

— Значит, они взяли пленных? Откуда у ксенобиан точные планы вентиляционных шахт?

Астафьев промолчал, угрюмо глядя на монитор. Все и так было понятно, без слов.

— Теперь они знают, что автономный ресурс исчерпан, — с болью за погибших и досадой из-за утечки важнейшей информации произнес Доминик. — Неужели все было зря? Почему, Ник? Ты ведь говорил, что репликанты отличаются от нас с тобой лишь тем, что они с детства получают истинные знания и необходимые для борьбы навыки! Выходит, это не помогло?

— Ты не смеешь так говорить!

— Почему?

— Ты знаешь ответ. Ксеноморф хотел убить меня. Значит, я был прав, мы вырастили *настоящих бойцов.* Чужие напуганы. Они думают, что, убив меня, остановят программу виртуальной подготовки.

— Возможно. — Ван Хеллен был потрясен неожиданным известием о гибели трех разведывательных отрядов. Его взгляд невольно упал на монитор, где застыли цифры обратного отсчета.

«До включения систем годичного перераспределения ресурсов осталось сто девятнадцать часов сорок три минуты».

Первая схватка после многолетней передышки.

— Мы допустили ошибку. Нужно было продолжать борьбу за компьютерный центр, а не сидеть взаперти, уповая на репликантов.

— Они люди, Доминик. Не надо этих глупых предубеждений.

— Люди, рожденные машинами… — поправил его Ван Хеллен.

— Давай не будем вступать в бессмысленный спор. Тем более что ты не сидел взаперти, верно?

— Верно. Но я уже говорил тебе неоднократно — ксенобиане воспользовались ресурсом Мира, чтобы наплодить боевых особей Теперь они контролируют смежный сектор, особенно в районе центра управления. Если мы проиграем, второго шанса уже не будет. — Ван Хеллен говорил лишь то, что думал. Постоянная игра со смертью не учит дипломатичности.

— Поясни? — Николай повернулся вместе с креслом, коснулся нескольких сенсоров на панели бытового автомата, и спустя несколько секунд из недр агрегата с тихим шелестом выдвинулся поддон с двумя чашками кофе.

— Я по-прежнему плохо разбираюсь в машинах, но даже у меня возникает вопрос: почему из камер репликации появляются только мальчики?

— Какое отношение это имеет…

— Самое прямое. Ты научился управлять аппаратами репликации и использовал их для создания будущих бойцов. Это я могу понять. Но почему ты не дал им шанса любить? Где их ровесницы, которые могли бы иметь детей? — Ван Хеллен говорил медленно, словно каждое произнесенное им слово приходилось выталкивать сквозь зубы. — Знаешь, почему погибли отряды разведчиков? Им не за что сражаться, Ник. Виртуальные полигоны не научили их воевать — они превратили жестокую схватку в *соревнование.*

Астафьев выслушал его, не проронив в ответ ни слова.

— А ты знаешь, что такое любовь, Доминик?

Ван Хеллен только пожал плечами.

— Да, я мог реплицировать девочек, — неожиданно признал Николай. — И я планировал сделать это после победы в смежном секторе. Я хотел возродить ЛЮДЕЙ такими, какими они были до Внешней Атаки*1* — Он достал из нагрудного кармана небольшой пластиковый прямоугольник и положил его на стол перед Ван Хелленом.

— Посмотри на нее, Доминик. Я нашел этот снимок в медицинском отсеке, он лежал в пыли. Я часами смотрел на улыбку Женщины. Они не созданы для войны, крови, холода — я хотел лучшей участи для новых поколений. Я мечтал о том, что им не придется дрожать от холода среди заиндевевших стен, кутаться в обноски, питаться один раз в сутки…

— Для этого нужен ресурс всего Мира. — Ван Хеллен с трудом

оторвал взгляд от снимка. — Я не знаю, как жили люди до Внешней Атаки. Возможно, ты прав… Ладно, давай отложим глобальные проблемы, — неожиданно предложил он, безнадежно махнув рукой. — У нас есть данность, и я хочу знать, какими силами мы располагаем.

Это был тяжелый вопрос. Астафьев мучительно ждал ею.

— Осталось тридцать человек. И еще твой отряд, который я вынужден расформировать.

Ван Хеллен побледнел.

— То есть?

— Мы понесли невосполнимые потери. Ты прав, программа виртуальной подготовки не оправдала всех моих надежд. Я разделил оставшихся на десять групп по три человека. Во главе каждого отряда встанет один из опытных разведчиков, в том числе и ты.

— Зачем посылать ребят на смерть? — Ван Хеллен вскинул голову, однако пытаться пронзить взглядом Астафьева являлось пустой тратой времени — Николай спокойно встретил колючие зрачки Доминика, утопил его ярость в своей усталости и ответил:

— Мы должны вырвать победу.

— Отправь меня одного.

Астафьев некоторое время молчал, глядя, как истекают завитками пара две кружки с нетронутым кофе.

— Нет, — наконец ответил он. — Я не преуменьшаю твои способности, но один человек не в состоянии…

— Один *подготовленный* человек может сделать больше, чем группа, впервые вышедшая на простор смежного сектора. Они повиснут обузой у меня на плечах, я буду думать о том, как спасти их жизни, когда мы столкнемся с врагом. Один я сделаю больше.

— Ты не можешь пойти один. Я уже сказал тебе, Доминик, вопрос не в твоих личных качествах. Ты лучший…

— Тогда почему ты отказываешь?

— Вспомни нас. Кто-то из них вернется, уцелеет, став совершенно другим.

Ван Хеллен нахмурился. В словах Николая прозвучала жестокая логика, и по большому счету он был прав. Под руководством опытных командиров у ребят будет шанс выжить.

— А ты не боишься проиграть *в наступающем году?* — глухо спросил он.

— Я не боюсь, Доминик. Страх не то чувство, которое я могу испытывать. Война загнала нас в угол. Ты воин, я стратег. Между нами

выросла пропасть с тех пор, когда мы вместе ходили в смежный сектор.

— Значит, решение неизменно?

— Неизменно. Наш спор окончен. Я отдаю приказ, а ты выполняешь его. У тебя есть сутки на знакомство со своими людьми.

Все. Дальше спорить было бессмысленно.

— Хорошо… Я выполню приказ. — Ван Хеллен встал и, не прощаясь, вышел.

Две кружки с кофе так и остались стоять на столе нетронутыми.

ГЛАВА 2

Техническая зона подконтрольного людям сектора…

Дверь скафандрового отсека отворилась.

Навстречу Ван Хеллену вскочили, выстраиваясь в короткую шеренгу, трое молодых парней — его *отряд*, которому сутки спустя предстоит выйти на необъятные, смертоносные просторы.

Он взглянул на них, и раздражение немного улеглось. На душе по-прежнему оставался тяжелый осадок после разговора с Астафьевым, но ежегодное включение полуавтоматических систем перераспределения ресурсов не отменишь, и идти в смежный сектор придется.

— Так… — Ван Хеллен остановился напротив выпускников виртуальной школы. — Представляемся по одному. Имя, фамилия, специализация.

Первым шаг вперед сделал высокий светловолосый парень.

— Антон Постышев. Репликант. Компьютерный техник. — Его голос уже утратил юношескую ломкость, но все равно казался звонким.

— На полтона пониже, — стараясь не хмуриться, приказал Доминик. — Там, куда мы пойдем, разговаривать придется тихо, а то и вовсе молчать. Язык жестов понимаешь? — Он сделал движение рукой и вопросительно посмотрел на Постышева.

— Уходим вправо, впереди опасность, двигаться, маскируясь, огонь без команды не открывать.

— Верно, — одобрительно кивнул Ван Хеллен. — Можешь встать в строй. Следующий.

— Курт Зигель. Репликант. — Пронзительные голубые глаза бесстрашно поймали взгляд Доминика. — Штурмовик. Специалист по рукопашному бою. Владею всеми видами известных вооружений. Ненавижу ксенобиан.

Ван Хеллен несколько секунд держал его взгляд, пока не поймал в нем холодок, похожий на маленькие, затаившиеся в глубине зрачков льдинки.

— Зигель, ты когда-нибудь видел живого ксенобианина? — спросил Доминик, присев на край опечатанного оружейного кофра.

— Нет.

— Тогда ответь, за что ты их ненавидишь?

— Простите… — Парень замялся, но Ван Хеллен быстро пришел на

помощь:

— Вы можете называть меня просто Доминик или командир. Я жду ответа на вопрос.

Курт выглядел растерянным.

Он действительно обладал неплохой физической подготовкой, среднего роста, плотно сбитый, с волевыми, заострившимися в данный момент чертами лица, — Зигель мог произвести впечатление… на кого угодно, но только не на Ван Хеллена. Сейчас, глядя на растерявшегося «штурмовика», он испытывал лишь чувство досады.

— Я… Я не знаю, командир. Они ЧУЖИЕ.

— Это еще не повод для ненависти. — Доминик встал, машинально заложив руки за спину. — Вы удивленно смотрите на меня? — Голос Ван Хеллена внезапно стал резким: — Наверное, мысленно спрашиваете себя: а скольких ксеноморфов убил ты? — Он обвел пристальным взглядом короткий строй и продолжил: — Много. Зарубок на прикладе не делал. Они опасные, беспощадные и умные враги. Но ксенобиане, так же как мы, ведут борьбу за выживание. Я не могу навязать вам свое мнение, но потребую здесь и сейчас: пусть каждый решит для себя, кто он — боец, способный выжить и победить, или легкая добыча для врага?

На побледневшем лице Зигеля появились пунцовые пятна.

— Я не понимаю…

— Здесь нечего понимать! — Доминик резко обернулся к нему. — Ты ни разу не видел Чужого, не вдыхал его запах, а уже толкуешь о ненависти! — Он встал, вплотную подошел к Курту и приподнял его подбородок, заглядывая в глаза, где уже растаяли неприятно поразившие его льдинки. — Ты просто боишься их, — секундой позже вынес свой вердикт Ван Хеллен. — Запомните, — теперь он обращался ко всем: — Ненависть разрушает, она — порождение бессилия, неспособности мыслить здраво, оценивать противника по достоинству. Та «ксенобианская сволочь», которую вы гоняли по виртуальным полигонам, *радикально* отличается от реально существующих врагов. Я тоже боялся и ненавидел, пока не понял простую истину: на адреналине можно выиграть несколько схваток, а наша задача — выжить. Выполнить задание. Так что советую забыть обо всем, чему вас учили. — Он снова повысил голос: — *ТАМ НЕ ВИРТУАЛЬНЫЙ ПОЛИГОН*. Жизнь одна и смерть тоже, — чуть тише заключил Доминик. — Кто не понимает этого, советую подумать и отказаться от участия в акции. Мне не нужны самоубийцы.

В скафандровом отсеке повисла гнетущая тишина.

— Командир… — наконец нарушил затянувшуюся паузу Зигель, —

мы сработавшаяся группа. Нас нельзя разъединять.

— Ты высказываешь общее мнение?

— Думаю, да.

— Думаешь?

Тяжелый разговор. Но нужный Выбить почву из-под ног молодых парней — невелика хитрость, сложно другое: дать им взамен игрушечной ненависти настоящее хладнокровие может только бои. Первый бой, который все поставит на свои места, покажет, кто есть кто, а пока… Зигель прав, они действительно группа.

— Сколько лет вы обучались вместе?

— Три года, командир! — ответил Постышев. — Мы были лучшими в виртуальной школе!

Ван Хеллен кивнул в ответ своим мыслям.

— Хорошо, — вслух произнес он. — Продолжим знакомство. Кто у нас следующий?

— Андрей Лозин, репликант, специализация: медик, ксенолог, переводчик.

— Знаешь язык ксенобиан?

— В ограниченном объеме — Черты Лозина внезапно исказились, будто на них набежала тень. — Моя подготовка подразумевает проведение эффективных допросов и склонение противника к сотрудничеству.

— Понятно. Ты изучат анатомию ксенобиан, их метаболизм и немного знаешь язык. Еще тебе известно, где и как нужно нажать, чтобы чужому стало очень больно и плохо. Верно?

— Да…

Доминик отлично знал, как обрабатывают разумных особей из числа ксеноморфов Процедуру нельзя назвать приятной, но со временем привыкаешь ко всему.

Не сможет, — подумал Ван Хеллен, глядя на побледневшее лицо Андрея. — *Сломается. Для этого нужны стальные нервы и опыт. Хотя… Что я знал о себе самом до первого боя?*

Он промолчал, переводя взгляд с одного бойца на другого, пока не заметил, что у Андрея Лозина, в отличие от других, чуть покрасневшие глаза.

Мало спит или часто напрягает зрение. *Снайпер.*

— Дополнительная специализация? — обратился он к Лозину.

— Снайпер. — как эхо повторил тот. — Проходил виртуальную подготовку по специальной программе. Знаком с устройством и принципами работы сканеров.

Ван Хеллен кивнул.

Хорошо, что они обладают знаниями, — подумалось ему. — *Теми знаниями, за которые приходилось платить кровью Астафьев все же умница, он и только он вырастил, воспитал новое поколение, научив их не пугаться машин, а работать с ними. Возможно, я слишком долго живу прошлым. Л у них все получится.*

Мысли немного успокоились, но саднящая душу тревога не проходила.

До боя. До первого боя. — Фраза билась в рассудке, словно заклятье.

— Хорошо. — Ван Хеллен указал на стойки скафандрового отсека. — У нас есть время для детальной подготовки снаряжения. Вы знаете, что в смежный сектор ушли и не вернулись две группы разведчиков. Они забрали лучшие скафандры, поэтому осмотр и отладку проводить с особым тщанием, — нам досталось то, что есть.

* * *

Тишина…

Она всегда разная. Ее оттенки начинаешь различать по мельчайшим проявлениям сторонних шумов, и даже в скафандре, при закрытом забрале, в отсеках, где царит вакуум, субъективно не бывает абсолютной тишины — ты слышишь собственное дыхание, звук биения сердца, глухой ритм пульса, воспринимаемый как *горячий пульсирующий шум…*

Антон дрожал. Не страх — нервное возбуждение гуляло по телу крупными мурашками, щекотливо пробегая неприятным холодком вдоль спины, когда Ван Хеллен в очередной раз сделал предупреждающий знак и склонился над приборной панелью, открывающей доступ в следующий отсек.

Что ждет впереди, не знал никто. Смежный сектор постоянно видоизменялся, непонятные силы действовали на его огромных пространствах: там, где еще вчера царил вакуум, внезапно появлялась атмосфера, открытые проходы вдруг оказывались запертыми, иные, наоборот, открывались, словно людям предлагался тест на изобретательность в прохождении сложного, запутанного, полного непредсказуемых опасностей лабиринта.

В условиях виртуального полигона эти обстоятельства не напрягали, они лишь вносили элемент случайности в выполнение одной и той же задачи: добраться до главного компьютера, ведающего распределением ресурсов, и, пользуясь вызубренными командными последовательностями, вручную запрограммировать его на год, отняв у ксенобиан и передав людям

свет, тепло и воздух

Постышев понятия не имел, кто именно установил такие правила и вообще зачем при сотворении мира был создан смежный сектор.

Зато он начал понимать другое: Ван Хеллен очень мягко обошелся с ними во время памятного знакомства в скафандровом отсеке.

Они считали себя опытными бойцами, подготовленными к любым неожиданностям, даже пытались бравировать этим, но на самом деле…

…Бесшумно срываясь с потолка, вниз падали крупные хлопья кислородного инея.

Длинный тоннелеобразный коридор с ощутимой, позволяющей стоять на ногах гравитацией слегка вибрировал Сквозь толстый слой покрывающей стены наледи четко просматривалась кривая, вытравленная кровью надпись: *смерть Чужим.*

Рядом скорчилось превратившееся в глыбу льда мертвое человеческое тело.

Виртуалка…

Она предлагала им десять—пятнадцать лишенных воздуха отсеков, клочок черного ксенобианского леса да скверно детализированный, похожий на уступчатую коробку компьютерный центр.

Бег, пальба, ввод командных последовательностей…

Все это блекло перед реальностью. Какой десяток разгерметизированных отсеков? Уже почти сутки Ван Хеллен вел их по изуродованным помещениям, хранившим следы аварий, боев, разрушений…

Смерть Чужим… Антон не мог оторвать глаз от заключенной под коркой льда надписи, чувствуя, что и остальные в немом потрясении смотрят в ту же сторону.

Что же ожидало их дальше?

Десятки, сотни вопросов зарождались в эти минуты в рас-судках молодых ребят, не познавших за короткий отрезок жизни ничего, кроме однообразных тренировок на скверно воссозданных полигонах и однобокой *информированности* о существующем положении вещей.

Они общались лишь со своими инструкторами, да изредка к ним заглядывал Николай Сергеевич Астафьев. Он все больше наблюдал, стараясь не вступать в общение, но именно от него Антон, как и все остальные, узнал значение слова «репликант».

Это случилось неожиданно. Виртуальная тренировка была прервана, и весь состав боевых групп — пятьдесят человек — собрали в гимнастическом зале.

Астафьев, прихрамывая, прошелся вдоль строя.

— Вы новое поколение, — внезапно без вступлений начал говорить он, остановившись напротив группы Лозина. — Я знаю, инструктора иногда называют вас репликантами, зачастую вкладывая в это слово презрительный смысл. Они не правы. Вы люди. — Он обвел строй долгим взглядом и вдруг, без видимой причины, переключился на другую тему: — Мы говорим «Мир», подразумевая окружающие нас стены, но на самом деле это неверный термин. «Мир», или по-другому — «планета», давно утрачен, а эти переборки — лишь конструкция, созданная руками наших предков. Они отправились в далекое путешествие через пустоту, чтобы достичь иных, пригодных для жизни планет Предстоящий путь предполагал множество непредвиденных, смертельных опасностей, к тому же он был долог, дольше, чем жизнь… — Николай вновь, прихрамывая, прошелся вдоль строя. — Поэтому предки, — продолжил он, — создали специальные машины, которые хранили запись генетического кода каждого отправившегося в далекое путешествие человека. Если он погибал или становился стариком, репликационная камера создавала его физическую копию — молодую, полную сил, и человек, пройдя процесс репликации, получал возможность жить снова.

— Тогда почему никто из нас не помнит, кем был раньше? — раздался из строя неожиданный вопрос.

— Всему виной Чужие, — не колеблясь, ответил Астафьев. — Я считаю, что легенды о Внешней Атаке связаны с их нападением на наш Мир. Это не домысел, я нашел документальные отчеты о вторжении ксенобиан на планету, где жили наши предки. Вероятно, это и заставило людей покинуть легендарную Землю. По найденным документальным материалам нетрудно предположить, что Чужие догнали корабль и атаковали его, но, получив отпор, сумели захватить лишь часть территорий. Во время Внешней Атаки пострадал не только корпус корабля, было уничтожено или повреждено уникальное оборудование, где хранились записи личностей всех членов экипажа, стартовавших с Земли. Возможно, победив ксенобиан, раздавив их логово, расположенное за смежным сектором, мы найдем эти записи. А пока прошу запомнить — вы люди. Мир принадлежит нам. и предстоящая схватка за ресурсы — лишь начало борьбы…

— Вперед!

Короткая остановка перед запертым люком закончилась Ван Хеллену удалось замкнуть нужную цепь питания, и овальная плита, перегораживающая проход, начала рывками сдвигаться в сторону.

Антон не знал, сколько еще предстоит идти. Он старался сохранить физические силы и душевное равновесие для грядущих испытаний, но получалось плохо, в некоторые моменты от неизвестности начинало сосать под ложечкой, хотелось разговаривать, громко, непринужденно, чтобы заглушить возбуждение и страх, но старые скафандры, залатанные во многих местах специальным герметизирующим составом, находились в ужасном техническом состоянии — передатчик работал только у командира группы, остальные члены отряда могли лишь принимать его приказы, общаться же друг с другом приходилось жестами, а во время коротких привалов, когда Ван Хеллен, посмотрев на анализатор атмосферы, вшитый в запястье экипировки, разрешал открыть лицевые забрала шлемов, на разговоры уже не оставалось сил — трое молодых парней буквально валились с ног от усталости, и только вечно угрюмый Доминик казался двужильным.

Вот и сейчас он первым шатнул в открывшийся проем, на некоторое время исчез из поля зрения, затем появился вновь и негромко произнес:

— Внимательно смотрите по сторонам. Мы вышли в сектор гидропоники. Здесь уже встречаются патрули Чужих.

Все. Сказал, как отрезал А какую бурю эмоций породили скупые фразы в душах следовавших за ним молодых, еще не закаленных невзгодами ребят…

Антон уже успел понять чудовищную разницу между симуляторами, на которых они тренировались, и той реальностью, что распростерлась вокруг.

Убивать компьютерных монстров легко, там нужна лишь реакция. В мире фантомных образов нет страха, ну, может быть, чуть-чуть, когда впервые надеваешь виртуальный шлем. Теперь ему стало понятно, почему Доминик Ван Хеллен, заглядывая в тренировочный зал, смотрел на будущих бойцов, азартно гоняющихся за призраками ксенобиан, с таким мрачным молчаливым неодобрением.

Теперь Антон полностью разделял его скептицизм.

Он перешагнул порог открытого люка и невольно остановился, пораженный открывшейся взгляду картиной. Вроде бы в ней не было ничего нового — модель сектора гидропоники присутствовала в программе тренировок… но какая оглушительная разница между двумя реальностями открывалась при взгляде по сторонам…

Своды огромного зала терялись в туманном сумраке.

Это, по преданиям предков, можно назвать словом «небо» — вверху плавали слоистые полосы тумана, вниз срывался мелкий моросящий

дождь, разбитые баки, где в далеком прошлом жили специальные водоросли, вырабатывающие кислород, теперь выглядели, как треснутая скорлупа исполинских яиц, откуда уже вылупились птенцы. — узоры трещин бежали замысловатым орнаментом по толстому, заляпанному грязью стеклопластику, многочисленные дыры щерились острыми иззубренными краями, пол вокруг был покрыт толстым слоем бурой почвы, на которой когда-то охотно прижились черные ксенобианские растения, образующие непроходимые окаменевшие заросли.

Жутко…

Доминик остановился, оглядываясь вокруг, затем жестом указал на узкую тропу, прорезанную лучом лазера в чаще окаменевших ксенобианских джунглей, и в коммуникаторах раздался его хрипловатый голос:

— Двигаемся след в след. Антон, ты замыкающий. Почаще смотри наверх, эти твари умеют лазить по макушкам мертвых растений.

Минут пять они шли по тропе, напоминавшей узкую рас седину. Срезанные лучом лазера черные побеги хрустели под подошвами, сверху продолжал накрапывать моросящий дождь, внешние микрофоны скафандра передавали странные звуки, доносящиеся издали: создавалось впечатление, что сектор живет своей собственной жизнью, — эти невнятные, глухие проявления, похожие на стонущие вздохи, заставляли пальцы крепче сжимать оружие.

Пять минут показались Антону вечностью.

Когда они вышли на асимметричную поляну, в центре которой чернели свежие воронки, он ощущал себя так, словно пробежал с десяток километров на тренажере гимнастического зала.

* * *

Поляна среди мертвого леса сразу приковала к себе внимание всех членов группы.

Очевидные следы боя виднелись повсюду: на земле тускло поблескивали пустые магазины от ИПК, три неглубоких воронки с опаленными краями уже заполнились темной стоячей водой, но все равно выглядели свежими, поверх хрусткого ковра сбитых автоматными очередями мелких ветвей были разбросаны уродливые куски хитина, над которыми уже успели поработать неведомые обитатели смежного сектора, питающиеся падалью.

Ван Хеллен остановился, медленно обводя заледеневшим взглядом обозримое пространство, потом опустился на колени, рассматривая следы,

отчетливо пропечатавшиеся во влажной почве.

Он искал пятна крови, но не находил их.

— Осмотреть поляну! — не вставая с колен, приказал он. — Внимательно смотрите под ноги, Лозин, сосчитай количество пустых магазинов.

На полный осмотр ушло около четверти часа.

Здесь все кричало о жесточайшей схватке: кроме хитиновых покровов ксенобианских бойцов, в истоптанной грязи то и дело попадались фрагменты принадлежавшей людям экипировки. В основном это были детали кевларовой брони, несколько шлемов, два ИПК с разбитыми прикладами.

Доминик остановился напротив узловатого черного древесного ствола.

Попытка сосчитать, сколько игл, выпущенных из бионических автоматов, вонзилось в осклизлую от влажности кору, не увенчалась успехом — он дважды сбивался со счета, прежде чем бросил это занятие.

Первый шок от увиденного сменило недоумение.

Обилие хитиновых фрагментов немо свидетельствовало, что тут полегло не менее полусотни ксеноморфов, это подтверждало и количество опустошенных магазинов — схватка, судя по всему, была жесточайшей, люди и Чужие в конечном итоге сошлись в рукопашной, — Курт отыскал два десантных ножа, да и разбитые в пластиковую щепу автоматные приклады свидетельствовали о том же.

Недели две прошло… — мысленно прикинул Ван Хеллен, глядя на обглоданный хитин.

— Командир, тут только останки ксеноморфов. Наших нет.

— Я вижу, — мрачно отозвался Доминик. Он уже не сомневался — они наткнулись на поляну, где принял бой не успевший разделиться на мобильные группы отряд Сереги Лукорьева.

Почему вокруг только хитин? — мучительно пытался понять Ван Хеллен. Он видел следы жестокого, неравного боя, который не мог пройти без потерь.

Допустим. Допустим, наши напоролись на засаду, но сумели уничтожить ксеноморфов. Тела погибших унесли с собой. Но почему они не вернулись? Попали под плотное преследование? Вынужденно отошли в глубь смежного сектора?

Немые останки не могли дать ответа, и он обратился к следам.

Поляна, на которой произошло столкновение, превратилась в истоптанную проплешину, слой почвы — в черную липкую грязь, но

дальше следы обрывались: стоило выйти на тропу, ведущую через ксенобианские заросли, как под ногами вновь начинался хрусткий ковер мелких веток, не сохранивший зримых отпечатков.

Дважды осмотрев место столкновения, Доминик не смог прийти к однозначному выводу.

Отряд не вернулся, — стучало в висках. Оставалось лишь надеяться, что он прав: Лукорьев вынужденно отступил в глубь сектора, где похоронил тела павших, и сейчас с остатком своих людей отрывается от преследования, оттягивая на себя значительные силы ксенобиан.

— Двигаемся дальше, — приказал Ван Хеллен, понимая, что третий раз осматривать поляну бессмысленно, а задерживаться тут опасно.

* * *

Только через два часа на их пути попалась следующая прогалина.

Опять небольшая воронка с темной стоячей водой, но на этот раз никаких следов вокруг.

— Здесь сделаем привал, — произнес Ван Хеллен, внимательно осмотревшись. — Можно открыть гермошлемы. К воде не прикасаться.

Антон взглянул на макушки изгибающихся узловатых растений, покрытых черной глянцевитой корой, и, не заметив ничего подозрительного, спросил, усаживаясь на покоробленный давним взрывом, вздувшийся из-под наслоений почвы пластик:

— Что это за стоны?

Доминик криво усмехнулся, поднимая забрало гермошлема. Сделав глубокий вдох, он едва заметно нахмурился.

— Пахнет нечистью. Часа два назад здесь проходили ксенобиане. — Он оглянулся, отыскал взглядом Антона и добавил: — Тут много странных звуков. Со временем кто-то из вас научится различать их. — В словах командира прозвучала скрытая горечь: он понимал, что пройдут сутки и, может быть, никто из троих сопровождающих его юношей уже не услышит ни звука, но, тем не менее, нашел в себе силы совладать с эмоциями и продолжил спокойным, наставительным тоном: — На вздохи не обращайте внимания. Это система вентиляции. Другое дело — хруст ветки: хотя бойцовские особи ксенобиан и умеют бесшумно лазить по своим деревьям, порой их можно услышать — окаменевшие заросли не такие прочные, какими кажутся на первый взгляд. Главное, не расслабляться. Отдыхать будем дома, когда вернемся.

Курт, осматривавший поляну, спросил, указывая на заполненную водой воронку:

— Здесь тоже был бой, командир?

Ван Хеллен присел на корточки. Темная стоячая вода поймала его отражение.

— Два года назад тут погиб Дик Риган. Слышали о нем?

Зигель отрицательно покачал головой, невольно оглядываясь вокруг.

Доминик поморщился.

— Вот она — цена человеческой памяти, — словно разговаривая сам с собой, произнес он. — Риган был одним из лучших разведчиков-одиночек. Он ходил в смежный сектор каждый месяц, чтобы составить планы передвижения для формирующихся штурмовых групп.

— Его подстерегли ксенобиане? — спросил Постышев, нервно постукивая пальцами по короткому пластиковому прикладу ИПК.

— Нет. Он не заметил растяжку, установленную на тропе.

— А кто прожег тропу?

— Одна из штурмовых групп. Это старый проверенный путь, но Чужие знают его так же хорошо, как и наши разведчики. Периодически они минируют известные тропы, особенно накануне наступления нового года. Поэтому чаще поглядывайте под ноги.

— Откуда у них взрывчатка? — недоверчиво хмыкнул Лозин.

— А откуда у нас лазеры и бионические автоматы? — вопросом на вопрос ответил Доминик, выразительно похлопав по продолговатому чехлу, укрепленному на поясе его скафандра. — Трофеи, — пояснил он после небольшой паузы. — Тут в смежном секторе полно складов. Да и места давних боев попадаются часто.

Смежный сектор. Это словосочетание каталось в мыслях, словно острый камушек. Антон ощущал, что в нем скрыт тайный, непонятый смысл, и потому спросил, пользуясь *тем равенством*, которое возникло между молчаливым командиром и его подопечными, как только отряд покинул границы заселенных людьми территорий:

— Доминик, а ты знаешь, как возник смежный сектор?

Ван Хеллен пожал плечами.

— Этого, пожалуй, не скажет тебе никто. Он просто существует, как весь остальной Мир. Его схемы есть в компьютерных базах данных. Только им уже нельзя доверять, как и мифам о Земле, — внезапно заявил он.

Слова командира звучали вразрез с давними утверждениями Астафьева.

Курт заметил это еще во время первого знакомства с Ван Хелленом, когда тот говорил о ненависти к ксенобианам.

Такая терпимость к Чужим выглядела не просто подозрительно, она

вызывала внутренний протест, и Зигель не удержался:

— Нам говорили совсем другое!

— Знаю, — сделав вид, что не заметил повышенного тона, ответил Ван Хеллен.

— Ксенобиане — захватчики! Они вторглись в наш мир во время Внешней Атаки! Земля не миф! — скороговоркой выпалил Зигель, внутренне сжавшись от собственной дерзости.

— Ты все сказал? — хмуро осведомился Доминик.

— Все!

— Тогда посмотри вокруг.

Зигель даже не повернул головы.

Ван Хеллен встал и вдруг резко приподнял его за ворот, едва не ударив лицом о черный узловатый ствол.

— Вторглись, говоришь? — с нотками ярости переспросил он. — Что это?!

— Дерево… Растительная форма Чужих…

— Оно живое? Этот лес живой?

— Нет…

Доминик резко отпустил Зигеля, и тот, потеряв равновесие, повалился на землю.

— Запомните, все живое в смежном секторе погибло в момент декомпрессии, во время Внешней Атаки, — взяв себя в руки, произнес Ван Хеллен. — А теперь включите свои мозги и подумайте — если Чужие вторглись сюда, взломав внешние стены Мира, *как до их пришествия тут мог вырасти этот лес?*

После его слов на небольшой поляне воцарилась гнетущая тишина.

— Выходит, нас обманывали? — наконец спросил Андрей Лозин.

— Я не собираюсь обсуждать эту тему, — отрезал Доминик. — У вас есть глаза — смотрите. Нельзя судить о событиях по тем крохам информации, что сохранились в памяти машин. — Он зло покачал юловой в ответ своим мыслям и тихо добавил, скорее разговаривая с самим собой:

— Ты слишком доверился компьютерам, Ник…

Постышев наклонился к уху Андрея и тихо спросил:

— Как ты думаешь, это он про Николая Сергеевича?

— Не знаю, — пожал плечами Лозин. — Командир, но нам говорили, что смежный сектор дважды подвергался декомпрессии. После Внешней Атаки было сражение между людьми и Чужими Я слышал, что тогда тоже пострадали стены Мира.

— Ты хочешь спросить, не мог ли этот лес вырасти за время,

прошедшее между Внешней Атакой и Битвой Машин?

— Да.

— Справедливый вопрос — Ван Хеллен встал, расчехлил лазер и, коснувшись сенсора, резанул лучом по основанию ближайшего к нему окаменевшего дерева.

Раздалось шипение, затем раздался протяжный треск ломаемых сучьев, и толстый ствол рухнул в воронку, подняв фонтан брызг.

Резкий шум заставил всех вздрогнуть. Где-то рядом вполне могли находиться ксенобиане, понимал это и Ван Хеллен, но в данный момент для нею было гораздо важнее поставить все точки над i…

Доминик убрал лазер, присел на корточки подле поваленного исполина и указал на ровный дымящийся срез:

— В свое время я задавал себе те же самые вопросы. Смотрите. Видите кольца на торце ствола?

Дождавшись утвердительных кивков, он продолжил:

— Сосчитайте их.

— Восемь, — спустя некоторое время произнес Зигель.

— Каждое кольцо — это один год жизни дерева, — пояснил Ван Хеллен. — Оно росло тут восемь лет, прежде чем погибло, а с момента Внешней Атаки прошло шестнадцать лег Битва Машин происходила пятнадцать лет назад. Я знаю это, потому что родился за два года до первой декомпрессии.

* * *

Они провели на поляне подле воронки гораздо больше времени, чем полагал Ван Хеллен.

Напряжение, возникшее между командиром и бойцами его группы еще во время первого очного знакомства в скафандровом отсеке, постепенно усиливалось на протяжении изматывающего перехода через зону тотальных разрушений и, наконец, выплеснулось тут, на окраине смежного сектора

Это не являлось бунтом — реальность, час за часом открывавшаяся взорам молодых ребят, входила в жесткое противоречие с однобоко преподанной информацией, которую в буквальном смысле «вдалбливали» им в головы, нисколько не считаясь с тем, что поколение репликантов по своей общей эрудиции на порядок превосходило инструкторов школы выживания.

Даже Николай Астафьев не знал, какого рода информацию закачивают в их разум разбуженные кибернетические системы.

Два года они взрослели, не покидая камер роста, но знания, полученные от автоматических систем обучения, быстро потускнели, отошли на второй план, стоило им покинуть медицинские модули.

Их окончательное мировоззрение формировала данность: тесные отсеки, минимальные удобства, тяжелый быт и постоянные изматывающие тренировки не оставляли времени и сил для самоанализа Астафьев поставил перед собой цель: сформировать боевые группы для победы в грядущей схватке. Он действительно не дал им ни любви, ни надежды, подменив чувства суррогатом из ненависти к ксенобианам и иллюзией собственного превосходства над ксеноморфами.

Все это оказалось хрупкой непрочной коростой, которая начала ломаться по мере того, как бойцы двигались по зоне тотальных разрушений, впитывая взглядами и рассудком множество новых впечатлений.

Андрей Лозин сидел, низко опустив голову.

«Смерть Чужим».

Кем был тот человек, что, умирая, кровью вывел надпись на заиндевелой стене отсека?..

…Ван Хеллен первым нарушил тягостную тишину:

— Накануне вашего рождения мы проиграли борьбу за ресурс Мира. В отсеках воцарился холод и мрак Люди гибли, а Чужие не удовлетворились локальной победой, они постоянно атаковали, стремясь покончить с нами раз и навсегда. Тогда их удалось остановить, заблокировав наш сектор аварийными переборками.

— Значит, в последние годы все ресурсы принадлежали им? — интуитивно предположил Постышев.

— Да, — неохотно ответил Ван Хеллен. — Мы жили за счет автономной системы. Теперь все возвращается на круги своя.

— Только мы в гораздо худшем положении, чем раньше? — с неожиданной проницательностью уточнил Лозин

Доминик искоса посмотрел на молодого бойца.

Он понимал, чувствовал — они другие. Рассудок Ван Хеллена трудно мирился с мыслью, что им всего пять лет «от роду». Он не вдавался в тонкости сложнейших процессов репликации, которых все равно не понять, но видел результат и поражался ему. Появившись на свет уже взрослыми, эти парни не выделялись какими-то особенными физическими данными — на первый взгляд они выглядели обычными людьми, пока дело не доходило до тесного общения. Ван Хеллен несколько раз ловил себя на том, что порой теряется, не находит, что ответить на их вдумчивые, но не каверзные

вопросы…

— Внешняя Атака… — тем временем подхватил инициативу Курт. — Если это не было вторжением ксенобиан, то…

— Никто не знает истины, — прервал его Доминик. — Я могу сказать лишь о том, что видел своими глазами. Мир лишь крохотная частица чего-то огромного. Нас окружает пустота, которую предки называли космосом. Я лично убедился в этом. В некоторых отсеках есть прозрачные стены, за которыми только мрак и крохотные точки света. На нас напали оттуда, из глубин окружающей бездны, но кто это был, неизвестно.

— Значит, легенда о спящих не вымысел? — спросил Лозин.

Ван Хеллен лишь покачал головой.

— Глупо верить в сказки, — терпеливо ответил он. — Оставьте иллюзии тем, кто нас ждет. Вы должны запомнить непреложную истину: Мир жесток и прост. Есть мы, и есть Чужие. В конечном итоге кто-то из нас победит, и тогда исчезнет неопределенность. Больше не нужно будет испытывать судьбу перед каждой сменой года, да и здесь, в смежном секторе, вполне можно навести порядок и жить. Вопрос в том, чей это будет порядок, — веско добавил он. — Пока что ни одна из сторон не имеет решающего перевеса, но когда-нибудь мы накопим достаточно сил, чтобы пробиться в сектор Чужих и вырезать их всех до единого. Может, кто-то из вас доживет до этого дня. Тогда и станет ясно, что в легендах соответствует истине, а что нет. Лично я не думаю, чтобы ксенобиане хранили и оберегали жизни мифического экипажа, спящего в глубинах их территорий. Они убивают любого человека, повстречавшегося на их пути, и я не знаю ни одной причины, по которой ксеноморфы должны сделать исключение для «спящих». Нет, — он покачал головой. — Это выдумка. Просто некоторым людям очень хочется верить, что, помимо борьбы за существование, есть еще какая-то цель. Они и придумали этот миф… — Доминик внезапно умолк, предостерегающе подняв руку.

Все невольно привстали, мгновенно заняв позиции для стрельбы.

Мир изменился в одну секунду, только что он представлялся клубком вопросов и противоречий, но стоило командиру предостерегающе вскинуть руку, как на первый план вышли совсем иные мысли и чувства. Мгновенное напряжение нервов до предела обострило восприятие, и Постышев вдруг услышал тихое, вкрадчивое поскрипывание. Словно под монотонным шелестом дождя кто-то легкий и гибкий осторожно ступал по хрупким ветвям давно погибших деревьев.

Издали снова пришел долгий, утробный стон.

Лихорадочные, обрывочные мысли метались в рассудке, будто пули в

изматывающем визгливом рикошете.

Что-то приближалось к ним: шелест и поскрипывание становились все более громкими, явственными… Первое столкновение. Вряд ли по кронам черных растений пробирается разумный ксенобианин, скорее это их бойцовские особи, которых Чужие выращивали как скот, вкладывая в их головы лишь ненависть к людям да инстинктивные навыки убийства.

Антон не думал, что его реакция на неожиданную опасность будет такой острой. Он едва сдерживал себя от порывистого, идущего изнутри желания сжать сенсорную гашетку так, чтобы от боли заныл палец и пули с сиплым ритмичным выдохом хлестнули по зарослям, срубая черные ветки, словно это был не окаменевший лес, а его собственный черный страх рос вокруг, протягивая к нему корявые руки кошмарных предчувствий…

Наверное, остальные испытывали в этот момент схожие чувства. Постышев не видел лиц товарищей, но ощущал, как растет невыносимое напряжение, которое вот-вот должно было разрядиться в короткой смертельной схватке с врагом.

— Не стрелять… — пришел внезапный приказ Ван Хеллена.

Вряд ли они слышали командира.

— Опустить стволы! — рявкнул Доминик.

Первым, вздрогнув, отреагировал Лозин. Он не опустил короткий автомат, но оглянулся, через плечо покосившись на Ван Хеллена.

В этот момент над кроной ближайшего ксенобианского дерева появился паукообразный силуэт. Антон резко довернул ствол и…

Кто-то толкнул его в плечо, сбивая прицел, короткая очередь рубанула по ветвям, у Постышева помутилось в глазах, словно голова внезапно наполнилась горячей, ритмично булькающей кровью, он даже ощутил на губах ее солоноватый вкус, затем в размытый фокус зрения попало лицо командира. Он что-то орал, но Антон видел лишь движение его губ.

Шум в ушах постепенно начал отпускать.

Покачнувшись, он встал с колена и растерянно огляделся, опустив автомат.

Где враг? Что произошло?

Он как будто вынырнул из черного омута мгновенного беспамятства, вбирая взглядом странную картину: по поляне, огибая воронку со стоячей водой, прихрамывая, полз паукообразный механизм. Он передвигайся на четырех суставчатых лапах, транспортируя на покатой спине двух собратьев, меньших по размерам и отличающихся по конструкции

Глядя на комично прихрамывающую машину, Антон вдруг бессильно сел на поваленный ствол черного дерева и расхохотался громко,

безудержно…

Ван Хеллен присел на корточки, положил руку на плечо Постышева.

Взгляд Антона окончательно прояснился, гул в ушах сменился звенящей тишиной, в которой отчетливо слышался собственный хриплый смех, похожий на карканье воронов, живущих в оранжерее родного сектора…

— Это ремонтный механизм, — дошел до его сознания голос командира. — Обыкновенный ремонтный механизм.

— Да, я вижу, — подавив истеричный смех, ответил Антон. Ему вдруг стало стыдно, но Ван Хеллен даже не думал порицать подчиненного за нервный срыв. Вместо суровой отповеди Постышев неожиданно поймал взгляд безмерно уставшего от жизни человека, который смотрел на него с отеческой заботой.

— Ничего… — Ван Хеллен потрепал его по плечу. — Я тоже смеялся… и даже плакал. Эти проклятые просторы способны свести с ума кого угодно. Ты научишься. — Он обернулся. — Вы все научитесь. Здесь взрослеют за несколько дней. — Он встал и, посмотрев вслед карабкающемуся по черному узловатому стволу механизму, добавил уже сухим назидательным юном: — Машины желательно не трогать. В основном они безвредны, могут разве что напугать своим внезапным появлением.

— Каждый должен заслужить свое право на существование, — внезапно отозвался Курт. — Ре $не это не закон?

— Закон, — соглашаясь, кивнул Доминик. — Я неточно высказался. Кибермеханизмы, живущие в смежном секторе, не просто безвредны — они полезны. Без них ты сейчас не стоял бы с открытым забралом гермошлема. После Внешней Атаки смежный сектор был лишен воздуха. Кто, по-твоему, занимался восстановлением пробитых стен Мира?

— Они? — искренне удивился Зигель.

— А кто же еще? — Губы Ван Хеллена тронула привычная усмешка. — Люди и Чужие приходят сюда исключительно ради взаимного истребления. Никогда ни одна ремонтная оршада не занималась восстановлением смежных территорий.

Пока он говорил, механизм успел скрыться из вида, исчезнув в зарослях на противоположном краю поляны, но ситуация, возникшая по его вине, не прошла бесследно для четверых людей.

Они стали ближе друг другу. Исчезла отчужденность, первое совместно пройденное испытание невольно сблизило их. Антон понял это, встретившись взглядом с Андреем. В период подготовки они не очень-то

ладили друг с другом, и он ожидал встретить насмешку или осуждение, но нет, опять ошибся — Лозин лишь подмигнул ему без тени иронии.

— Все, привал окончен. Проверяем снаряжение и двигаемся дальше, — уже обычным безапелляционным тоном приказал Доминик.

* * *

Час спустя группа Ван Хеллена вышла с узкой тропы на широкую просеку.

Чужой лес терял непроходимость чащобы, где один узловатый ствол плотно перекручивался с другим, не давая возможности сойти с прорезанного лазерным лучом прохода.

Перед людьми предстало нечто, подобное горизонту: пол сектора имел очевидный уклон, открывая взгляду туманную перспективу.

Доминик жестом остановил бойцов, приказав им рассредоточиться, а сам присел за ствол поваленного поперек тропы дерева, опуская проекционное забрало своего гермошлема.

В скафандре Ван Хеллена работали не только системы жизнеобеспечения, но и встроенный набор сканеров, что позволяло командиру группы исследовать обширную площадь, не обнаруживая себя.

Постышев внимательно наблюдал за командиром. Вся экипировка разведывательных групп имела черно-серый камуфляж, и фигура Доминика сливалась с узловатыми ветвями поваленного ксенобианского растения, превращаясь в смутный, едва различимый контур. Командир медленно поворачивал голову, просматривая на проекционном забрале шлема отсканированные участки лежащего впереди склона.

Закончив осмотр, он вышел на связь:

— Никому не шевелиться. Впереди все чисто, но для верности нужно выждать. Патрули ксенобиан обычно прочесывают эту зону. Внимательно наблюдайте за склоном, а я, пока есть время, расскажу историю данного места. Сейчас по одному посмотрите вверх.

Антон приподнял голову.

Потолок смежного сектора здесь понижался, повторяя уклон параллельный плоскости пола. Испарения, принимавшие над мертвым лесом вид серых пластов насыщенной влагой облачности, исчезли, дождь прекратился, и взгляду открывалась впечатляющая картина: приблизительно на высоте пятидесяти метров был виден решетчатый каркас. С потемневших металлических балок свисали обрывки кабелей и причудливые потеки расплавленного, а затем застывшего пластика. В нескольких местах неведомая сила искорежила мощные несущие опоры;

толстые балки были порваны и перекручены, словно их гнул и корежил обезумевший титан, вознамерившийся выйти за пределы Мира…

Судя по выпученным наружу, деформированным листам обшивки, ему это удалось.

Постышеву стало не по себе, когда он увидел, что среди погнутых металлоконструкций застряло несколько вырванных с корнем ксенобианских деревьев. Какая сила смогла зашвырнуть их так высоко?

Словно угадав мысленный вопрос, на связь вышел командир:

— Все, что вы видите впереди и наверху, — последствия второй декомпрессии, произошедшей по вине людей.

— Как это случилось?.. — шепотом спросил Зигель.

Ван Хеллен покосился в его сторону. Забрало гермошлема Курта оказалось поднятым.

— Загерметизируй шлем.

На некоторое время в эфире воцарилась тишина, затем вновь раздался голос Доминика:

— Мне было пять лет, когда произошла Битва Машин. Я помню только холод, мрак и пугающую дрожь стен., казалось, что переборки не выдержат и начнут ломаться. — Ван Хеллен на минуту умолк, сканируя горизонт, а затем продолжил: — Позже, когда я повзрослел, моими наставниками оказались люди, принимавшие участие в той схватке. — Доминик не любил рассказывать о том, чего не видел собственными глазами, но сейчас ему захотелось сделать исключение. Он всегда считал, что Мир не подчиняется законам людей, а живет своей загадочной жизнью: разгадать суть процессов, протекавших на огромных территориях, не мог ни один мудрец, и большинство явлений приходилось принимать как данность, но юношеская память Доминика сохранила случайно услышанные разговоры старшего поколения.

Возможно, они знали истину! — невольно задумался Ван Хеллен, пересказывая ребятам сохранившиеся в памяти свидетельства очевидцев.

В первую очередь это касалось годичного распределения ресурсов. Собственно, по словам немногих выживших после Внешней Атаки, люди и ксенобиане оказались надолго изолированы друг от друга потерявшим герметичность смежным сектором, и поначалу смены периодов проходили практически незаметно, исчисляясь как даты, не более. Потом пришел так называемый «черный год», когда восстановленные предками системы жизнеобеспечения внезапно начали давать сбои. Автоматика, подающая энергию, тепло и воздух, неожиданно стала испытывать дефицит ресурсов. Пытаясь разобраться в причинах происходящего, люди обратились к

сохранившейся технической документации. Им удалось установить, что существует централизованная система распределения ресурсов и ее управляющий центр расположен на просторах смежного сектора, который после Внешней Атаки считался опасным для жизни — там царил холод, вакуум и мрак.

Первая группа разведчиков, отправленная за пределы герметизированных помещений, принесла ошеломляющие вести: оказывается, смежный сектор был восстановлен, там снова появилась атмосфера и освещение. Им не удалось отыскать обозначенный на схемах центр управления — на подступах к нему среди мертвого черного леса протянулась линия недавно выстроенных укреплений.

Память о расе ксенобиан, обитавших в противоположной части Мира, получила внезапное и весьма болезненное подтверждение — оказывается, они не только пережили Внешнюю Атаку, но и размножились, первыми приступив к освоению смежного сектора.

Из полученной информации было нетрудно сделать очевидный вывод: сбой автоматики жизнеобеспечения произошел оттого, что Чужие овладели глобальной системой управления, изменив баланс ресурсов в свою пользу.

Попытка вступить в переговоры не принесла результата — вторая группа, отправленная в смежный сектор, была полностью уничтожена боевыми особями ксенобиан…

— …Во время первой схватки за компьютерный центр здесь применялось тяжелое оружие, — продолжал рассказывать Ван Хеллен. — Когда мы отправимся дальше, то ниже по склону вы увидите линию укреплений, возведенную ксенобианами для защиты компьютерного центра. Чтобы прорвать оборону ксеноморфов, наши предки использовали движущиеся механизмы, оснащенные энергетическим оружием, поэтому первое столкновение с ксенобианами часто называют Войной Машин. Людям удалось прорвать линию обороны Чужих, но разряды тяжелого оружия повредили свод сектора, куда с огромной скоростью устремился воздух. Это и называется декомпрессией. Воздушный поток имеет огромную разрушительную силу. По рассказам очевидцев, он увлекал за собой все: людей, Чужих, деревья, машины…

Антон, слушая командира, то и дело поглядывал вверх. Воображение, разбуженное рассказом Ван Хеллена, рисовало лишь смутные, расплывчатые картины — он ни разу не наблюдал воочию, как происходит декомпрессия отсеков, поэтому не мог представить мутные смерчи, которые, закручиваясь в неистовом порыве, вырывали из почвы деревья, поднимали вверх многотонные машины, взламывали опорные пункты

ксенобиан, унося вместе с обломками крохотные фигурки Чужих и людей… Он лишь понимал, что тут произошло нечто страшное, не поддающееся мгновенному осмыслению.

Доминик внезапно замолчал, оборвав свой рассказ.

Взгляды бойцов тотчас же вернулись к пологому склону.

Там, среди прореженных давней катастрофой зарослей черных деревьев, двигались крохотные, едва различимые из-за дальности расстояния фигурки Чужих.

— Не стрелять. Лежим тихо и ждем. Нужно выяснить периодичность патрулей и их состав.

Чужие приближались. Прошло несколько минут напряженного ожидания (время по хронометру засекал только Ван Хеллен), и патруль ксенобиан, состоящий из десяти бойцовских особей, вышел в зону прямой видимости, когда невооруженным глазом можно было с легкостью различить детали их анатомического строения и элементы экипировки.

Собственно, бойцовские особи Чужих не носили ничего, подходившего под человеческий термин «одежда». Их тела покрывал неприятно поблескивающий коричневато-серый хитин. Руки и ноги казались тонкими, словно состояли не из плоти, а только из легких полых внутри костей; тела, прикрытые сегментированными пластинами природной брони, выглядели хрупкими, но внешние впечатления обманчивы — на самом деле хитиновые экзоскелеты ксенобиан обладали высокой прочностью: отдельные фрагменты твердых покровов, растущие «внахлест», полностью закрывали жизненно важные органы, в то же время позволяя Чужим изгибать свои тела самым невероятным образом…

Они подходили все ближе, и, несмотря на запрет командира, руки Постышева машинально изготовили оружие к стрельбе.

Взгляд холодел, но зрачки уже не расширялись от ужаса…

Еще ближе..

Вот уже видны тонкие расположенные вертикальными цепочками отверстия, идущие от плеч до середины торса, — это не что иное, как выходы дыхательных трубок, внутри которых заряжены тонкие, смоченные токсином иглы. Так называемые «бионические автоматы» — традиционное оружие ксенобианских бойцов. Тончайшие иглы, вылетая из дыхательных трубок со скоростью пули, легко пробивали оболочки скафандров, пронзали плоть, иногда в буквальном смысле «прошивая» человека навылет. Единственным средством защиты против игл являлись кевларовые бронежилеты Токсин, которым смачивались заряды «биоников», не являлся смертельным для человека, но при нескольких попаданиях мог вызвать

паралич, а в особо тяжелых случаях — отмирание пораженных тканей.

Поединок нервов. Он страшнее самого жаркого боя

Ван Хеллен, сотни раз вступавший в схватки с ксенобианами, мог в этот момент поручиться лишь за самого себя. Он лежал под прикрытием черного ствола поваленного поперек тропы дерева, понимая, что если у кого-то из ребят не выдержат нервы, им придется туго очень туго, учитывая неопытность бойцов группы… Собственно, это будет равносильно провалу, потому что выстоять в бою против Чужих могут лишь те, кто *осознанно* вступает в схватку. Все остальное означало психологический проигрыш, неважно — уничтожат они этот патруль или нет.

Антон лежат по правую руку от командира. Короткий ствол ИПК медленно поворачивался, провожая мертвенным взглядом компенсатора растянувшиеся цепью фигуры.

Лица Чужих выглядели как маски — издали у бойцовских особей, в отличие от разумных ксенобиан, невозможно рассмотреть индивидуальные различия — все они казались одинаковыми узкий яйцеобразный череп, симметричные впадины вместо щек, тонкие ороговевшие дыхательные щели, безгубые рты с острыми жвалами и выпученные фасетчатые глаза — наиболее уязвимое место, особенно когда дело доходит до рукопашной схватки.

Одного взгляда на эту мерзость хватало, чтобы породить стойкую внутреннюю неприязнь, граничащую с брезгливой ненавистью. К тому же Чужие распространяли вокруг себя настоящее зловоние — запахи являлись для них средством общения, а звуки, похожие на скрежет металлических пластин, лишь дополняли сложные флюиды, соединяя их в осмысленные предложения.

…Антон впервые видел живых ксенобиан так близко. Его снова, как на той поляне, начало лихорадить, но после эксцесса с безобидным ремонтным механизмом он на удивление быстро справился с эмоциями изнывая от отвращения, Постышев продолжал жадно разглядывать фигуры Чужих… Схватка казалась неизбежной, дистанция между людьми и ксеноморфами уже сократилась до пятидесяти метров, когда последние внезапно повернули, двигаясь по уродливой просеке, проложенной много лет назад бесновавшимся тут смерчем декомпрессионного взрыва.

Сердца бились глухо и часто, мышцы дрожали, но никто не шелохнулся, провожая гротескные фигуры похолодевшими взглядами.

Наконец они скрылись из вида за клинообразным выступом леса.

Доминик вдруг осознал, что весь взмок от напряжения.

Давно он не испытывал такой кошмарной неопределенности, но

теперь она прошла, сгинула, потому что ребята выдержали, никто не коснулся сенсора огня, не вскочил, не побежал в ужасе…

Это была победа, значение которой трудно переоценить.

В следующий раз, столкнувшись лицом к лицу с ксенобианами, никто из молодых бойцов уже не остановится, в оцепенении разглядывая фигуры ксеноморфов, — за короткие минуты запредельного нервного испытания каждый не только одолел собственный страх, но и ощутил себя полноправным членом боевой группы. Они стали ближе друг другу.

Моральное перерождение только начиналось, пройденное испытание — лишь первый шаг по краю пропасти, где пролегает узкая, ненадежная тропа их линии жизни.

Доминик знал, что в конце пути всегда витает призрак смерти, но *его ребятам* сейчас не нужно таких откровений. Они справились, и теперь у него появилась надежда.

* * *

Просеку они преодолели парами, прикрывая друг друга. Ван Хеллен перебежал через открытое пространство последним.

Сверившись с известными только ему ориентирами, он рукой указал направление.

— Двигаемся в темпе. Мы должны войти в центр зоны патрулирования Чужих. В темпе — это не значит напролом. Я иду первым, остальные след в след. Ветки не обламывать, наступать по возможности на твердые участки почвы. По запаху они нас не обнаружат. — Доминик указал на толстый пористый слой мягкой подошвы сапог своего скафандра. — Это специальное дополнение, изобретенное много лет назад. Материал впитывает запахи почвы — ни один анализатор не покажет, что тут прошли люди. Забрала гермошлемов закрыть — ксенобиане способны уловить даже ничтожные флюиды постороннего запаха, разносимые токами воздуха.

Опять тишина, нарушаемая лишь звуками собственного дыхания.

Они шли по мертвому редколесью, пологий уклон казался бесконечным, словно группа из четырех человек спускалась на дно исполинской воронки. Ни Антону, ни его товарищам было невдомек, что когда-то очень давно тут существовало искусственное мелководное озеро. Сейчас от него осталась лишь впадина, где царствовали утратившие листву мертвые узловатые деревья, почва под ногами была ненадежной, она то мягко пружинила, то предательски бугрилась завалами обломанных древним ураганом ветвей, то исчезала вовсе, открывая твердые участки

серо-стального покрытия, похожего на уложенную плашмя переборку…

Несколько часов они двигались в изнурительном темпе, пока впереди не показалась внушительная пустошь, — мертвый лес расступился, открывая асимметричное пространство, с которого неведомая сила смахнула не только деревья, но и слой почвы, обнажая вздувшийся пузырями металлопластик.

По всей площади исковерканной пустоши виднелись остовы разбитых машин, в центре ломаной линией протянулись странные постройки, издали похожие на островки ксенобианских джунглей.

Ван Хеллен остановился.

— Здесь происходил тот бой… — скупо пояснил он. — Черная линия впереди — это древние ксенобианские укрепления. Мы сможем укрыться в одном из них, чтобы сделать привал.

Он замер, сканируя окрестности, потом сделал знак рукой, указывая направление.

* * *

Бег в скафандре — удовольствие ниже среднего.

Андрей Лозин старался не отставать от командира, постоянно поглядывая по сторонам, — он уже начал интуитивно опасаться открытых пространств, понимая, что в такие минуты, несмотря на камуфляжное покрытие экипировки, их о гряд все-таки можно обнаружить простым визуальным наблюдением.

Очевидно, Ван Хеллен мыслил приблизительно в том же ключе: когда они удалились от пограничных зарослей примерно на километр, командир резко сбавил темп, заставив бойцов лечь и двигаться ползком.

Линия черных, как смоль, укреплений теперь приближалась очень медленно, но зато восстановилось сбившееся дыхание, да и нервозности поубавилось. Андрей полз по правую сторону от командира, невольно сравнивая все пережитое за последние часы с теми ощущениями, что возникали при виртуальных тренировках.

На поверку все оказалось не так, как предлагал смоделированный компьютерами полигон. Ощущения не те — острее, однозначнее, резче.

Исчез азарт, физическое напряжение оказалось в десятки раз выше, чем в тренажерных зачах, сознание перестраивалось буквально на ходу — сейчас не хотелось даже вспоминать, как бесшабашно они гонялись за фантомами ксеноморфов по виртуальным джунглям…

До линии укреплений оставалось метров сто, когда командир приподнял руку в предупреждающем жесте.

Отряд замер.

Ван Хеллен сканировал окрестности, используя исправную систему своей гермоэкипировки, в то время как его подчиненным оставалось полагаться лишь на собственное зрение.

Впрочем, первое впечатление оказалось верным: все постройки ксенобиан были выращены, оставалось лишь гадать, каким образом Чужие придают своим растениям нужные формы. У каждой расы свои технологии. О том, что ксенобианские деревья после полного высыхания приобретают прочность металла, Андрей знал не понаслышке — среди наглядных пособий в школе выживания имелись образцы чуждой флоры, но он никогда не видел, чтобы черные деревья росли в строгой геометрической симметрии, образуя сводчатые куполообразные постройки, соединенные тоннелеобразными переходами.

То, что в прошлом являлось монолитной линией укреплений, сейчас было разбито на отдельные фрагменты конструкций, между которыми простирались опаленные бреши, часть куполов была взломана в момент декомпрессии сектора — в основном это относилось к тем участкам защитных сооружений, которые на момент разгерметизации уже были повреждены.

Взгляд повсюду находил немые свидетельства бушевавшей тут схватки.

Лозин успел рассмотреть несколько разбитых планетарных машин — изображения подобной техники сохранились лишь на информационных носителях обучающих программ, в реальности он видел их впервые. В душе просыпались незнакомые щемящие чувства, когда взгляд падал на покореженные остовы былой технической мощи. *Вот бы сейчас нам такие машины…* — невольно подумал Андрей. Из уроков прошлого можно извлекать разные выводы, и мысль ненароком скользнула дальше: декомпрессионный взрыв тоже оружие, так почему бы не попробовать восстановить часть тяжелой техники? С ее помощью можно прорваться к сектору Чужих и взломать стены Мира, разгерметизировав его. Пусть ксенобиане исчезнут в мутных смерчах истекающего в пустоту воздуха — автономные механизмы, восстановившие смежный сектор, наверняка справятся с последствиями еще одной катастрофы, но Мир станет совсем другим, он будет полностью принадлежать людям…

Обрывочные мысли мелькали в голове в такт участившемуся дыханию — первые признаки усталости уже давали знать о себе, а бежать предстояло еще не менее километра.

— Поднимаемся, — пришел по связи приказ Ван Хеллена. —

Короткими перебежками вперед, ориентир — разрушенный купол.

Лозин вскочил, наметив взглядом новое укрытие, расположенное метрах в двадцати, и, пригибаясь, рванулся к нему, успев заметить, что почва под ногами стала неровной, бугристой, из-под тонкого плодородного слоя выступали волдыри расплавленного, а затем остывшего металлопластика.

Бежать стало еще труднее, подошвы скользили по неровностям, но фрагментарные, обрывочные картины разыгравшейся тут много лет назад битвы между людьми и ксенобианами воздействовали на рассудок, будто стимулятор, один лишь вид покореженной техники, взорванных укреплений, остекленевших воронок в какой-то момент подавил усталость, словно под воздействием разыгравшегося воображения у Лозина внезапно открылось второе дыхание…

Упав в небольшую воронку, он подтянулся к импровизированному брустверу, давая понять, что контролирует прилегающие окрестности.

Ствол ИПК смотрел на отдалившиеся заросли, в которых исчез ксенобианский патруль, дыхание вновь успокаивалось, руки уже не дрожали — он постепенно втягивался в *ритм*, начиная действовать осознанно, будто рассудок переплавил опыт виртуальных тренировок, отмел весь шлак, оставив лишь каплю рационального, которая тут же начала вбирать в себя новые ощущения, формируя новый взгляд, иную модель поведения, порождая другие мысли.

В десяти метрах от Андрея, за вплавленной в землю металлоконструкцией, занял позицию Постышев.

Ван Хеллен и Курт под их прикрытием совершили рывок на пятьдесят метров, приблизившись к ксенобианским укреплениям почти вплотную.

— Постышев, остаешься на месте, Лозин — вперед

Андрей вскочил, оскользнувшись на остекленевшем скате неглубокой воронки, и, с трудом удержав равновесие, отыскал взглядом командира, который коротким жестом указал на группу из трех полуразрушенных бункеров, связанных между собой короткими тоннелями

Войти в обособленный участок укреплений оказалось несложно в черных стенах зияли внушительные пробоины, объясняя их появление, неподалеку от куполообразных построек застыли две тяжелые планетарные машины, — их огромные литые колеса сгорели, броня была иссечена глубокими шрамами от попаданий лазерных лучей, покатые башни плазмогенераторов казались разрубленными на отдельные бесформенные фрагменты, чуть ниже на скатах лобовой брони в гофрированных гнездах навек застыли повернутые в сторону бункеров автоматические орудия, —

судя по количеству пробоин в стенах укреплений, они работали до последнего, поливая шквальным огнем бункера Чужих, пока смерч декомпрессии не убил экипажи планетарных машин.

Глухая ярость билась в висках ритмом участившегося пульса.

Здесь все было пропитано аурой трагического противостояния, картины разрешения и смерти подавляли рассудок, низводя разум до инстинктивных чувств.

Нырнув в пролом, Лозин внезапно оказался на границе света и тьмы.

* * *

В помещении, куда он попал, царил глубокий сумрак.

Зрение медленно адаптировалось к темноте, и вскоре неяркий, проникающий через пробоины свет позволил рассмотреть детали окружающей обстановки.

Пол бункера усеивали мелкие обломки, среди них под ноги попадались фрагменты хитиновых панцирей, сложная внутренняя архитектура, присущая всем ксенобианским сооружениям, была сломана колоннаду черных столбов снесло вбок, завалив ими дальнюю часть помещения, куполообразный свод треснул, но не обрушился…

Убедившись, что в бункере нет засады, Андрей вернулся к пролому и сделал знак командиру можно заходить, все чисто.

— Привал, — Ван Хеллен осмотрел помещение, взглянул на датчики анализаторов атмосферы и освободил фиксаторы забрала, сдвинув его на затылок гермошлема.

Несмотря на усталость, он был доволен и не пытался скрыть этого.

— Молодцы. Полчаса на отдых, я подежурю. Кому неудобно — можно снять скафандры, дальше все равно пойдем без них.

— Почему, командир? — спросил Курт, устраиваясь подле пробоины, чтобы тоже наблюдать за окрестностями. Они постепенно, сами того не замечая, перенимали манеру поведения Доминика. Ван Хеллен молча одобрил выбор бойцов, порадовался, что не разбрелись и не поддались усталости — все до единого устроились на отдых с таким расчетом, чтобы при малейших признаках угрозы не метаться в поисках позиции, а быть готовыми к немедленному отпору.

— Скафандры не защищают от бионических автоматов, при этом сильно стесняют движения, — ответил он. — Вообще гермоэкипировка нужна лишь для преодоления разрушенных отсеков в нашей зоне. Поэтому мы оставим скафандры здесь, чтобы забрать на обратном пути. К компьютерному центру пойдем налегке. — Он выглянул в пробоину и

добавил: — Думаю, что мы сможем существенно увеличить свои шансы на успех.

Постышев проследил за взглядом командира и понял, что тот рассматривает две застывшие неподалеку планетарные машины.

Неужели он собирается проникнуть внутрь, чтобы снять дополнительную экипировку с останков экипажей?

В первый момент это показалось Антону надругательством над теми, кто погиб тут много лет назад, но его внутреннее смятение длилось недолго, ровно до очередной фразы Ван Хеллена:

— Те, кто сейчас подумал о кощунстве, могут оставить свое мнение при себе. Мы не на прогулке, — резко добавил он. — Ксенобиане используют боевые особи, которые для них не более чем скот. Они имеют подавляющий численный перевес, и с этим придется считаться. Поэтому мы *обязательно* пойдем к древним машинам и возьмем оттуда любое оборудование или экипировку, способную дать нам дополнительный шанс на выживание. Это приказ, он не обсуждается и не комментируется.

Антон сидел, привалившись к черной глянцевитой стене, глядя на кромку леса, где исчез ксенобианский патруль.

Командир прав, — невольно подумалось ему. Только двое из всего отряда имели бронежилеты. Односторонняя связь тоже причиняла массу неудобств, и, случись вступить в бой с ксенобианами, такой способ общения может стать фатальным для всей группы.

И все же от мысли, что кому-то придется лезть внутрь древних машин, неприятно сосало под ложечкой.

— Можно я пойду туда, командир? — неожиданно произнес Андрей.

Ван Хеллен обернулся, внимательно посмотрев на Лозина.

— Не боишься?

— Боюсь.

Доминик на секунду задумался, а затем кивнул.

— Хорошо, снимай скафандр, не будем откладывать. Всем остальным внимательно следить за окрестностями. Антон, в мое отсутствие ты старший. Если появятся ксенобиане, десять раз подумай, прежде чем открывать огонь. Пока что наше главное оружие — скрытность.

Постышев кивнул.

— Я понял, командир. Если они не пойдут прямо сюда, никто не станет стрелять. Мы уже выдержали это.

* * *

Возвращаться к планетарным машинам пришлось ползком.

Километрах в пяти от укреплений на пределе видимости появился новый патруль ксенобиан. Ван Хеллен посмотрел на хронометр и недовольно пробурчал, сравнивая интервал между прочесывающими местность патрулями и воображаемой окружностью их маршрута:

— Особей двести в совокупности… Туговато нам придется…

От Андрея не укрылось, что командир ни словом не обмолвился о других группах, следовавших к компьютерному центру различными маршрутами. *Нас ведь тоже человек сорок, не меньше,* — подумал он, выползая вслед за Домиником на бугристую оплавленную поверхность.

Две машины стояли рядом, люк одной был открыт, вторая, повернутая боком к укреплениям, наглухо задраена. Металлические диски колес, с которых под воздействием бушевавших тут температур испарилось резиновое покрытие, сплавились с твердью смежного сектора. Андрею трудно было даже вообразить, какие энергии бушевали тут в прошлом, он понял лишь одно — машины были подбиты еще до разгерметизации сектора. При взрыве декомпрессии их удержали на месте колесные диски, спекшиеся с металлопластиком основного перекрытия.

Командир уже дополз до открытого люка и, привстав, заглянул внутрь машины.

Андрей присел рядом, спина к спине, страхуя Ван Хеллена.

Доминик достал ручной фонарь и посветил в сумеречное нутро кабины.

Вся передняя часть, вместе с приборными панелями, креслами водителя и стрелка, представляла собой бесформенные потеки расплавившегося пластика, из которых торчали обрывки кабелей и детали механизмов.

— Заходим.

Андрей вслед за командиром протиснулся в люк.

Он страшился увидеть мертвые тела, вернее, их останки, но сгоревшие, потерявшие форму кресла были пусты *Наверное, экипаж успел покинуть машину еще до декомпрессии,* — подумалось ему. Уродливые потеки пластика, образующие причудливые наплывы, практически не оставляли надежды, что здесь вообще можно найти что-либо функциональное, уцелевшее во время пожара, вызванного нагревом лобовой брони от множества попаданий лазерных лучей, которые не прожгли ее, но раскалили до сотен, если не тысяч градусов.

Ван Хеллен придерживался иного мнения. Бегло осмотрев тесную, изуродованную кабину, он присел на корточки подле внутреннего люка, ведущего в десантный отсек Задняя часть кабины также сильно пострадала

от высокой температуры, материал уплотнителя полностью выгорел, и теперь сквозь обозначившуюся по периметру люка щель виднелся фрагмент оплавившегося электромагнитного замка. Доминик попытался отжать ригели ножом, но понял, что скорее сломает лезвие, чем вскроет заклинивший механизм.

— Прижмись к стене, — приказал он Андрею, извлекая компактный ручной лазер. Лозин мельком взглянул на устройство, вновь удивившись ею конструкции: лазеры считались традиционным оружием разумных ксенобиан, и трофейные образцы, которые он изучат, выглядели совершенно иначе.

Доминик лишь усмехнулся, перехватив его взгляд.

— Мы тоже кое-что умеем, — произнес Ван Хеллен, прежде чем ослепительный рубиновый луч начал резать металл, роняя на пол горячие шипящие капли.

Он быстро справился с замком, но люк не поддался, и после нескольких безуспешных попыток сдвинуть его по направляющим командир отложил в сторону обрубок трубы, которым пользовался как рычагом.

— Отвернись. Задержи дыхание и береги глаза. Буду вырезать по кругу.

Спустя минуту кабину заволокло едким дымом, затем раздался металлический лязг и в коммуникаторе прозвучал голос Ван Хеллена:

— Осторожно, края горячие. Не прикасайся к ним.

По очереди они перебрались в темный десантный отсек планетарной машины.

И опять Андрей испытал чувство облегчения, не увидев в свете фонаря останков людей.

Доминик бегло осмотрел ряды кресел, расположенные вдоль бортов, затем со знанием дела начал снимать скошенные, примыкающие к низкому потолку отсека пластины внутренней облицовки.

К удивлению Андрея, за снятыми фрагментами обшивки открылись две глубокие ниши, в которых, закрепленные специальными захватами, покоились два продолговатых металло-пластиковых контейнера.

— Они тяжелые, — предупредил Ван Хеллен, одной рукой освобождая фиксаторы, а другой придерживая угол кофра, на крышке которого была нанесена вполне внятная надпись:

«Резервный комплект оборудования. Не ронять».

Контейнер оказался очень тяжелым. Андрей едва удержал свой край, когда тот выскользнул из фиксаторов.

— Присядь. Перехвати на плечо.

— Неудобно…

— Делай, что говорят.

Он подчинился, почувствовав, что держать кофр на плече намного легче. По крайней мере, исчезла вероятность того, что гот просто выломает пальцы своим весом.

— Давай к выходу. Не забудь о краях люка, они еще не остыли.

* * *

Полчаса ушло на извлечение второго контейнера и доставку его внутрь ксенобианского бункера.

Андрей совершенно выбился из сил. Когда второй кофр втащили наконец через пролом внутрь укрепления, ему хотелось одного — лечь на пол и не двигаться, но Доминик тут же принялся возиться с замками тяжелых крышек, и любопытство пересилило усталость, Лозину было интересно, что именно удалось извлечь из древней планетарной машины, и он, отдышавшись, подошел к командиру, который уже справился с нехитрыми замками и начал поднимать увесистую крышку, выполненную из несгораемого материала.

Ящик Пандоры.

Где-то он слышал это выражение, но не понимал его смысла.

Теперь, похоже, он знал, что подразумевало древнее высказывание.

Внутри трехметровый контейнер был поделен на отсеки, где в специальных захватах покоилось оружие и экипировка.

Запасной комплект снаряжения. Андрей, не отрываясь, смотрел, как Ван Хеллен извлек на свет камуфлированный полушлем с тонированным забралом.

— Боевой шлем десантных подразделений — В голосе Доминика прозвучали нотки глубочайшего удовлетворения. — Редкая удача в наши дни. Не понимаю, как прошлые группы проглядели эти машины. Нам крупно повезло.

— Он не герметизируется? — поинтересовался Зигель. Курт наблюдал за подступами и лишь изредка поворачивал голову, чтобы взглянуть на содержимое кофра, извлекаемое командиром.

— Нет, этот вид экипировки не предназначен для выходов в безвоздушное пространство. Зато он имеет ряд бесценных преимуществ, по крайней мере для нас. — Командир выложил перед бойцами четыре шлема и добавил, вставляя элементы питания в специальные гнезда, расположенные в затылочной области: — Исправные коммуникаторы,

система автоматического распознавания и сопровождения целей, отражающее антилазерное покрытие бронепластикового забрала, набор сенсоров и встроенный компьютер для обработки данных. У меня когда-то был такой шлем, только старый, сменивший много хозяев. Я быстро научу вас пользоваться его системами.

— А что в этих отсеках? — поинтересовался Антон, указывая на тяжелые, скругленные по краям крышки с ручкой посередине и не совсем понятной надписью: «АТП-12».

— Автоматическая турельная пушка, — расшифровал аббревиатуру Ван Хеллен. — Лучший друг человека. Скорострельность — до тысячи выстрелов в минуту. Система программирования целей, настройка чувствительности детекторов движения, сектор обстрела — триста шестьдесят градусов в плоскости и сорок пять по вертикали, плюс масса полезных функций, позволяющих установить орудие, запрограммировать его и не беспокоиться, что кто-то из врагов зайдет тебе в тыл.

— Круто… — уважительно произнес Постышев.

— Итак, у нас теперь есть два автоматических орудия, десять полных наборов кевлара, включая компьютеризированные шлемы, рационы выживания, медицинские модули поддержки и новенькие автоматы. Подарок Судьбы.

— А что во втором ящике? — поинтересовался Антон.

— Боекомплекты, — ответил командир.

* * *

Следующие два часа ушли на изучение боевых шлемов и смену экипировки.

Ван Хеллена словно подменили — с его лица исчезла угрюмая суровость, и Антон, глядя на командира, который украдкой ласково коснулся спаренных стволов установленного на треножном станке автоматического орудия, подумал, что этот человек — сплошная загадка. Поддавшись первому впечатлению, его начинали опасаться, но на поверку Доминик оказался совершенно не таким, как, например, инструктора в школе выживания. Он еще ни разу не наорал на них, удивительным образом сочетая в своих приказах неколебимую твердость и неведомую молодым бойцам отеческую заботу, когда вслед за ошибкой или оплошностью следовала не брань, а спокойное пояснение, что ты сделал неверно и как избежать подобных огрехов в дальнейшем.

Откуда им было знать, сколько смертей повидал на своем веку Доминик.

Да, в его жизни был период, когда реальность казалась кроваво-черной, безысходной, и хотелось лишь одного — смерти, которая оборвет затянувшийся кошмар существования.

Потом этот надлом прошел, но, в отличие от иных опытных разведчиков, месяцами не покидавших смежный сектор, Доминик незаметно стал ценить жизнь.

Были минуты, когда судьба загоняла его в угол… каждый вдох казался последним, сладким, пьянящим, как дрожь в мышцах и привкус крови на губах. Переизбыток адреналина дарил свободу, топил страх, и мягкая ритмичная отдача от коротких автоматных очередей казалась пульсом… но проходило и это.

Наступал миг бессилия, когда падал последний враг, и туманные эрзац-небеса смежного сектора кружились перед глазами, свинцовая усталость наваливалась, как плита, ноги сами подгибались в коленях, и взгляд начинал избирательно выхватывать иные проявления реальности — не трупы врагов, но травинку, чудом не затоптанную ногами, не срезанную осколком, мерно покачивающуюся на краю выбитой гранатным разрывом воронки…

В такие минуты начинала переворачиваться душа и приходили горячие ненужные вопросы: зачем все это, кто создал поделенный надвое мир, обрекая ею обитателей на ненависть и взаимное истребление, почему растет эта травинка среди чуждых ксенобианских джунглей, ведь ей совершенно безразличен тот факт, что рядом сплетают свои немыслимые узоры узловатые черные деревья Она просто *сосуществует* с ними…

Потом приходил первый судорожный вдох, и он снова в сотый раз понимал, что выжил. Тот, кто хоть раз испытывал подобное, не срываясь в пучину бессильной ненависти ко всему сущему, неизбежно становился другим, словно вновь и вновь перерождайся в душе.

Он плакал.

Он выл над телами павших.

Он учился любить этот проклятый мир и воевать так, чтобы после пляски безудержной смерти на клочке опаленной земли осталась хотя бы одна былинка, за которую зацепится сумасшедший взгляд и начнет оттаивать, выкарабкиваться из омута морального небытия.

Он не любил ксенобиан, но со временем научился видеть в них неизбежных врагов, верх над которыми одерживала не ненависть, а хладнокровие.

Каждый в этом мире шел своим путем. Кто-то выбирал безумие, теряя остатки чувств, кто-то, ни разу не покидавший границ человеческих

секторов, жил в плену невежества, ненависти и страха, но в каждом правиле существовали свои исключения.

Ван Хеллен отличался от других прежде всего тем, что давно понял: пусть мироздание не оставило им выбора, и кто-то должен находиться тут ради выживания колонии, но, следуя неизбежности, нельзя бездумно подчиняться ей.

Ненависть — это не взгляд на мир. Это шторки, которые сужают горизонт до рамок прицела. А через него не увидишь, как покачивается чудом уцелевшая травинка на курящемся дымом скате воронки, не сбережешь ни себя, ни других.

Таким был Доминик Ван Хеллен, но мало кто мог завянуть в его душу, большинство предпочитало судить лишь внешность молчаливого, сурового разведчика.

* * *

Когда бойцы закончили экипироваться, он долго и терпеливо инструктировал их, показывая, как следует обращаться с компьютеризированной системой шлемов, а затем, неожиданно сменив тему, произнес:

— Запомните, ребята: мы пришли сюда не для того, чтобы умереть. — Ван Хеллен посмотрел через пробоину в стене на туманную дымку, за которой скрывался заветный компьютерный центр. — Изначально наша задача сводилась к минимуму — найти выгодную позицию и в заданный час обозначить свое присутствие, отвлекая тем самым внимание противника от основной ударной группы. Теперь у нас появился шанс радикально повлиять на ситуацию. — Он кивнул в сторону раскрытых кофров и пояснил: — Автоматические орудия не просто оттянут на себя силы ксенобиан, но и нанесут им ощутимый урон. Мы же под прикрытием отвлекающего огня получаем свободу действий и выдвигаемся к компьютерному центру, чтобы в критический момент поддержать основную группу… если она вообще сумеет прорваться к объекту. Антон, ты компьютерный техник. Сможешь помочь мне в программировании главного компьютера?

Постышев слегка побледнел, но кивнул.

— Да, командир. Нас… Меня учили, как это делать.

— Отлично. И запомните — наша задача не истребление наибольшего количества врагов, а перераспределение ресурсов в пользу людей. Уклониться от боя — это не трусость. Если вам внушали обратное, советую забыть. Настоящее искусство боя состоит не в том, чтобы доблестно пасть

в окружении ксеноморфов. Выполнить задачу и уйти живыми — вот высшая оценка боевого мастерства.

— Нас всего четверо, а ксенобиан сотни, — мрачновато напомнил Постышев.

Ван Хеллен лишь пожал плечами в ответ.

— Бывало и хуже, — веско обронил он.

ГЛАВА 3

Смежный сектор… На подступах к компьютерному центру…

На протяжении последующих часов отряд медленно продвигался в глубь смежного сектора.

Идти становилось все тяжелее — две разобранные автоматические пушки и боеприпасы к ним весили немало, к тому же бойцы миновали дно впадины, начав восхождение по пологому склону котловины.

Окружающая природа начала видоизменяться, как только они пересекли линию древних ксенобианских укреплений, словно она являлась границей двух разительно непохожих друг на друга пространств.

Первым на это обратил внимание Постышев: сгибаясь под тяжестью треножного станка, он чаще смотрел себе под ноги, чем по сторонам.

— Командир, что это? — спросил он во время очередного привала, указав на темно-зеленые пятна, покрывающие небольшие участки почвы под мертвыми ксенобианскими деревьями.

— Мох, — ответил Доминик, присев рядом.

Антон протянул руку, дотронувшись до упругого, бархатистого на ощупь пятна, которое покрывало не только землю, но и часть омертвевшего ствола дерева.

— Зеленое. Как у нас в оранжереях.

— Дальше и не такое увидишь, — пообещал Ван Хеллен. — За впадиной растет настоящий лес. Наши деревья вперемешку с Чужими.

— Разве это возможно? — искренне удивился Антон.

— В смежном секторе все возможно.

— А черные джунгли?

— Они мертвые. Не возродились после декомпрессии А вот наши растут. Когда я в первый раз ходил к компьютерному центру, там стоял лишь изломанный ксенобианский лес. Потом вдруг появились трава и мох, а спустя несколько лет я увидел деревца, маленькие совсем. Сейчас они уже выше человеческого роста. Скоро сам посмотришь.

Несколько часов спустя они действительно вышли на границу настоящего леса.

Редкие черные стволы узловатых ксенобианских деревьев выглядели словно окаменевшие монстры в обрамлении нежной зелени человеческих растений. Взгляд терялся в сюрреалистическом пейзаже, это был миг, когда

отступила неодолимая усталость долгого перехода, а в душе что-то дрогнуло сладко и тревожно.

Шелест.

Легкий ветерок перебирал нежную, клейкую, едва распустившуюся листву молодых берез, в воздухе плыл такой аромат, что начинала кружиться голова.

— Привал, — объявил Доминик, указывая на березовую рощу. — Лучшей маскировки не придумать, запах листвы для ксенобиан так же непереносим, как для нас их вонь.

Они вошли под сень деревьев.

Это выглядело невероятным. Антон привык к карликовым растениям, которым зачастую не хватало места и света в тесных отсеках жилых палуб, а тут на просторе смежного сектора росли настоящие деревья, точно такие, как на древних видеозаписях.

Потрясение. Иное слово не передаст и сотой доли чувства, полностью овладевшего бойцами небольшого отряда. Минуту назад они валились с ног от усталости, готовы были рухнуть там, где услышат долгожданное слово «привал», но сейчас, словно зачарованные, они помогали друг другу снять груз и медленно, будто опасаясь, что это всего лишь мираж, подходили к деревьям не гурьбой, а поодиночке.

Запах.

Он плыл над березовой рощей, словно сладкий морок, и не с чем было его сравнить — когда твоя жизнь прошла в тесных помещениях плохо вентилируемых отсеков, а понятие «природа» ассоциируется с мутными баками гидропонического модуля, распространяющими привычное зловоние, то нетрудно понять реакцию молодых ребят, впервые повстречавших настоящую, живую природу…

Ван Хеллен не мешал им.

Он сел на мягкую подстилку мха, сквозь которую к свету пробивались редкие травинки, и, странно прищурившись, смотрел вдаль, туда, где лежал пройденный путь.

Пальцы Доминика побелели — он не осознавал того, как крепко сжимает автомат, одновременно в мыслях проклиная и благословляя окружающий мир. Чувства нахлынули, словно приступ головокружения.

Ему вдруг подумалось: а испытывают ли Чужие что-либо подобное?

Им ведь тоже должно быть что-то дорого, иначе… тут мысль осеклась, он вспомнил, как умирают бойцы Чужих. Ни вздоха, ни вскрика (собственно, кричать они и не могут), хотя на памяти Доминика был случаи, когда разумный ксенобианин страшно верещал перед смертью.

С каких пор, Ван Хеллен? — спросил он у самого себя. — *Неужели отвоевал свое, и нет у тебя больше той холодной неприязни, которой достойны штампованные ксенобианские убийцы?*

Мысли пришли и отхлынули, как приступ недомогания, рожденный нервным напряжением прошедших суток, осталась лишь боль, неуемная, гложущая, когда повернул голову и посмотрел на трех ребят, с которыми завтра идти в самое пекло…

…Андрей коснулся дрожащей ладонью шероховатого ствола березы, бережно провел пальцами по юной, еще клейкой зелени, которая окутывала стройное деревце, будто нежная полупрозрачная аура.

Как же вы выросли тут?.. — подумалось ему, но мысль и подкативший к горлу комок вдруг отсекло, будто ударов ножа.

Толчок в спину оказался столь неожиданным, что Лозин плашмя рухнул на землю, и иглы, выпущенные из бионического автомата, с глухим треском впились в кору березы как раз на уровне головы и плеч человека.

— К бою!.. — прохрипел Ван Хеллен, перекатом уходя вбок.

Андрей не сразу понял, что произошло.

В ноздри бил сладковатый запах древесной щепы и мха, он на миг растерялся, инстинктивно перевернувшись на спину, и вдруг все ощущения стерлись, потускнели, словно из Мира исчезли все краски, оставив лишь стремительно приближающиеся силуэты Чужих: не менее десятка бойцовских особей стремительным рывком пытались преодолеть открыто, пространство, один из ксенобианских бойцов уже укрылся за узловатым накренившимся стволом черного дерева, в каких то метрах от Лозина, и он десятым чувством осознал — сейчас тот рывком появится из-за укрытия, и отверстия бионического автомата, расположенного за грудными пластинами Чужого, в упор выдохнут разящую наповал смерть.

Роковые мгновенья первого боя.

ИПК от резкого толчка соскользнул с плеча и отлетел в траву, до него еще надо дотянуться, а фигура ксенобианин уже появилась в поле зрения, дрожь ударила по мышцам когда Чужой слегка присел, непристойно, пакостно расставив свои ноги, будто собрался гадить…

Не гадить, а стрелять. У биоников куча своих недостатка Чужие давно поняли это и все чаще начинает использовать трофейное оружие, — мысли вихрем неслись в голове, пока тело резкими толчками смешалось вбок, правая рука безжалостно впивалась в мягкую подстилку мха в поисках холодного металлопластика…

Не успел.

Пальцы наткнулись на короткий приклад, но слишком поздно… Над

головой вне пределов зрения отрывистым, ритмичным выдохом ударила короткая автоматная очередь, и фигура ксенобианина вдруг начала падать, опрокидываясь на спину.

Антон успел заметить, как летели куски хитина, пачкая траву бурой слизью, — кто-то вовремя прикрыл его, не дав ксеноморфу разрядить «бионик».

Схватив ИПК, он машинально начал перекат и вдруг увидел, как над головой шевельнулась крона окаменевшего черного дерева…

Секундой позже до сознания дошло, что это фигура ксенобианина, до сих пор сливавшаяся с корявыми ветвями, медленно отделяется от них, изготавливаясь к прыжку.

— Засада! Они наверху! — Лозин выкрикнул предупреждение, так и не закончив перекат: лежа на спине, он бил короткими очередями в крону чужого дерева. Срубленные пулями ветви падали вниз и рассыпались, ударяясь о землю, вместе с ними рухнула фигура Чужого, второй ксеноморф, прятавшийся за стволом, несколько раз дернулся и начал соскальзывать вниз, оставляя на коре глубокие борозды от когтей.

Не в счет. Этот уже не в счет… — Андрей изогнулся, прошив длинной очередью крону второго, стоявшего особняком черного дерева, но там, похоже, было чисто — вниз полетели лишь срубленные пулями ветви.

Рывком привстав на колено, он огляделся вокруг.

В нескольких метрах от него Ван Хеллен менял магазин И ПК. Чуть поодаль в траве лежали тела пятерых ксеноморфов, один еще бился в агонии, издавая скрежещущие звуки, из-за густой поросли молодых берез, пятясь, появился Антон Постышев — он отступал, одной рукой ведя огонь из короткоствольного автомата, а в другой сжимая поставленную на сенсор[4] гранату.

Доминик, перезарядив оружие, мгновенно оценил обстановку.

Их окружали со всех сторон. Очевидно, группа наблюдателей, которых только что застрелил Лозин, давно заметила отряд и вызвала близлежащие патрули, которые сейчас подтягивались к березовой роще, стремясь замкнуть группу людей в кольцо.

Андрей тоже понял это, заметив, что Зигель боком смещается вправо.

— Командир, здесь еще один отряд… — раздался в коммуникаторе его голос. — Десятка полтора, не меньше.

— Сдерживай их! — Ван Хеллен метнулся к оставленному в центре небольшой поляны оборудованию.

Андрей успел заметить, как он рывком поднял треножный станок

автоматической пушки.

— Прикройте меня! — выдохнул Доминик, поднимая тяжеленную турель.

Постышев коротким замахом швырнул гранату.

Андрей инстинктивно прижался к земле, ползком разворачиваясь в ту сторону, откуда появились первые ксенобиане.

Вовремя.

За поваленным стволом черного дерева опять мелькали силуэты Чужих, за спиной мягко ухнул взрыв, вслед которому зачастил автомат Постышева, справа раздавались короткие очереди — это Курт прицельным огнем сдерживал наступающих с фланга ксенобиан, заставляя их прижиматься к земле.

К этому моменту Лозин уже дополз до поваленного дерева.

Фильтры дыхательной системы отсеивали смрад, но он чувствовал — Чужие всего в метре от него, по ту сторону черного узловатого ствола; решение пришло мгновенно, рука сжала сенсор гранаты, и рифленый цилиндр, стукнувшись о морщинистую кору, скатился под ноги ксеноморфам, группировавшимся за укрытием перед решающим рывком.

Близкий взрыв на миг оглушил Андрея, казалось, земля покачнулась, выскальзывая из-под льнущего к ней тела, ствол дерева подбросило на добрых полметра, и в узкую щель жарким валом рванула ударная волна, трава вокруг внезапно начала съеживаться и дымиться, но он воспринимал все это лишь краем сознания — его рассудок несколько мгновений жил отдельно от тела. Пошатнувшись, Лозин встал, перевалился за дымящийся, переломленный пополам ствол дерева и, оказавшись среди разбросанных взрывом, порванных осколками ксенобианских бойцов, припал на колено, скосив длинной очередью нескольких пытавшихся подняться ксеноморфов.

Разум Андрея тонул в окружившей его агонии.

Ему было страшно, омерзительно — чувство одержанной победы тенью проскользнуло мимо рассудка, разбросанные вокруг части тел еще жили в предсмертных судорогах, и он задохнулся, не в силах контролировать свои эмоции, кислородная маска липла к лицу, мешая дышать, тошнотный спазм, подступивший к горлу, заставил его поднять руку — еще секунда, и он бы сорвал с себя дыхательный аппарат, не осознавая, что воздух вокруг перенасыщен токсином…

Дрожащие пальцы уже коснулись креплений, когда запястье Лозина вдруг перехватила чья-то рука, и поверх его плеча, возвращая чувство реальности, вдруг ударила автоматная очередь, подрубив еще одного пытавшегося подняться ксеноморфа.

— Держись, Андрюша… — хриплый голос Ван Хеллена звучал как спасение, рассудок ухватился за короткую фразу, сбрасывая морок близкой смерти. Такого острого чувства Андрей не испытывал никогда: он всем телом ощущал, что за его спиной стоит Человек, и вдруг с облегчением понял — рука Доминика не даст ему упасть…

— Назад… Отходим. — За адресованным ему хриплым шепотом раздалась громкая, твердая команда: — Курт, Антон, отходим! Орудие активировано! Двигайтесь! Резче!

Андрей уже пришел в себя.

— Командир… Я в порядке… — сдавленно прохрипел он, и рука Ван Хеллена тут же ослабила свою хватку, освобождая кисть.

— Отходи. Метров на двести. Потом заляжешь, будешь прикрывать.

Лозин молча рванулся в указанном направлении.

Слова сейчас были не нужны.

Звон в ушах стал тише, зрение прояснилось, в горле все еще стоял ком, но внутренности уже не выворачивало спазмом.

Стук сердца глухо отсчитывал шаги.

Двести…

Он, пошатнувшись, остановился, разворачиваясь в обратном направлении, и увидел опушку березовой рощи.

Посреди исковерканного пространства поблескивало автоматическое орудие, его ствол рывками поворачивался то в одну, то в другую сторону, с ритмичным треском выбрасывая короткие хоботки пламени, молодые березы повалило в разные стороны, они клонились к земле, роняя нежную зелень, сизый дым рваными полосами стлался над местом внезапной схватки, а в полусотне метров от него, сгибаясь под тяжестью разобранной турели и запасного боекомплекта, бежали на пределе последних сил три сгорбленные человеческие фигуры.

Живы… Все живы…

Чувства менялись, словно узор в калейдоскопе, за краткие минуты боя он пережил столько, что хватило бы еще лет на десять виртуальных тренировок…

Автоматическое орудие било, не умолкая.

Рядом опустился на одно колено Антон Постышев, и короткий обмен взглядами открыл им обоим простую, но недоступную до этой секунды истину, они стали другими, и отныне их родство крепче, чем кровные узы, сильнее, чем братская любовь..

Они вместе заглянули в глаза смерти.

* * *

Два часа они шли, не останавливаясь, не разговаривая, пока Ван Хеллен, сверившись с известными только ему ориентирами, не объявил короткий привал.

За время изнурительного марш-броска разительно преобразилась окружающая природа — черные ксенобианские деревья исчезли, им на смену пришел бурелом вырванных с корнем и хаотично поваленных хвойных деревьев.

Между потемневшими стволами леса, погибшего при декомпрессии сектора, повсюду пробивалась молодая поросль, небольшие, всего метр-полтора в высоту, деревца тянулись к свету, создавая резкий контраст между отслаивающейся влажной корой умерших прародителей и своей юной, но отчего-то ранящей взгляд зеленью…

Такое распределение природных зон смежного сектора казалось неправильным, абсурдным — почему на подступах к территориям Чужих росли представители земной флоры, а там, где тоннельные переходы вели из смежного сектора к человеческой части Мира, высились погибшие ксенобианские джунгли?

Андрей Лозин не находил объяснения такому явному несоответствию.

За истекшие дни он многое узнал и пережил, но загадок от этого не становилось меньше, наоборот, они множились, тревожа рассудок даже сейчас, в минуты запредельной усталости.

— Десять минут на отдых, потом устанавливаем турель, — хрипло произнес Ван Хеллен. — Я в охранение, но вы тут не расслабляйтесь До компьютерного центра несколько часов пути, — добавил он, исчезая среди хаотичного нагромождения поломанных древесных стволов.

Андрей опустился на прелую землю.

Пахло хвоей.

Прислонясь спиной к поваленному дереву, он прикрыл глаза, мгновенно погружаясь в зыбкое небытие. Сколько они уже идут без сна? Сутки? Двое9

В такие минуты кажется, что никакая сила не заставит тебя встать, а уж тем более двигаться дальше.

— Ты почему не бросал гранату, Антон? — спросил Андрей, не открывая глаз.

— Березы… Жалко их было…

Лозин промолчал. Ему вдруг вспомнился виртуальный полигон, где они носились, паля без разбора, не считаясь ни с боекомплектом, ни с

разрушениями…

Тонкий запах хвои тревожил обоняние и рассудок. *Откуда я знаю, как пахнут сосны?*

Внутренний вопрос остался без ответа.

— Подъем! Быстро собираем орудие! — голос Ван Хеллена раздался над самой головой, хотя секундой раньше не было слышно, чтобы он возвращался на небольшую поляну с наблюдательного поста.

Лозин с трудом разлепил отяжелевшие веки.

— Ксенобиане? — спросил он, усилием воли заставив себя встать.

— Два отряда. Прочесывают местность, двигаясь в нашем направлении. — Доминик давал короткие разъяснения, устанавливая треножный станок автоматической пушки.

— Будем принимать бой? — спросил Антон, помогая Курту поднять турель с массивным поворотным механизмом.

— Нет. — Ван Хеллен посмотрел на хронометр, задумался, а затем добавил: — До включения систем перераспределения ресурсов осталось меньше суток. Отсюда до компьютерного центра два часа хода. Ксенобиане понесли тяжелые потери. Когда заработает это орудие, им волей или неволей придется перебросить сюда часть сил, охраняющих центр.

— А мы?

— Мы нанесем встречный удар. Они не ждут атаки — до включения главного компьютера остается еще уйма времени. Обычно штурмовые группы стараются рассчитать момент атаки так, чтобы, прорвавшись в зал управления, иметь в своем распоряжении уже активированную систему. Чужие усвоили эту тактику наших мобильных групп и воспринимают ее как правило, которое мы нарушим.

— Прорвемся в центр и будем удерживать его?

Ван Хеллен посмотрел на Постышева.

— Предложи лучший вариант, Антон.

В наступившей тишине сухо лязгнули фиксаторы поворотной платформы.

Турель нервно взвизгнула сервомоторами, проверяя правильность сборки. На небольшой панели управления один за другим зажглись зеленые огни индикации.

Андрей Лозин не вступал в обсуждение.

Откуда мне знаком запах хвои? — снова подумал он, подтаскивая к орудию тяжелый кофр с боекомплектом.

Ответ наверняка крылся где-то в глубинах подсознания — он чувствовал это, не задаваясь еще одним, не менее важным вопросом:

откуда у репликанта глубинные слои памяти? Чтобы узнать запах, нужно хотя бы однажды ощутить его.

Ван Хеллен прислушался к звукам леса, потом достал из бокового клапана разгрузки небольшой футляр с непонятной маркировкой, вскрыл его и высыпал на ладонь десяток шариков янтарного цвета.

— Каждый берет по две капсулы и глотает их, — безапелляционно приказал он.

— Что это, командир? — не удержался от вопроса Курт.

— Стимулятор, — кратко пояснил Доминик. — Сутки не будешь чувствовать усталости.

— А потом?

— Потом потребуется отдых. — В голосе Ван Хеллена прозвучали недовольные нотки. — Наша задача — вырвать победу и перепрограммировать главный компьютер. О последствиях будем думать потом. Когда они наступят, ясно? — Он посмотрел на Постышева, потом на Лозина и, дождавшись утверждающего кивка, подытожил, возвращаясь взглядом к Зигелю: — Берем только еду, боекомплекты и модули поддержания жизни[5]. Остальное оставляем тут. Две минуты на сборы.

* * *

Погибший лес подле компьютерного центра приобретал еще более странный вид.

Узловатые стволы ксенобианских растений высились в строгой симметрии, образуя параллельные линии, пространство между которыми покрывал твердый материал, не похожий на металлопластик. С черными аллеями соседствовали симметричные посадки лиственных и хвойных деревьев, явно принадлежавших к исконной для человека среде обитания.

Все это выглядело странно, если не сказать зловеще. Мертвые деревья, погибшие при декомпрессии сектора, но устоявшие под порывами ураганного ветра, возвышались немой загадкой: кто и зачем разбил тут огромный парк, чередуя на его просторах формы растительной жизни двух чуждых друг другу биосфер?

Не заметить это мог разве что слепой. Взгляд невольно отмечал все странности в планировке искусственного рельефа — вот уже полчаса, как небольшой отряд под предводительством Доминика пробирался по мертвым аллеям, старательно избегая Чужих патрулей.

Наконец впереди из мутной дымки испарений начал появляться уступчатый контур комплекса зданий.

Ван Хеллен жестом остановил следовавших за ним бойцов.

Укрывшись в поросли низкорослого кустарника, который зазеленел тут после восстановления герметичности смежного сектора, он опустил проекционное забрало боевого шлема.

— Всем сканировать окрестности Лозин левый фланг, Постышев правый, Зигель, ты следишь за тылом, я осматриваю подходы к зданию Не забывайте записывать информацию в память прибора. Потом мы ее суммируем

Андрей опустил дымчатое забрало. Компьютеризированный боевой шлем являлся для выпускников виртуальной школы привычным атрибутом, им не нужно было объяснять, как пользоваться сенсорными системами, но никто даже не подумал поправлять командира, когда он растолковывал им устройство и предназначение БСК[6].

На левом фланге система тепловидения зафиксировала два преувеличенно больших аномальных пятна. Автоматически заработали лазерные дальномеры, уточняя показания термальной оптики, и спустя секунду сигналы разделились.

Две группы ксеноморфов, по двадцать особей в каждой, двигались по параллельной аллее, спеша в ту сторону, откуда пришел отряд людей.

Лозин некоторое время наблюдал за ними, понимая, что это подмога, вызванная патрулями ксенобиан, напоровшихся на замаскированное автоматическое орудие.

Все происходило, как и предсказывал Ван Хеллен.

Андрей медленно поворачивал голову, удерживая Чужих под прицелом сканирующих систем, пока не заметил, что они свернули с аллеи, обрамленной черными деревьями.

С *чего бы это?* — подумал он. Широкая аллея вела в направлении леса, где сейчас разгорался бой, так какой смысл им сворачивать в сторону?

Внимательнее прочитав показания сканеров, он вдруг понял: причиной, по которой ксенобиане резко изменили маршрут, была, как ни странно, молодая поросль кустарника, нарушающая мертвую симметрию погибшего парка.

— Командир, ксенобиане избегают нашей растительности, — негромко произнес он в коммуникатор. — Только что два отряда изменили маршрут, огибая поросль, хотя могли пройти напрямик.

— Понял. Молодец, — похвалил его Доминик. — Это нужно использовать…

Когда истекли определенные для наблюдения минуты, на проекционных забралах БСК появились суммирующие данные: за

исключением тех отрядов, что двигались в направлении лесного массива, на территории перед компьютерным центром сенсоры зафиксировали три десятка Чужих. Часть из них расположилась в окнах второго этажа и на крыше здания, остальные, разбившись на пары, совершали круговой обход построек. Интервал между патрулями составлял порядка ста метров — они держались в поле зрения друг друга, чтобы исключить неожиданный прорыв или скрытное уничтожение одного из звеньев обороны.

Здание компьютерного центра лишь отдаленно напоминало ту виртуальную модель, на которой тренировалась группа Лозина.

Чужие, очевидно, чувствовали себя здесь абсолютными хозяевами — все окна первого этажа заполняла затвердевшая черная масса, свободным от нее оставался лишь вход в здание.

Надолго устроились..

Бойцы в оконных проемах второго этажа, где после декомпрессии сектора не осталось ни одного уцелевшего стекла, застыли словно изваяния. Такое поведение выдавало в них низшие формы ксенобианской жизни, а вот на крыше было заметно движение — один из ксеноморфов во время сканирования совершил обход и скрылся в здании.

Ван Хеллен особо отметил этот факт:

— Запомните, среди них есть как минимум один разумный ксенобианин, и он нужен нам живым.

— Командир, ты бывал тут раньше? — тихо спросил Андрей.

— За две недели до нашего выхода, — отозвался Доминик.

— Черная масса в окнах первого этажа?

— Это их казарма.

— Значит, врагов больше, чем фиксируют сканеры?

— Не думаю, — покачал головой Ван Хеллен, хотя его жест и не был заметен Лозину. — Самое меньшее четыре отряда бойцов оттянули на себя автоматические орудия, — напомнил он. — Ближайшее «гнездо» расположено километрах в двадцати отсюда, в районе укреплений Низшие формы ксенобиан живут недолго, питаться вне специально оборудованных помещений не могут. Поэтому каждый отряд жестко привязан к своему «жилищу». Я двое суток наблюдал за этой казармой. Насчитал порядка шестидесяти боевых особей.

— Тридцать из них только что ушли.

— Верно, — согласился командир. — Еще два десятка на постах и в оцеплении. Значит, внутри здания не более десятка ксеноморфов да еще пара разумных особей, контролирующих «гнездо».

— Может, есть смысл выждать, пока отряды уйдут подальше? Чтобы

гарантированно не успели вернуться и ударить в спину? — предложил Постышев.

— Десять минут, — согласился Доминик. — Потом начинаем действовать. И запомните, их уязвимые места — глаза и обоняние.

— Почему глаза? — спросил Курт.

— Хреново ты учил их анатомию, — ворчливо отозвался Ван Хеллен. — У Чужих нет век. Они элементарно не могут зажмуриться. Вспышка световой гранаты выводит ксенобианина из строя минут на пять, не меньше. Проверено на практике. Для низших форм хорошо подходит нервно-паралитический газ — он их не вырубает, но дезориентирует. — Ван Хеллен немного помолчал, а затем добавил: — Прорвемся. Сложнее будет удержать здание.

Андрея слегка лихорадило.

Дымчатые небеса сектора опять расплакались нудной моросью дождя. Не ощущалось усталости или страха, лишь мышцы рефлекторно дрожали в преддверии близящейся схватки.

Только сейчас он до конца понял, насколько бледна была фантомная реальность тренировочного полигона.

Дождь.

Он окончательно стирал прошлые иллюзии, словно змеистые дорожки влаги, струящиеся по дымчатому забралу боевого шлема, уносили с собой прошлое, оставляя лишь миг настоящего.

Звуки, запахи, мелкие, незначительные в иной обстановке детали начинали приобретать вес и смысл. Он двигался, ползком пробираясь сквозь молодую поросль кустарника, а глаза будто нарочно отказывались сосредоточиться на данных сенсорных систем — они жадно ловили иные образы, словно разум хотел впитать окружающее, запомнить каждую веточку, листик, собрать внезапные ощущения *жизни…*

— Первый на исходной, — раздался в коммуникаторе шлема голос Ван Хеллена.

— Второй… — Андрей подтянулся на локтях, выглянув в прореху. — На месте. Вижу цели.

— Третий, занял позицию.

— Четвертый?

Секунда тишины.

— Порядок. — В коммуникаторе послышалось тяжелое дыхание Постышева. — Я на двадцать метров левее намеченной точки. Ксеноморфы сменили позиции в окнах.

— Приготовиться. Постышев, Лозин, работаете по зданию. Мы с

Куртом прикрываем вас.

Андрей снял пластиковую заглушку с панорамного электронного прицела ИПК. Толстый оптический кабель соединял оружие с боевым шлемом, и на забрале поверх изображения окрестностей тут же легла тонкая паутина координатно-прицельной сетки.

Секунда… Вторая…

Пять ксеноморфов — три в окнах здания и двое на крыше выделились алым контуром — боевой процессор шлема завершил расчет поправок, теперь Андрею оставалось лишь приподнять ствол, совмещая контрольную точку с маркером, и оружие в нужный момент произведет безошибочный автоматический выстрел.

Начинать с крыши здания… — промелькнуло в голове напутствие Доминика.

Он сделал глубокий вдох и приподнял ИПК.

Два сухих щелчка, плавный поворот, падающее вниз тело ксеноморфа, и снова сдвоенный выстрел.

Ниже… Окна…

Мир вокруг будто оцепенел, вмиг исчезли запахи и звуки, лишь железистый привкус во рту да глухой пульс в висках напоминали, что это не виртуальный полигон.

Действие опережало мысль, ствол ИПК уже чиркнул лазерным целеуказателем по окну второго этажа, и снова сиплый сдвоенный выдох короткой очереди подрубил фигуру чужого.

Третий…

Удар сердца.

Поворот ствола.

Четвертый…

Пятый…

Наваждение закончилось, Андрей резко разъединил разъем короткого оптического кабеля и. привстав на колено, одновременно с движением, на выдохе, жадно поймал в поле зрения всю панораму подступов к центральному входу.

Палец уже сдвинул ползунковый вариатор темпа стрельбы, разум еще жил ритмом миллисекунд, фиксируя распростертые на ступенях широкой лестницы тела ксеноморфов и бегущих с разных сторон ксенобианских бойцов — десятка, полтора, не меньше, — но фактор внезапности еще не отработал свое: Чужие не видели людей, не понимали, откуда по ним ведется уничтожающий снайперский огонь, практически не оказывали сопротивления.

…Доминик Ван Хеллен не строил иллюзий.

— Постышев, держи окна! Лозин, Зигель, вперед! — Выкрикнув приказ, он вскочил, намеренно обозначив себя короткой очередью: заряды ИПК навылет прошили двух ксеноморфов, с визгом отрикошетив от нижних ступеней широкой лестницы, ведущей к главному входу в здание.

Внезапное появление человека на миг приковало к себе внимание ксенобиан, и они тут же поплатились за допущенную оплошность: с флангов ударили автоматы Лозина и Постышева, вырезая кинжальным огнем остатки патрульных групп.

— Вперед! Не останавливаться! Зигель, прикрываешь тыл!

Они рванулись к ступеням.

Сбоку с характерным ноющим свистом разрядился «бионик». Тонкие смоченные токсином иглы вонзались в облицовочный пластик массивных перил с резким вибрирующим звуком, Курт Зигель, замыкающий стремительное продвижение группы, остановился, резко обернувшись на выстрелы.

Он видел, что с правого фланга приближается отряд ксеноморфов, но они находились еще слишком далеко для эффективной стрельбы из бионических автоматов, значит, противник где-то рядом…

Курт метнулся к противоположному краю широкой лестницы.

Снова тонко взвизгнули иглы, несколько из них вонзились в бронежилет, едва не сбив Зигеля с ног. Он инстинктивно нырнул под прикрытие массивных перил, но тут же привстал, посылая прицельные очереди в оконный проем второго этажа, где секунду назад заметил силуэт чужого.

Ван Хеллен остановился перед раздвинутыми на половину своего хода автоматическими дверями, ведущими на первый этаж комплекса.

Полуметровый зазор между створками позволял свободно проникнуть внутрь, но Доминик не стал рисковать, — выхватив световую гранату, он метнул ее в проем и крикнул, отворачиваясь от входа:

— Глаза!

Предупреждение оказалось излишним, Антон и Андрей, попеременно прикрывая друг друга, вели огонь по рассредоточившимся в зарослях ксенобианским бойцам, Зигель, попавший под перекрестный огонь, присев, поднимался по ступеням, со стороны зарослей к ноющему звуку «биоников» внезапно добавился характерный сипящий шепот трофейного ИПК…

В холле здания полыхнула нестерпимо яркая вспышка.

— Заходим! — Ван Хеллен пропустил бойцов, на миг задержав взгляд

на Зигеле, который подозрительно пошатывался.

— Курт?

— Зацепило…

— Куда? — Доминик протолкнул его в зазор между створками дверей, задержавшись, чтобы выпустить остаток патронов из магазина.

— Правая рука. Горячо…

В обширном сумеречном холле автоматные очереди зазвучали громче, отрывистее. Кто-то из ксенобиан, защищавших первый этаж, избежал губительной для зрения вспышки и теперь огрызался из «бионика», простреливая пространство между двумя неработающими эскалаторами, ведущими к залам главного компьютерного комплекса.

— Андрей, посмотри, что с Куртом. Постышев, заткни эту тварь! — Доминик присел, устанавливая на входе проволочную растяжку, соединенную с двумя осколочными гранатами, которые он надежно заклинил в треснувшей облицовке пола. Здесь на первом этаже можно не считаться с повреждениями, это дальше, среди компьютерных терминалов, придется вести прицельный избирательный огонь, чтобы не повредить аппаратуру, ради которой они рисковали своими жизнями.

В зазор полуоткрытых дверей было видно, как бойцовские особи ксенобиан подбираются к нижним ступеням лестницы Врагов на поверку оказалось много больше, чем допускал Доминик. Это не радовало, учитывая, что немалую часть сил оттянули на себя два автоматических орудия.

Вот когда по-настоящему стали ясны последствия пагубного бездействия. Пять лет люди не выходили на просторы смежного сектора, позволив ксенобианам беспрепятственно использовать ресурс Мира для увеличения численности своей популяции. За это время они вырастили достаточное количество бойцов, надежно заблокировав все подступы к компьютерному центру…

Нам просто повезло, — билась в рассудке Доминика злая мысль. С каждой секундой он все отчетливее понимал, что ни одна из штурмовых групп не прорвется сюда, и им остается уповать лишь на свои силы.

Беглый взгляд на хронометр.

До включения системы годичного перераспределения ресурсов оставалось еще восемнадцать часов.

За спиной раздался сдавленный стон, вторя ему, в глубине помещений первого этажа отрывисто ударила автоматная очередь.

Обернувшись, Ван Хеллен увидел, как Лозин тянет обмякшее тело Курта к левому эскалатору.

Плохо дело…

— Антон?

— Я тут, командир! — Постышев вынырнул из полумрака. — Холл чист.

— Помоги Андрею. Поднимайтесь на второй этаж, попробуйте заблокировать вход в компьютерный зал. В нем нет окон.

— А ты?

— У меня дела. Осторожнее с аппаратурой, когда будете снимать охрану.

Постышев на секунду замешкался, будто хотел возразить, но потом развернулся и побежал к Лозину, который, тяжело дыша, остановился у подножия эскалатора, понимая, что наверху их ждут.

— Гранаты. — Антон присел, выхватив цилиндр с нервно-паралитическим газом.

Короткий взмах руки, клацающий звук, и балкон второго этажа начало затягивать клубящимся маревом.

— Вперед!

Вдвоем они схватили потерявшего сознание Зигеля за лямки разгрузки и стали подниматься по ступеням неработающего подъемника, удерживая ИПК на отпущенных ремнях, чтобы в любой момент иметь возможность открыть огонь с одной руки.

Ван Хеллен проводил их взглядом до середины неработающего эскалатора, а затем, развернувшись, решительно шагнул в сумрак многочисленных помещении первого этажа.

Дело, о котором он упомянул, не терпело отлагательств — для успеха акции им непременно требовался ксенобианин. Разумная особь.

* * *

На втором этаже компьютерного центра было всего два помещения.

Эскалаторы выводили на обширную площадку с выбитыми панорамными окнами. Пол усеивали хрусткие осколки тройных стекол, не выдержавших в свое время резкого перепада давлений при декомпрессии, у стены лежали два мертвых ксеноморфа — следствие снайперского огня, еще четверо, совершенно сбитые с толку действием газа, инстинктивно сгруппировались у окна, откуда тянуло свежим воздухом.

Андрей и Антон открыли огонь с середины эскалатора, пользуясь тем, что ксеноморфы, пытаясь отдышаться, наполовину высунулись в окна.

— Нам вправо… — напомнил Лозин, указывая стволом ИПК на короткий тоннельный переход, ведущий в зал под куполообразным сводом.

Постышев молча кивнул. В помещениях компьютерного центра они могли ориентироваться с завязанными глазами, — все виртуальные тренировки обязательно включали в себя штурм фантомной модели данного комплекса.

Шесть трупов на входе — вот и вся охрана… Доминик оказался прав — ксенобиане не ждали столь раннего появления одной из штурмовых групп. Прекрасно осознавая свой подавляющий численный перевес, они не допускали, что горстка людей прорвется через патрули и заслоны, с тем чтобы занять оборону внутри здания.

Плохо вы знаете нас… — подумал Постышев.

В его мрачной удовлетворенности не ощущалось торжества победы, — перешагнув порог главного поста управления, Антон и Андрей подумали об одном и том же: не так глупы Чужие, они прекрасно понимают, что замкнутое помещение с единственным входом станет ловушкой для безумцев…

Ну, это мы еще посмотрим… — в свою очередь подумал Лозин, оглядываясь по сторонам.

Полусферический зал, стены которого сплошь состояли из плотно пригнанных друг к другу компьютерных блоков, а свод матово отсвечивал секциями неработающих экранов, выглядел сейчас совершенно статичным, нефункциональным. Вся расположенная тут аппаратура включалась один раз в год, в строго определенное время.

— Антон, займись Куртом. Я на площадку.

Постышев только кивнул в ответ. В период виртуальных тренировок Лозин командовал группой, и в отсутствие Доминика Антон, не задумываясь, признавал право Андрея отдавать приказы.

Уложив Зигеля на пол, он осмотрел его.

Курту попросту не повезло — очередь из «бионика» попала в бронежилет, иглы, смоченные токсином, оставили на металлокевларе едва приметные царапины, и лишь одна по роковой случайности вонзилась в зазор между верхним сегментом брони и шейным кольцом, к которому крепился боевой шлем.

Постышев быстро снял с товарища экипировку.

Игла не пробила горло, она лишь проткнула кожу, но этого оказалось достаточно, чтобы токсин попал в кровь.

Взяв автономный модуль поддержания жизни, он освободил оба торца цилиндрического прибора от пылезащитных заглушек и, выдернув иглу, прижал головку анализаторов к крохотной ранке, на которой выступила капля крови.

Внутри прибора что-то защелкало, осветился крошечный экран, затем спустя некоторое время раздался знакомый тоновый сигнал.

Теперь, когда сканеры определили характер ранения, а встроенная система анализа выработала рекомендации по оказанию экстренной помощи, ему оставалось перевернуть прибор, дав возможность микроинъекторам ввести в кровь раненого избранные автоматикой препараты.

* * *

Ван Хеллен двигался в плотном сумраке, ориентируясь по показаниям термальной оптики боевого шлема.

Ему еще не доводилось бывать внутри гнезда ксеноморфов. Стены, пол, потолок первого этажа покрывал черный, похожий на пластик материал, твердый на ощупь. Сканеры шлема свободно проникали сквозь эту субстанцию, вычерчивая изначальные контуры помещений, что сильно мешало восприятию: зеленоватая полумгла, принимающая зыбкие формы предметов и стен, действовала на нервы, скорее сбивая с толку, чем помогая сориентироваться.

Нет, что ни говори, автоматику он не любил, не доверял ей… Ван Хеллен остановился, резко поднял проекционное забрало шлема, с иррациональным облегчением ощутив, как темнота тут же обступила его со всех сторон.

Через некоторое время зрение начало свыкаться, и тьма поредела, превращаясь в плотный сумрак.

Доминик сделал шаг, приподняв маску дыхательного аппарата.

Запах.

Флюиды Чужих — они то усиливались, то истончались, он шел, одной рукой постоянно касаясь стены длинного коридора, пока не почувствовал резкий прилив дурноты.

Опустив дыхательный фильтр, он на миг задействовал встроенные фонари экипировки.

Тусклый свет, специально отрегулированный таким образом, чтобы не ослепить адаптировавшиеся к темноте глаза, выхватил из мрака гротескную группу из трех ксенобианских бойцов, которые вяло шевелились подле непонятного черного нароста, приклеившегося к стене на уровне плеч человека.

Запах токсина безошибочно подсказал Ван Хеллену, что перед ним раненые бойцы Чужих.

Медицинский отсек по-ксенобиански…

Ствол ИПК дернулся было вверх, но остановился.

В голову пришла неожиданная мысль, и он, сделав шаг в глубь помещения, всадил нож в странный медицинский агрегат, от которого к распластавшимся на полу ксеноморфам тянулись длинные, похожие на корни побеги.

В тишине раздался отвратительный хруст, затем пульсирующим фонтаном из нароста ударила густая, вонючая жидкость.

Ван Хеллен отпрянул назад, затаившись у входа в помещение.

Его расчет полностью оправдался: обслуживать эту мерзость по определению должен был разумный ксенобианин, а как иначе, ведь боевые особи Чужих не наделены разносторонним интеллектом…

Торопливые шаги раздались в противоположном конце коридора, и вскоре скругленный органическими наростами дверной проем заслонила тень Чужого.

Ксенобианин сделал шаг внутрь помещения и вдруг остановился, словно остолбенел, — он почувствовал запах человека, но поздно: кулак Ван Хеллена обрушился на его затылок.

Доминик бил вполсилы, чтобы не проломить хитин черепной коробки: до ожидаемого события оставалось еще много времени, а к моменту включения главного компьютера ксенобианин был нужен живым.

Схватив обмякшее тело, он поволок его назад к просторному холлу.

* * *

Ему оставалось пробежать каких-то десять—пятнадцать шагов, впереди уже пробивался тусклый свет, проникающий в здание через выбитые панорамные окна второго этажа, когда он услышал умноженные эхом короткие очереди ИПК и машинально вжался в стену, не отпуская из крепких объятий потерявшего сознание ксеноморфа.

Сдвоенный взрыв от установленной им растяжки заставил вздрогнуть весь комплекс зданий.

Вовремя. Как вовремя!..

Ван Хеллен ринулся вперед.

— Наверху, прикройте меня! — уже не таясь, выкрикнул он, выбегая в задымленный холл под аккомпанемент возобновившейся перестрелки.

Входные двери изрешетило осколками, две металлопластиковые створки выпучило наружу, неяркий свет косыми лучиками проникал через рваные пробоины, замысловато высвечивая змеистые пласты сизого дыма; сквозь полуметровую щель, сминая тонкие срезы сюрреалистического кружева, топча изорванные осколками тела своих собратьев, в холл уже

проникло десятка полтора ксенобианских бойцов…

— Прикройте меня! — вновь закричал Доминик, машинально разворачиваясь спиной к входу.

Тонкий свист разрядившихся «биоников» осыпал его иглами, но Ван Хеллен продолжал стремительно продвигаться к эскалатору, закрывая собой пленного ксенобианина.

Он чувствовал, как иглы вонзаются в бронежилет, взвизгивают, рикошетя от шлема, с тупым хрустом крошат пластиковую облицовку стен… казалось, что ему уже нипочем не добраться до застывших ступеней подъемника, но в этот миг с балкона второго этажа одновременно заработали два автомата, длинными очередями выкашивая прорвавшихся внутрь здания Чужих.

Обхватив ксеноморфа, Ван Хеллен собрал все силы и стрем1лав взбежал по ступеням эскалатора. Не останавливаясь, даже не взглянув на ведущих непрерывный огонь Лозина и Постышева, ушел от шальной мечущейся в рикошете смерти, оказавшись в полусферическом зале, где на полу лежал бледный, как лист бумаги, Курт Зигель.

Сбросив на пол смердящую ношу, Доминик быстро скрутил конечности ксенобианина и для надежности привязал его к хромированной вертикальной стойке, к которой на высоте человеческого роста крепились штанги с плоскими мониторами.

— Сиди тут, тварь, и не дергайся!

В горячке он даже не осознавал, что разговаривает с бессознательным телом Чужого.

За спиной продолжал яриться бесноватый автоматический огонь, вторя ему, стены передавали сухой неравномерный перестук — это в облицовку вонзались десятки, если не сотни игл, выпущенных из бионических автоматов.

Поправив дыхательный аппарат, чтобы случайно не вдохнуть токсин, Ван Хеллен бросился назад.

Схватка за контроль над компьютерным центром только начиналась.

* * *

Выбежав на площадку, Доминик резко присел за ощетинившуюся иглами балюстраду.

— Как обстановка, Лозин?

— Мы их не удержим… — Андрей привстал, послав вниз несколько коротких очередей, и тут же отпрянул, укрываясь от свиста разрядившихся «биоников». — Окна, командир… Они атакуют с трех сторон

Ван Хеллен понял, о чем идет речь. На площадку второго этажа, образующую внутренний балкон, выходили два панорамных окна. О том, что ксеноморфы прекрасно лазят по стенам, знал даже ребенок.

Забаррикадировать окна нечем, да и внизу, кроме узкого входа в здание, существовал еще один источник потенциальной опасности: весь первый этаж превращен ксенобианами в огромное гнездо, или, если оперировать человеческими понятиями, — казарму для своих бойцов, постоянно охраняющих компьютерный центр. Естественно, эта часть здания имела свои отдельные входы, так что в перспективе им угрожала одновременная атака с четырех направлений.

В такой ситуации продержаться восемнадцать часов просто немыслимо.

Соображай, Доминик… Думай, иначе всем крышка…

В этот момент снизу, из-за баррикады наваленных на входе мертвых тел, внезапно ударил ИПК

Ван Хеллен и Лозин плашмя упали на пол: если хитиновые иглы «биоников» лишь глубоко вонзались в пластиковые балясины ограждения, то пули, выпущенные из трофейного оружия, прошивали их насквозь.

Доминик невнятно выругался, выскочив на эскалатор.

— Держите окна! — заорал он, открыв огонь в узкую расщелину входа.

Трофейный ИПК тут же захлебнулся, но надолго ли?

Постышев и Лозин вняли приказу, — не поднимаясь с пола, усеянного острой пластиковой щепой, они отползли к дальней стене, где существовала «мертвая зона»: мощное перекрытие внутреннего балкона блокировало направленные снизу вверх очереди.

Присев на корточки спина к спине, они взяли под прицел окна.

Ван Хеллен не ошибся, очередная атака началась с трех сторон: наверху у входа в компьютерный зал сипло заговорили ИГЖ, значит, ксеноморфы полезли в оконные проемы

Держитесь, ребята… Только держитесь… — мысль билась в рассудке, словно заклинание. Баррикада тел впереди вдруг зашевелилась — это ксенобиане пытались освободить вход в здание, оттаскивая прочь погибших собратьев.

Сколько у него времени? Пять, десять секунд?

Из сумеречного холла в глубины первого этажа уводил единственный коридор, значительно сузившийся из-за черных наростов, покрывавших его стены замысловатыми потеками.

У ксенобиан были свои, абсолютно чуждые людям представления об

эстетике *благоустроенных* помещений — если они решались надолго занять какую-либо постройку или отсек, то обязательно покрывали стены, пол, потолок своими выделениями, которые, застыв, приобретали физические свойства пористой пластмассы, бархатистой на ощупь, но очень твердой.

Ван Хеллен знал еще одно свойство данного материала — он был горюч и быстро разрушался под воздействием высоких температур.

Доставая две термические гранаты, Доминик помнил наставления своих первых инструкторов, много лет назад готовивших его к первому выходу на простор смежного сектора.

Компьютерный центр неприкосновенен. Применение тяжелого оружия может повредить аппаратуру, и тогда она не заработает в назначенный час…

Ван Хеллен одну за другой метнул в темный зев тоннеля две термические гранаты и ринулся в сторону, стремясь укрыться за мощными металлоконструкциями эскалаторов.

За истекшие годы он приобрел *личный опыт*, и интуиция подсказывала: пожар в логове ксеноморфов вряд ли принесет вред расположенным этажом выше компьютерам.

За спиной сверкнули две нестерпимые вспышки, и тут же в тоннеле взъярилось гудящее пламя.

Автоматные очереди на втором этаже стихли, похоже, атака ксенобиан захлебнулась.

Внезапно включился коммуникатор шлема:

— Командир, быстрее наверх! Двери компьютерного зала! Они закрываются!

Ван Хеллен ринулся на второй этаж, перепрыгивая через несколько ступенек.

Действительно, от свода короткого тоннеля, ведущего в зал с аппаратурой годичного перераспределения ресурсов, отделилась массивная плита. Она медленно опускалась, издавая тягучий скрежет, и им в создавшейся ситуации оставалось лишь одно: нырнуть в сужающийся на глазах проход, не зная, смогут ли они выбраться назад из наглухо запечатанного аварийными системами помещения.

На принятие решения оставались считаные секунды, но отдать команду Доминик не успел: снизу от входа внезапно вновь заговорил ИПК; он почувствовал жгучий удар в плечо, сознание вдруг помутилось, и, падая, Ван Хеллен увидел, как стреляет в ответ Лозин, а Постышев, болезненно согнувшись, медленно оседает на пол.

Достали-таки…

* * *

Он очнулся в абсолютном мраке.

Боли не было, плечо и левая рука не ощущались вообще.

Крепления дыхательной маски ослабли, и он ощутил отвратительный запах чужого.

Доминик судорожно закашлялся, и гут же мрак прорезался лучом фонаря.

— Командир? — раздался рядом глухой голос Лозина.

— Поправь маску… — прохрипел Ван Хеллен.

— Сейчас. — Он ощутил, как прикасаются к лицу холодные пальцы Андрея. Дышать стало легче, но вместе с иными ощущениями в сознание начала проникать тупая ноющая боль.

— Что с Антоном? — собрав силы, спросил Доминик, вспомнив, как медленно оседал на пол Постышев.

— У него ранение в бедро.

— А я?

— Две пули. Обе в предплечье. Навылет.

— Сколько прошло времени?

— Шесть часов. Мы замурованы, командир. Опустилась вторая переборка, и я не смог найти ни одной функциональной панели управления.

— Ничего… — прохрипел Ван Хеллен. — Они поднимутся, вот увидишь… — От длинной фразы в груди вспыхнула нестерпимая боль. — Внизу пожар… Я поджег их гнездо. Как только… он прекратится… автоматика… разблокирует вход…

— Я понял. Лежи спокойно, командир. Раны обработаны, кровь остановилась. Лучше не шевелиться, так будет вернее.

— Хорошо… Ты только не пропусти включение систем… Справишься?

— Справлюсь, — ответил Лозин, понимая, что Ван Хеллен говорит не о компьютерах: рядом, прикованный к вертикальной стойке, в неудобной позе скорчился разумный ксенобианин. Запомнить программные последовательности относительно просто, главной трудностью в схватке за распределение ресурсов было найти разумного представителя иной расы и заставить его подтвердить вводимые значения.

Андрей покосился на Чужого и вдруг с внезапной холодной яростью подумал: *станет сопротивляться, отрублю ему руку.*

Голова Доминика бессильно склонилась набок. Командир лежал с открытыми глазами, но в его зрачках потух огонек мысли. Он вновь потерял сознание.

Лозин взглянул на вшитый в запястье экипировки хронометр и выключил фонарь.

Впереди еще двенадцать часов томительного ожидания.

* * *

Свет в отсеке вспыхнул внезапно.

Герметичные двери по-прежнему оставались запертыми, но под сводами вдруг заработали секции осветительных приборов, сначала их сияние было тускло-желтым, затем оно постепенно начало набирать силу, смещаясь к привычному белому спектру.

Вслед за освещением начали включаться многочисленные приборные панели. Сотни, если не тысячи контрольных огней крохотными искрами расцвели на терминалах, один за другим оживали контрольные мониторы, и все это происходило помимо воли четверых находящихся в зале людей и пленного ксенобианина.

Наступал самый критический, самый ответственный момент.

Антон Постышев не приходил в сознание, но каждый из членов боевой группы наизусть знал последовательность команд, которые следовало ввести с панели ручного управления. Где она расположена, гадать не приходилось: перед закругляющимися терминалами были установлены два кресла. Одно явно предназначалось для человека, второе повторяло формы тела ксенобианина.

Андрей впервые мог воочию наблюдать столь очевидную *двойственность*, и это вольно или невольно вызывало неудобные вопросы.

Впрочем, сейчас Лозина гораздо сильнее волновали и тревожили собственные действия.

Он внезапно осознал, что именно от него в данный момент зависит благополучие всех людей.

— Давай же… — неожиданно прозвучал за его спиной голос Ван Хеллена.

Командир, периодически приходивший в сознание, сейчас нашел в себе силы сесть, опираясь о стену.

Андрей подошел к креслу.

В скошенную панель перед ним были вмонтированы покрытые толстым прозрачным пластиком сегменты сенсорных клавиатур, над ними выстроилась шеренга из четырех экранов, где в данный момент не

отражалось никаких данных.

Он сел, и как только вес его тела продавил податливый материал кресла, что-то изменилось вокруг, поменялась индикация сигналов, а на мониторе внезапно появилась надпись:

20 мая 2085 года.

Щестнадцатый цикл работы аварийных систем.

Готовность к принятию директив: статус — 50 %.

Отсутствие второго оператора.

Андрей прочел надписи и обернулся.

— Командир, компьютер требует ксенобианина.

— Сиди, я сам… — Ван Хеллен, превозмогая слабость и боль, нашел в себе силы встать и, пошатнувшись, ухватился здоровой рукой за вертикальную стойку, к которой был прикован ксеноморф.

Склонившись к его лицу, похожему на застывшую маску, Доминик хрипло прошептал:

— Ты знаешь, что проиграл. Будь рассудительным — и останешься жив…

— Он понимает тебя? — не удержался от вопроса Андрей. — Я ведь могу перевести.

— Понимает. Как понимали его люди, захваченные в проигранных нами схватках.

Ван Хеллен снял путы и грубым толчком заставил ксенобианина рухнуть в кресло.

На втором мониторе тут же появились символы чуждого языка.

Было ясно, они повторяют текст, только что прочитанный Лозиным, с той лишь разницей, что статус готовности системы теперь составлял сто процентов: встроенные в кресло датчики не только зафиксировали вес и анатомические особенности «оператора», они идентифицировали расовую принадлежность по многим критериям и пришли к положительному результату теста.

— Теперь вводи. Запоминай расположение текстоглифов. Комбинацию нужно будет повторить с клавиатуры Чужого.

— Его пальцем?

— Да. Не думай о частностях. Действуй.

Андрей на секунду прикрыл глаза, потом, сосредоточившись, снял перчатку с правой руки и одним пальцем начат последовательно касаться прозрачного материала над нужными символами сенсорной клавиатуры.

Закончив ввод, он посмотрел на Ван Хеллена, стоящего, тяжело опираясь на спинку кресла, в котором сидел Чужой.

Здоровая рука Доминика сжимала пористую рукоять автоматического пистолета. Ствол был приставлен к затылку ксенобианина.

— Ты знаешь наш язык… Я чувствую это… — голос Доминика звучал тихо, надсаженно. — Либо ты добровольно введешь последовательность, либо я вышибу тебе мозги, а потом, пока не улетучился запах с твоих пальцев, введу ее сам…

Ксенобианин вздрогнул, затем слегка повернул голову, пытаясь посмотреть на стоящего за спиной человека, но ствол пистолета сильнее нажал на затылок, так, что под его давлением начал деформироваться хитин.

Чужой издал шипящий звук, и его руки, связанные в запястьях, потянулись к клавиатуре.

Андрей напряженно следил за каждым движением вытянутою трехсуставчатого пальца, но ксеноморф даже не попытался совершить преднамеренную ошибку — он в точности повторял последовательность, только что введенную человеком.

Окончив, он застыл, будто изваяние.

На двух мониторах появилось новое сообщение:

Командные последовательности приняты. Будет осуществлено перераспределение ресурсов, в соответствии с заданной программой. Для окончательного подтверждения ввода совместите ладонь правой руки с контуром на экране.

Андрей понял: наступила самая рискованная фаза операции, — достав нож, он разрезал путы на запястьях ксенобианина.

— Прикладывай ладонь, — коротко приказал Ван Хеллен.

Чужой повиновался.

— Теперь ты Андрей, быстрее…

Доминик уже едва стоял на ногах, но старался не показать этого.

Лозин поспешно приложил ладонь правой руки к контуру на экране, и вдруг почувствовал исходящее сквозь толстый прозрачный слой пластика тепло.

Анализ ДНК завершен.

Оператор расы ксенобиан может покинуть свой пост.

Андрей Иванович Лозин, глобальная информационная система просит вас не покидать рабочее место На ваше имя были получены сообщения по каналам дальней космической связи.

Последняя строка призывно моргала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОЛОС ПРОШЛОГО

ГЛАВА 4

Помещения компьютерного центра…

В первый момент после появления на мониторе ошеломляющего предупреждения Андрей ждал чего-то невероятного, но… медленно истекали секунды, а в зале все оставалось по-прежнему.

Наконец, когда по внутренним ощущениям Лозина минула вечность, текст на мониторе внезапно изменился:

Сбой передачи данных. Ждите.

Он обернулся, чувствуя, как ломит поясницу от постоянного, не прекращающегося ни на минуту нервного напряжения.

Пока он ждал поступления данных, Ван Хеллен вновь связал ксенобианина, заставив того скорчиться на полу подле вертикальной стойки с мониторами.

— Доминик… — негромко позвал Андрей.

Командир не отреагировал на его голос. Он сидел, привалившись спиной к стене, голова Ван Хеллена неестественно свесилась набок, из уголка рта стекала струйка слюны.

Он вновь потерял сознание.

Цена победы…

Андрей присел подле командира, проверяя, надежно ли закреплен модуль жизнеобеспечения.

Внезапно он ощутил безысходность, хотя, наверное, должен был испытывать неудержимую радость: они победили, выбили почву из-под ног у Чужих, — пусть теперь попробуют плодить орды своих бойцов, когда все доступные ресурсы будут автоматически поставляться людям.

Он даже представил, как это происходит: пересекая границу смежного сектора, он своими глазами видел наглухо задраенные воздухозаборники — теперь они откроются, внутри заработают скрытые от глаз механизмы, и ветра смежного сектора поменяют свое направление затем в недоступных его воображению местах уцелевшие после Внешней Атаки машины переключат подачу энергии, и в темных заиндевелых отсеках вновь вспыхнет свет, появится тепло, заработают бытовые агрегаты.

Пока воображение Лозина пыталось нарисовать отрадные картины, он осмотрел раны командира, потом перешел к Антону, убедившись, что за истекшие часы закрепленный на ноге модуль не только остановил кровь, но

и зарубцевал рану, — Постышев спал, глубоко, крепко, в отличие от Доминика, его лицо имело здоровый оттенок

Курт, которого Андрей уже осматривал за время долгого томительного ожидания, по-прежнему находился в критическом состоянии. Небольшая ранка не кровоточила, в том месте, куда вонзилась игла «бионика», не осталось даже пятнышка, но он ни разу не приходил в сознание

Он справится. Обязательно справится… — подумал Андрей, с трудом отрывая взгляд от землистого лица товарища.

Пошатнувшись, Лозин машинально ухватился за спинку кресла.

Неимоверная усталость давала знать резкими приступами дурноты. Несколько суток без сна, в постоянном напряжении, на одних стимуляторах — это не могло пройти бесследно для организма.

Андрей подождал, пока пройдет головокружение, и взглянул на экран компьютерного терминала.

Надпись на мониторе опять изменилась:

Восстановлено резервное соединение. Идет процесс записи сообщений на съемные носители.

Его вдруг начало лихорадить.

Почему я? Кто мог адресовать мне сообщения? Откуда системе был заранее известен мой генетический код?

Он сел в кресло, развернувшись, чтобы видеть скорчившегося на полу ксенобианина и одновременно наблюдать за сообщениями на экране.

Положив на колени ИПК, он приготовился ждать, но сознание тут же «поплыло», неимоверная усталость брала верх над измученным рассудком, и Андрей вдруг начал проваливаться в глубокий сон.

* * *

Андрею Лозину никогда не снились яркие, красочные сны.

Глубинные слои памяти, которые мы именуем «подсознанием», хранят все события, пережитые человеком, там же содержатся все образы, понятия, используемые для осмысления окружающего мира.

Подсознание репликантов *должно* было отличаться от аналогичных участков памяти людей, прошедших традиционный путь развития от младенца до взрослого человека.

Первые два года жизни их разум испытывал воздействие обучающих программ, содержание которых являлось тайной даже для Николая Астафьева, пытавшегося при помощи древних устройств вырастить новое поколение людей.

ИПАМ утверждал, что репликанты получат необходимый минимум

навыков *жизнедеятельности*, которые формируются у ребенка в первые голы жизни, и действительно, из камер биологической реконструкции появились вполне коммуникабельные подростки, но в их подсознании отсутствовал жизненный опыт, *прошлое*, из которого можно извлекать готовые решения при возникновении схожей ситуации.

Астафьев подозревал, что они способны на многое, но не знал, как разбудить их статичные знания.

Сочетая наитие с рекомендациями ИПАМа, он создал для них виртуальный полигон, надеясь, что фантомные интерьеры различных секторов не только помогут им в боевой подготовке, но и стимулируют технические навыки, однако, к его разочарованию, этого не произошло

Ни Астафьев, ни его нейрокибернетический помощник, в силу ряда причин, не могли даже предположить, что на самом де те содержит подсознание репликантов.

…Андрей уснул, не в силах сопротивляться навалившейся усталости, но его разум не вошел в состояние покоя.

Отдыхало тело, но не мозг.

Сообщение, прочитанное на мониторе, сработало, будто спусковой крючок ударного механизма: возбуждение, стресс, испытанный в момент появления странной надписи, стимулировали образование новых связей, мозг отреагировал на информацию, и в нем внезапно заработал обособленный участок нейронных сетей, сформированный еще при «рождении» и не претерпевший никаких изменений под влиянием обучающих программ.

То, что сознание Андрея поначалу восприняло как необыкновенный красочный сон, на самом деле являлось памятью о *реальных событиях.*

Ему стало страшно.

Лозин вздрогнул всем телом, но не проснулся.

Иван…

Его звали Иван.

Он стоял у обзорного экрана и смотрел на проплывающий внизу лесной массив.

Вот откуда я помню запах хвои, — промелькнула в сознании Андрея последняя принадлежавшая ему мысль — дальше он лишь немо созерцал, странным, необъяснимым пока образом воспринимая не только визуальные образы, он ощущал всю гамму мыслей и чувств *другого человека.*

Земля возрождалась.

Часть континентов все еще лежала в руинах, черными ранами напоминая о вторжении ксенобиан. но жизненное пространство, столь

остро необходимое прошлым поколениям многонациональной Земли, теперь уже не играло определяющей роли в развитии цивилизации.

…Многофункциональный корабль, покрытый тонкой пленкой ксенобианской органики, беззвучно скользил в лазурном небе.

Под слоем поглощающего энергию полимерного покрытия таились мощные сегменты металлокерамической брони, а внутри собранной человеческими руками боевой машины царили электронные системы, управляющие гибридной двигательной установкой, климат-контролем и орудийно-лазерными комплексами.

Синтез двух противоположностей, казавшийся немыслимым, невозможным, был воплощен в конструкции корабля, способного не только скользить в воздушных потоках, но и покидать пределы атмосферы, развивая в космосе околосветовые значения скорости.

Иван смотрел на проплывающие внизу ландшафты и думал о том, как много изменилось на Земле за эти годы.

Исчезли границы государств, потускнели, утратили смысл прошлые расовые различия. Теперь, спустя время, он мог с уверенностью сказать, что у всех, кто пережил вторжение ксенобиан, есть только одна родина, имя которой — Земля.

Тяжкое бремя выпало на долю его поколения, но, сумев выжить и победить, люди перешагнули сразу несколько ступеней развития.

Каждый из живущих сейчас на Земле прошел через запредельные испытания, познал ужас миллионов смертей во всей неприглядной наготе жутких событий, и это необратимо воздействовало на разум, заставив миллионы простых обывателей совершить немыслимую для них эволюцию.

Они стали совершенно иными, словно три месяца оккупации повернули каждого человека лицом друг к другу, заставили позабыть о мелких и крупных противоречиях, почувствовать наконец, что они — Человечество, вне зависимости от цвета кожи, черт лица и рухнувших в одночасье социальных различий.

Теперь все возрождалось, но в иной системе ценностей.

На территории Евразии, Африки и Австралии выросли новые города, уже не поднимающиеся ввысь, а раскинувшиеся вширь. Они утопали в зелени, словно природа Земли возвращала господство, утраченное в период глобальной урбанизации.

…Прямо по курсу корабля, там, где водная I ладь сливалась с линией горизонта, показалось темное, стремительно растущее в размерах пятно.

Это был остров Мадагаскар.

Не все из переживших вторжение людей нашли в себе мужество посетить неузнаваемо изменившийся остров, но Иван бывал здесь часто, и потому чуждая природа давно не шокировала его взгляд.

Он не мог осуждать тех, кто до сих пор не смирился с присутствием на Земле представителей иной расы.

Глядя на обзорные экраны, адмирал Лозин видел огромный поделенный на исполинские сегменты купол, накрывающий всю площадь острова. Под защитой толстых секций, исполненных из органического стекла, процветала иная жизнь.

Черные лианоподобные растения с мясистыми листьями тянулись к согревающему Землю Солнцу, уже не обжигаясь его лучами, благодаря специальным фильтрам, пропускающим через дымчатый материал купола спектр световых волн, присущий родной звезде ксенобиан.

…Корабль пошел на снижение, когда тихо прошелестела пневматикой открывшаяся дверь салона и на пороге появилась Настя. Она крепко держала за руку четырехлетнего сына, который, капризничая, порывался бежать к отцу.

— Папа, а дядя Дрог пощелкает для меня? — с детской непосредственностью осведомился маленький Лозин, усаживаясь на колени к отцу.

Иван усмехнулся краешком губ.

Сын принадлежал к новому поколению. Иван не зря брал его в свои «командировки» на Мадагаскар: четырехлетний Андрей не испытывал к ксенобианам иных чувств, кроме вполне естественного для его возраста любопытства.

Это было очень важно, учитывая, что никто не мог предсказать, какие испытания предложит космос подрастающему поколению землян.

Корабль тем временем плавно коснулся причальной штанги, и механизмы шлюза втянули его внутрь купола.

Лозин встал, одной рукой удерживая порывающегося бежать сына, а другой ласково полуобняв Настю.

Редкие минуты семейного покоя…

Мгновенья затишья пред надвигающейся бурей — за годы, проведенные вместе, они научились выкраивать для себя эти часы непродолжительного, свободного от глобальных проблем человеческого счастья.

— Пойдем. — Иван кивнул в сторону открывшегося шлюза.

Настя коснулась губами его щеки.

— Долго будешь занят? — спросила она.

— Не знаю. Погуляйте пока без меня, только смотри, чтобы Андрюша опять не схватил эти плоды, ладно?

Настя улыбнулась.

— Будешь меня учить, как приглядывать за сыном? — полушутливо спросила она, спускаясь по решетчатому трапу.

Иван только усмехнулся в ответ.

Мальчику, получившему свою долю микромашин еще в утробе матери, вместе с ее кровью, похоже, была нипочем царящая под куполом чуждая биосфера.

Внизу, у трапа, их ждал Дрог — тот самый ксенобианин, с которым лейтенант Лозин общался внутри подковообразного корабля пять лет назад, в страшный для обеих цивилизаций момент…

— Пощелкай, дядя Дрог! — раздался внизу звонкий голос Лозина-младшего.

Ксенобианин и без перевода знал, что хочет от него непоседливый мальчик.

Опустившись на корточки, он издал серию щелчков и свистов.

— Ну, все, Настя, забирай Андрея, и погуляйте пока.

* * *

Оставшись вдвоем, Иван и Дрог медленно пошли по аллее, образованной двумя рядами лианоподобных растений.

— Плохие новости, адмирал, — произнес ксенобианин. — Вчера пришел последний сигнал с ретранслятора.

Лозин хорошо понимал, о чем идет речь. Дрог говорил об автоматическом устройстве связи, сориентированном в сторону Солнечной системы еще перед началом вторжения. Оно передавало информацию, которая путешествовала в пространстве почти пять лет — ровно столько составляло запаздывание сигнала при межзвездных расстояниях.

— Мой мир пал. ИНЫЕ оккупировали его. — Дрог шел, понурив голову. — Уже четыре с половиной года они владеют нашей планетой. Думаю, там все превращено в прах…

— Я разделяю твое горе, — ответил Иван. — Но отчаиваться нельзя. На Земле сохранена частица твоего мира, и отсюда придет его возрождение.

— Ты уверен в себе.

— Да, — твердо произнес Иван. — У меня есть основания для уверенности. Мы закончили монтаж основных узлов орбитальной обороны, и…

— А если ИНЫЕ не придут? — внезапно перебил его ксенобианин. — Что, если они откажутся от своих планов нападения на Землю?

— Это вряд ли… — покачал головой Лозин.

— И все-таки ответь! — остановившись, попросил Дрог.

— Тогда мы сами полетим в твой мир, — не колеблясь, заявил Иван. — Ты должен понять — наше будущее лежит там. — Он указал взглядом на небеса за куполом. — Мы не жаждем войны, но среди разумных рас во Вселенной не должен царить закон грубой силы.

— Это единственный мотив?

— Нет. — Лозин внимательно посмотрел на ксенобианина и добавил: — Я усвоил одну истину, Дрог. Вселенная живет по своим меркам, которые могут в корне отличаться от наших взглядов на мир.

— И что это значит?

— Это значит только одно: если мы не полетим к звездам, то неизбежно наступит день, когда они вновь сами придут к нам…

Дрог не ответил, а Иван, глядя на небо сквозь дымчатый купол, думал в этот миг о том, что лимит времени, отпущенный им, уже фактически исчерпан.

Пять лет назад пала планета ксенобиан, и это означало, что ИНЫЕ уже на пороге…

Он чувствовал, что готов встретиться с ними лицом к лицу, а потом идти дальше, но не ради войны, а для того, чтобы *познать* необъятную, льдистую Бездну, проторить для будущих поколений дорогу к иным мирам.

Вселенная холодно ждала, равнодушно взирая на ничтожных существ миллиардами колючих звезд, но Иван не испытывал страха, потому что однажды он поклялся самому себе прожить свою жизнь так, чтобы его сыну или внуку уже никто не смог бы сказать:

Ты совсем не знаешь космоса, человек…

* * *

Пощелкай, дядя Дрог!..

Андрей спал, а на его бледных щеках выступали пунцовые пятна.

Он видел себя со стороны, глазами отца…

Разум сопротивлялся, он пытался отвергнуть такую трактовку.

У меня нет отца… Я не Андрей Лозин. Я репликант. Генетическая копия человека, судьба которого неизвестна…

Казалось, его рассудок борется сам с собой, и личность репликанта явно проигрывала в короткой эмоциональной схватке.

Он снова увидел накрывающий остров купол, причальные шлюзы, но

чувства оказались иными, словно на душе лежал камень.

…

Сегодня он прилетел сюда один.

У трапа его вновь встречал Дрог. Они поздоровались, и ксенобианин жестом указал в сторону знакомой аллеи — традиционного места их встреч.

Некоторое время человек и ксенобианин молча шли рядом, потом Лозин остановился и произнес:

— Ты оказался прав, Дрог. Мне не удалось собрать нужного количества голосов в свою поддержку. Всемирный парламент учел мое мнение, но принял решение не в вашу пользу.

— Не вини себя, Иван. — В скрипучем голосе ксенобианина не прозвучало различимых на слух интонаций, и было непонятно, какие чувства сейчас владеют им. — Мы захватчики, — после короткой паузы продолжил он. — Один человек — еще не цивилизация. Это мы, в отличие от вас, мыслим едино, потому что наша эволюция прошла через стадию общественного сознания муравейника.

Лозин не пытался скрыть своей досады.

— Принято решение о депортации, — собравшись с духом, сообщил он. — Вас изгоняют с Земли.

— Я предвидел это.

— Мы оба предвидели это, — поправил его Иван. — Дрог, они ведь знают, что нападение твоей расы на Землю, сколь ни тяжки оказались его последствия, спровоцировано третьей силой, нашими цивилизациями играли, попросту столкнув нас лбами! — с нескрываемой досадой произнес Лозин, словно все еще продолжал спор с незримым оппонентом. — Истинные виновники случившегося — ИНЫЕ, и они уже на пороге Солнечной системы!

— Поэтому нас и изгоняют, — неожиданно развил его мысль ксенобианин. — Страх, — лаконично добавил он. — Непонятное для меня чувство. Мы не обладаем им. Люди устали от ожидания. Они боятся прихода ИНЫХ, но не могут признать это публично. Страх, гложущий изнутри, должен быть излит, воплощен в каком-то действии. В данном случае выбор пал на нас.

— Это глупо. Глупо и бесчестно. Месть была справедлива десять лет назад, но сейчас, когда ваша планета оккупирована и мы знаем истинных виновников трагедии…

— Мы улетим, Иван, — жестом прервал его ксенобианин. — Так должно произойти.

— Вы полетите не одни, — неожиданно заявил Лозин. Дрог остановился, резко обернувшись к собеседнику.

— Я не понимаю тебя, адмирал.

— Сейчас объясню. — Лозин жестом указал на причудливое образование, отдаленно напоминающее скамейку. Они сели, и темная древесина лианоподобных растений тут же зашевелилась, приспосабливаясь к форме тел человека и ксеноморфа.

— Выслушай меня. Дрог.

— Я готов.

Иван достал сигареты, но вовремя остановился. Дым для ксенобианина не токсичен, но запах может повредить взаимопониманию.

— Прошло восемь лет, — разминая в пальцах неприкуренную сигарету, начал Иван. — Моя раса уже оправилась от шока, вызванного вашим вторжением. Подросло новое поколение, лишь смутно помнящее, какой была Земля восемь лет назад. У нас есть поговорка: время лечит любые раны. Общество изменилось, большинство людей уже подзабыли ужас внезапной агрессии и по-другому смотрят на мир.

Они хотят жить, любить, а я заставляю их готовиться к вторжению ИНЫХ, которое, по всем расчетам, должно было состояться три года назад.

— Люди устали ждать… — вновь повторил свою мысль Дрог.

— Да, — кивнул в ответ Лозин. — Ты прав, появилось мнение, что ИНЫЕ — миф, придуманный вами ради спасения остатков своей расы. Сначала я слышал отдельные несмелые предположения на этот счет, теперь это уже позиция. Тебе сложно понять нашу логику, да?

— Я прилагаю усилия. У нас разные образы мышления, но взаимопонимание все равно возможно, — ответил ксенобианин.

— В последнее время участились нападки в мой адрес, — продолжил Иван. — Среди людей, переживших вторжение, нашлось немало тех, чей общественный статус в прошлой, уже несуществующей цивилизации, процветавшей до вашего вторжения, был намного выше моего. Теперь, спустя годы, когда отступил ужас, они вдруг вспомнили и про величие некоторых существовавших в прошлом государств, и о моем звании. Все чаше за спиной я слышу мнение, которое пока что боятся сформулировать мне в лицо в качестве вопроса: как я, лейтенант Российской армии, с горсткой своих людей смог не только остановить вторжение, но и полностью разгромить ваш флот?

— Разве это не факт?

— Факт. С которым никак не могут примириться некоторые выжившие генералы. Они побаиваются и втайне ненавидят меня, но

сорвать свою злость могут лишь кулуарным путем, и то не на мне, а скорее на вас. Их аргументация звучит просто: ИНЫЕ не придут вообще, а ваше присутствие на Земле оскорбляет память погибших.

Пальцы Лозина машинально сломали сигарету.

— Конечно, не все думают так. Например, мы с тобой знаем истину. И еще тысячи ученых, солдат — все, кого напрямую коснулось тесное сотрудничество с вами, понимают, что только объединенные технологии двух рас дают шанс отстоять Солнечную систему и начать продвижение к звездам. Я не могу позволить, чтобы чьи-то недалекие амбиции перечеркнули возникшее между нами доверие и уничтожили все плоды совместной работы.

— Но ты не можешь удерживать ситуацию вечно, Иван, — проницательно заметил Дрог. — Вы — не муравейник. Что очевидно для одного человека, может стать абсолютно неприемлемым для другого. В этом ваша сила и одновременно — слабость. Поэтому нам придется покинуть Землю. Какими ресурсами мы будем располагать?

— Именно за этим я и прилетел сегодня. — Лозин встал, приглашая ксенобианина пройтись по аллее. — Я пока еще командую флотом, и в моем распоряжении весь ресурс Военно-космических сил Земли После вашего вторжения сохранился один крейсер, ют самый, на борту которого произошла наша первая встреча. Думаю, он полностью отвечает требованиям межзвездных перелетов, верно?

Дрог кивнул, заметив:

— Но он практически беззащитен в космосе.

— Вы полетите не одни, — повторил Иван высказанную в начале разговора мысль. — Еще год назад я поручил верным мне людям разработать проект принципиально нового корабля, объединяющего два модуля, боевую единицу земного флота и ваш сохранившийся крейсер. Сейчас проект готов. Мы назвали его «Тандем». Он включает в себя два космических корабля, объединенных специально разработанной конструкцией, которую мы условно обозначили термином «смежный сектор».

— Человеческая часть «Тандема» будет оснащена малыми кораблями поддержки?

— Да. Мы воплотили в конструкциях нашего модуля все передовые наработки последних лет. Ты знаешь наш стандарт двойных технологий: любая единица флота должна обладать возможностью вести эффективные боевые действия и, при возникновении необходимости, исполнить функцию базового корабля для поддержки колониальных проектов.

— А какую роль будет играть смежный сектор? — поинтересовался Дрог.

— Для создания смежного сектора мы использовали первую станцию природной ассимиляции. Помнишь, в самом начале сотрудничества мы развивали проект сосуществования некоторых форм жизни, взятых из наших биосфер?

— Разумное решение. — Дрог одобрительно прищелкнул. — Станция способна вырабатывать все необходимые ресурсы для систем жизнеобеспечения состыкованных с ней модулей

— Не только. «Тандем» по своей сути станет огромным колониальным транспортом. Поэтому в смежном секторе мы смонтировали специальные хранилища, банки генофонда двух биосфер и установили аппаратуру, предназначенную для воспроизводства флоры и фауны наших планет.

Дрог некоторое время молчал, пораженный услышанным.

— Теперь о главном, — внезапно произнес Лозин, так, словно все сказанное до сих пор являлось для него второстепенным. — Есть два пункта, которые нам необходимо обсудить с особым тщанием. Во-первых, состав экипажа, и, во-вторых, направление полета.

— Я понял, что ВСЕ представители моей расы должны покинуть Землю, — напомнил Дрог.

— Да, здесь ты прав. Я неверно сформулировал вопрос. Речь идет о людях. Я хочу, чтобы в состав экипажа «Тандема» вошли дети.

— Дети?

— Да, Дрог. Дети тех, кто не питает ненависти к вам.

— Твой сын?..

— Он полетит. Обязательно.

— Мне тяжело понять твои мотивы, Иван Лозин усмехнулся.

— И ты, Брут?.. — произнес он совершенно непонятную ксенобианину фразу.

— Я…

— Подожди. Сейчас ты все поймешь. — Иван остановился в конце аллеи, глядя сквозь дымчатые сегменты купола на бескрайнюю гладь океана. — ИНЫЕ придут. Для меня это не подлежит сомнению. Нам предстоит либо понять их природу, или вступить в схватку за выживание. Не факт, что мы сможем в одночасье постичь их суть, и нет гарантий, что оборона Солнечной системы устоит под ударом машин, уничтоживших все ваши колонии вкупе с родной планетой. «Тандем» — это надежда. Корабль унесет к звездам не просто людей и ксенобиан, он, по сути, станет семенем

двух цивилизаций, запущенным в бесконечность. Рано или поздно на пути корабля встретятся звездные системы с планетами, пригодными для заселения, либо наши дети смогут видоизменить чуждые миры. Будущее скрыто от нас, но мы можем подготовиться к вероятному развитию событий, верно?

Дрог был поражен и растерян. Ксенобианин редко выказывает чувства, но этот раз эмоции ксеноморфа были очень сильны.

— Ты проделал огромную работу, Иван. Скажи, что мы можем сделать для «Тандема»?

— Техническая сторона вопроса уже решена. Мне кажется, что предусмотрены все мелочи, корабль по своим совокупным характеристикам и уникальности бортовой аппаратуры на несколько порядков превосходит все созданное ранее. Но ты не ошибся, мне действительно нужна помощь твоих специалистов.

— Скажи.

— Ты справедливо заметил, что каждый человек прежде всего — уникум, я имею в виду неповторимость нашего сознания. Полет может затянуться на десятилетия — невозможно точно спрогнозировать первый межзвездный перелет, тем более что курс «Тандема» будет проложен на безопасном удалении от вашей звездной системы. Полетный план предусматривает короткую остановку, необходимую для запуска зондов к Проксиме Центавра, затем корабль поменяет курс, направляясь к звездам, удаленным на десятки световых лет от Земли. Здесь возникает вопрос преемственности поколений. Общественный разум ксенобиан автоматически устраняет данную проблему для твоей расы, но люди в этом смысле уязвимы, над нами властно время. К тому же я не хочу, чтобы уделом моего сына и других людей стало монотонное прозябание в ограниченных пространствах корабля. Эту часть проблемы можете решить только вы. Нами были созданы эффективные камеры биологической реконструкции, мы умеем выращивать точные копии организмов, но еще никто не изобрел способ передачи информации с одного биологического носителя на другой. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — не колеблясь, ответил Дрог. — Моя цивилизация шла по пути биологического прогресса, и в данной области знания для нас практически не осталось тайн. Думаю, при помощи генной инженерии мы сможем создать переходные носители личности. Конечно, этот вопрос потребует некоторого времени для дополнительных исследований, но думаю, что присущий нам механизм общего информационного поля, передаваемого по наследству, может стать прототипом таких устройств.

— Именно это я и хотел услышать от тебя, Дрог. И еще одна просьба: пусть первые испытания проведут на мне.

— Степень риска, Иван…

— Мы ее оценим. Я не безрассуден. Мое желание не должно показаться тебе странным: я хочу, чтобы мой сын сохранил память о Земле и мог хотя бы на краткий миг взглянуть на ситуацию моими глазами.

— Как ты представляешь себе механизм передачи таких данных, Иван?

— Если копирование моей личности пройдет успешно, мы выделим из области воспоминаний некоторые моменты памяти, например сегодняшний разговор, который может многое объяснить поколениям репликантов «Тандема». Думаю, что закодировать небольшой объем информации непосредственно в геном по силам специалистам твоей расы, верно?

— Я не могу ответить немедленно, — признался Дрог. — Но обещаю, что сделаю все возможное. Каков лимит времени до старта «Тандема»?

— Могу гарантировать тебе еще полгода, не больше.

— Мы будем работать. Все без исключения. Если решение существует, оно будет найдено. Последний вопрос, адмирал.

— Да? — обернулся Лозин.

— Твое правительство будет знать о старте «Тандема»?

— Нет. Я рассекречу проект, когда уже никто не сможет помешать его осуществлению.

— То есть все должно сохраняться в тайне?

— Несомненно. Более того, стыковка всех компонентов колониального транспорта будет происходить в глубоком космосе, уже за границами Солнечной системы. В точку рандеву будет заранее выведен крейсер «Ио». Позже к нему присоединится станция «Танаис», на ней еще ведутся работы по монтажу стыковочных узлов. Ваш корабль покинет земные орбиты последним, и, только когда «Тандем» будет собран и ляжет на избранный курс, я обнародую все факты, касающиеся первого колониального транспорта.

— Это разумно. Но ты остаешься на Земле, Иван, и быть может, лучше держать информацию в тайне? По крайней мере пока сохраняется неопределенность с расой ИНЫХ?

— Я подумаю, Дрог. Возможно, ты прав. — Иван усмехнулся в ответ своим мыслям и добавил: — Пусть тебя не тревожит судьба адмирала Лозина. Пока существует угроза со стороны ИНЫХ, меня не посмеют тронуть. Максимум, на что способны мои недоброжелатели, — это

называть меня «летехой», которому повезло разгромить пришельцев.

— Они ошибаются.

— Да. Многие не понимают главного: к моменту вашего вторжения на Землю мой взвод уже несколько лет готовился к первому полету в космос. Мы мыслили иными критериями, наша подготовка не сводилась к владению продвинутыми образцами техники и вооружений. Победу принесло не столько оружие, сколько разум.

Дрог кивнул.

— Я Чужой, но понимаю это лучше, чем многие из людей. Ты мог сжечь Мадагаскар с остатками моей расы, но остановился у последней черты. Ты нашел в себе мужество прийти сюда и задать вопрос: почему?

Лозин выслушал его и ответил:

— Давай не будем ворошить прошлое, Дрог. У нас много дел в настоящем и в будущем. В конце концов, время все расставит на свои места. Это проверено.

Он открыл глаза.

Дезориентация была полной, всеобъемлющей, Андрей не понимал, где находится и что с ним происходит, его разум в данный момент походил на кибернетическую систему, которая пережила глобальный сбой и теперь пытается восстановить целостность своего программного обеспечения с резервных копий.

Ничего не получалось.

Фрагменты далекого прошлого, невероятным образом востребованные из глубин подсознания, никак не стыковались с реальностью.

В информационно-техническом плане — да, но в моральном — нет.

Первые несколько секунд он боялся даже думать о четких, недвусмысленных воспоминаниях *своего отца,* внезапно вырвавшихся из потаенного узилища памяти. Он не мог оспорить их правдоподобность, потому что теперь они являлись частицей его собственного «я».

Сон, или морок, разом перечеркнувший логику недолгой сознательной жизни.

Перед глазами плыли, не желая обретать резкость, картины происходящего…

Доминик Ван Хеллен…

Командир стоял посреди зала, рядом со связанным ксенобианином.

В руках Доминика был нож. Андрей внезапно увидел его с неправдоподобной отчетливостью: тускло отливающее синевой лезвие с широким кровостоком, готовое вонзиться в горло врага, вдруг стало главной деталью в восприятии окружающего мира.

Пощелкай, дядя Дрог…

— Не делай этого, командир!..

Крик вырвался из пересохшего горла, помимо воли Андрея, — это был не подвластный разуму порыв, — кричала душа, безотчетливо поверившая в наваждение странного сна.

Рука Доминика дрогнула, остановилась на коротком взмахе.

Он повернул голову, недоброжелательно посмотрев на Лозина.

— Очнулся?

— Не убивай его, командир!

В голосе Андрея звучала не мольба — короткий вскрик прозвучал как приказ, и Ван Хеллен откровенно опешил, непроизвольно опустив руку.

— Ты рехнулся? На что нам Чужой? — Доминик не понимал, откуда в голосе Лозина взялись эти властные, *подействовавшие на него* нотки.

Он не Чужой!.. — рвался из глубин сознания Андрея немой крик, но губы не шевельнулись, рассудок, болезненно оценивающий двойственность ситуации, подсказывал: еще секунда, и все встанет на свои места, удивление, остановившее руку Ван Хеллена, пройдет, и все кончится с коротким взмахом ножа.

Если он не до конца верил самому себе, то как объяснить остальным произошедшее с ним превращение? Подсознание, интуиция — неубедительные доводы для Доминика. Командир жил по своим понятиям, сообразуясь с личным опытом, который подсказывал, что пожар внизу уже пошел на убыль, с минуты на минуту слабый ветер смежного сектора выгонит дым из обуглившихся помещений, и автоматика откроет аварийный шлюз, за которым их ожидают сонмища ксенобианских бойцов.

Оставлять в живых разумную особь врага, способную корректировать действия своих сородичей одним только запахом, было как минимум глупо, поэтому намерениями Ван Хеллена руководила не кровожадность, а жестокий, здравый смысл борьбы за существование.

Гордиев узел.

Взмах ножа разрубит его.

Какова истинная ценность внезапных воспоминаний, так некстати прорвавшихся из глубин подсознания?

Имеют ли они отношение к настоящему?

Андрею казалось, что голова сейчас лопнет от напряжения, — ситуация казалась безвыходной, по крайней мере для него.

Душа требовала одного, разум внезапно замолчал, а рука Ван Хеллена вновь начала подниматься

Пощелкай, дядя Дрог…

Из пересохшего горла Андрея вдруг вырвался невероятный для человека звук.

Ксенобианин дернулся, словно его ударило током.

Голова ксеноморфа медленно повернулась, и серия щелчков ответила Андрею.

Ван Хеллен вновь опустил нож.

Да что же это такое, на самом-то деле?!

Ситуация начала откровенно доставать его, внимание Доминика переключилось на Лозина, который проспал пять часов кряду, отключившись, вследствие депрессии, наступившей после изматывающих переходов и злоупотребления стимуляторами.

Он что, не выдержал? Полетел с катушек, боец?

Раньше надо было применять свое знание примитивной речи Чужих, в тот момент, когда от ксенобианина требовалось совершить определенные действия, подтверждающие перераспределение ресурсов, а теперь-то какой смысл в общении с врагом?

И все же Доминик решил дождаться объяснений Не верилось, что Андрей просто помутился рассудком.

Пусть говорит, если считает это необходимым, — участь Чужого все равно предрешена.

Андрей мыслил в эти мгновенья с лихорадочной скоростью, он действительно был не в себе — забастовавший было рассудок все же включился, пытаясь отыскать приемлемый выход из сложившейся ситуации.

Доказательства.

Ему нужны доказательства.

Гортанные звуки чужой речи, похожей на скрежет изношенного механизма, рвались из горла, отдаваясь болью в голосовых связках, не приспособленных для модуляции фонем чуждого языка.

Он отчаянно боялся ошибиться.

— Общее информационное поле, — медленно выдавливал из себя Лозин. — Ты обладаешь памятью предков?

Это был тот миг, когда Чужой вздрогнул всем телом.

— Да, — односложно ответил он.

— Я репликант. Твои предки зашифровали в мой геном память о прошлых событиях. Это верно?

— Да. — Ксеноморф ответил на заданный вопрос, не колеблясь. Он знал ответ.

— Твоя память сохранила сознание Дрога?

— Я не могу помнить частностей, человек. Только главное.

— Главное — «Тандем».

— Да.

Андрей скосил глаза.

Курт Зигель по-прежнему лежал, не приходя в сознание. Его шея раздулась от воздействия токсина.

— Почему на нас воздействует токсин?

— Я не понимаю вопрос.

— В крови людей живут микромашины. Раньше они успешно нивелировали воздействие органических соединений вашей биосферы, в том числе и токсинов. — Это знание пришло к Андрею вместе с воспоминаниями отца.

— Мы изменили формулу, — признался ксенобианин.

— Ты должен спасти его, — взгляд Лозина красноречиво указал на раненого товарища. — Тогда мы сможем говорить дальше. Нейтрализуй токсин. Ты в состоянии это сделать?

— Да. Но я не могу двигаться.

— Сейчас.

Андрею стоило неимоверного усилия воли, чтобы переключить свой рассудок с общения на чуждом языке к нормальному восприятию реальности.

— Доминик, — хрипло выдавил он. — Командир…

Ван Хеллен услышал страшный надрыв в голосе Лозина и, окончательно подчинившись возникшей ситуации, опустил нож, присев на корточки подле кресла.

— Андрей? Что с тобой происходит? — спросил он.

— Есть способ… — Лозин мучительно подбирал слова. — Способ выйти отсюда без боя…

— Не он ли обеспечит нам проход? — недоверчиво кивнул в сторону ксенобианина Ван Хеллен.

— Он.

— Нельзя верить врагу.

— Он разумная особь. С ним можно договориться.

— Ты, наверное, бредишь.

— Нет, командир. Помнишь, когда мы остановились в бункере Чужих, ты сказал: «Если существует что-то, способное дать нам шанс на выживание, я использую это».

— Помню.

— Ксенобианин может нейтрализовать токсин. Посмотри на Курта.

Ему не выжить. Автодок бессилен.

— Ты всерьез предлагаешь развязать эту тварь?

— Доминик, я знаю — для нас он Чужой. Но он разумен и хочет жить. Ты слышал, как мы общались.

— Я не понял ни слова, хотя немного знаю их язык.

— Курт умирает. Дай ему шанс. Только Чужой может выработать антитоксин. Этим он докажет, что способен на сотрудничество.

— Ты что-то недоговариваешь Андрей.

— Я сам едва понимаю, что случилось. Все не так, Доминик. Наша жизнь… — Он не смог подобрать нужные слова, чтобы завершить невысказанную мысль.

— Ты что-то узнал? — Попытался помочь ему Ван Хеллен, покосившись на контрольные мониторы компьютерного терминала.

Поведение командира можно было понять. Измученный ранением, он с обреченной решимостью ждал, когда автоматика откроет аварийные переборки. Он не строил иллюзий, понимая: они совершили главное — дали людям еще один год передышки, и все, что оставалось теперь, — это умереть с честью. Имея на руках двух тяжело раненных бойцов, им ни за что не пробиться через заслоны ксенобиан, даже не покинуть здание компьютерного центра, который наверняка окружен Чужими.

В этой ситуации рассудок командира не мог не искать выхода, пусть даже тот попахивал безумием. Не ведая о генетической памяти репликантов, внезапно пробудившейся в сознании Андрея, Доминик видел ситуацию гораздо проще: Лозин использовал свое знание «низшего» языка Чужих, чтобы договориться с ксеноморфом. Такая трактовка ситуации еще укладывалась в логику…

— Дай ему шанс… — повторил Андрей, невольно подтверждая выводы командира. — Пусть Чужой поможет Курту. Возможно, это перевернет наш мир…

Ван Хеллен давно не испытывал такой двойственности. Он чувствовал, что не в состоянии принять взвешенное решение, — с одной стороны, вроде бы шанс, с другой — сплошной блеф, — ксенобиане не люди, их психология устроена совершенно иначе, они запросто жертвуют собой ради муравейника, но, вновь взглянув в глаза Андрея, он прочел в них не безумную надежду и даже не мольбу — там таилось нечто неподвластное разуму…

Он на секунду задумался, а потом махнул рукой.

— Скажи ему, пусть действует, но я буду стоять сзади. Если Курт умрет, я порву эту тварь на куски…

* * *

Операция по введению антитоксина выглядела отвратительно.

Ван Хеллен с трудом сдерживал себя, глядя, как жвала ксеноморфа выделяют зеленоватую жидкость, которой тот смачивал коготь указательного пальца, используя его как скальпель. Теперь опухоль на шее Зигеля рассекали неглубокие надрезы, но Чужой не прекращал выделять мутную субстанцию.

Доминика понемногу начинало трясти. Оказывается, существовали вещи, которые не мог выдержать его взгляд.

Андрей словно чувствовал его состояние.

Говорить. С ним нужно говорить.

— Командир, ты можешь рассказать, как мы появились на свет? — спросил Андрей, с трудом вставая с кресла. Пошатнувшись от слабости, он едва не упал, ухватившись рукой за высокий подголовник.

— Это нужно спрашивать у Астафьева, — ответил Ван Хеллен. — Он разгадал предназначение некоторых систем медицинского модуля.

— Как он учился? По книгам?

— Не знаю. Ник потерял ногу в смежном секторе. Два месяца провел в госпитале, наедине с компьютерами. Потом я встретил его во время холодных месяцев, когда Чужие постоянно атаковали наш сектор, пытаясь окончательно разделаться с людьми.

— И что произошло?

— Ник спас нас. Он нашел схемы, — где были обозначены аварийные переборки. Они каким-то образом связаны с автономной системой жизнеобеспечения жилых отсеков, но, чтобы привести механизмы в действие, пришлось взорвать три тоннельных перехода, спровоцировав декомпрессию.

Все верно. Автоматические системы работают по сей день.

Мир — это космический корабль. Колониальный транспорт «Тандем».

Откуда у Николая Сергеевича взялись знания, позволившие оперировать автоматическими системами? — Этот вопрос возник в голове Андрея и уже не исчезал, принимая внезапную остроту, — ведь именно Астафьев запустил процессы репликации. На фоне общей деградации знаний, мистического страха людей перед машинами его действия выглядели слишком логичными, правильными. Словно он тоже знал истину, не решаясь поделиться ею с остальными.

Он, наверное, может подтвердить либо опровергнуть мою

врожденную память, — подумалось Андрею.

В этот момент ксеноморф наконец разогнулся, отступив на шаг от тела Курта Зигеля.

— Я сделал все что мог, — проскрежетал он. — Для наступления эффекта потребуется некоторое время. Не могу сказать сколько.

— Что он там скрежещет? — насторожился Доминик.

— Он ввел антитоксин. Нужно ждать реакции организма. Сколько — он не знает.

— Хорошо, подождем, — проявил несвойственную покладистость Ван Хеллен. — Скажи ему, чтобы не сопротивлялся, я снова свяжу его.

Андрей перевел.

Ксеноморф ничего не ответил; покосившись на Лозина, он покорно поднял руки, чтобы Доминик мог связать его запястья.

Разум ксенобианина также пребывал в состоянии информационного шока. Он то и дело поглядывал на Андрея, испуская при этом сложные флюиды запахов, от которых, не будь на людях кислородных масок, вывернуло бы внутренности.

Закончив связывать Чужого, Доминик хмуро покосился на опущенные аварийные переборки и склонился над Постышевым.

— Как он? — спросил Андрей, решившись сделать шаг.

Ноги казались чужими, ватными, но постепенно организм приходил в норму — слабость не в счет, с ней можно справиться усилием воли. *Главное, что я не сошел с ума,* — внезапно подумалось Андрею.

Он все еще не знал, как объяснить Доминику свое внезапное поведение, и вообще стоит ли что-то объяснять сейчас?

Его мысли прервал ответ командира.

— С Антоном все будет в порядке. Рана затягивается. С пулевыми ранениями автодок справляется отлично. Видишь, я уже свободно работаю рукой.

В относительной тишине зала внезапно раздалась серия характерных щелчков.

Лозин и Ван Хеллен одновременно обернулись на звук.

За всеми событиями оба совершенно позабыли о загадочных посланиях, которые упорно пытался востребовать сетевой терминал для передачи их адресату.

Похоже, что, несмотря на многократные сбои, автоматике удалось принять все информационные пакеты.

Щелчки, привлекшие внимание людей, были связаны с работой устройства записи, завершившего процесс сохранения данных.

На выдвинувшемся из терминала лотке аккуратной стопкой лежало пять кристаллодисков.

* * *

Андрей первым пришел в себя после внезапного звука.

Когда нервы напряжены до предела, все кажется зловещим, не несущим добра, и он уже не в первый раз подумал, что долгий путь к компьютерному центру, схватки с боевыми особями ксеноморфов бледнели перед тяжестью моральных испытаний. Стрелять, пробивая себе путь через подконтрольную врагу территорию, оказывается, легче, чем узнавать правду о себе самом…

Небольшие носители свободно умещались на ладони. Пять аккуратно маркированных порядковыми номерами дисков. Лозин смотрел на них в полном замешательстве, ощущая лишь холодок, проскальзывающий вдоль спины.

Тепло ладони воздействовало на носители информации, они словно чувствовали его состояние — откуда Андрею было знать, что медленно проступающие на поверхности буквы и цифры, — это всего лишь заурядная функция кристаллических устройств долгосрочной памяти: воспринимая тепло руки, считывая верный генетический код адресата, встроенные микропроцессоры проецировали на защитную полимерную пленку дополнительные сведения:

Источник данных: ретранслятор направленного сигнала станции дальней связи Солнечной системы.

Отправитель: Командующий флотом адмирал Лозин Иван Андреевич.

Информационные пакеты приняты в период с 17 октября по 24 ноября 2069 года по универсальному летоисчислению планеты Земля.

Адресат: Лозин Андрей Иванович.

Вставьте кристаллодиск в любое доступное устройство чтения для инициализации и воспроизведения данных.

Он ничего не понимал.

Где-то поблизости вновь раздался нарушивший тишину щелчок, сопровождаемый коротким ноющим звуком.

Андрей резко обернулся, увидев, как на ближайшем терминале компьютерной системы автоматически выдвинулось, одновременно раскрываясь, словно механический бутон, приемное гнездо устройства, предназначенного для чтения кристаллодисков.

Он понял: кибернетическая система следит за ним, настойчиво предлагая свои услуги. Медленно повернув голову, он посмотрел на

Доминика.

Лицо Ван Хеллена выглядело осунувшимся, кожа посерела, черты заострились. Вследствие ранения он потерял много крови, но держался, не позволяя слабости взять верх над силой воли.

Проследив за взглядом Андрея, Доминик лишь коротко кивнул, не желая показывать, что усиливающийся с каждой минутой информационный прессинг для него гораздо тяжелее, чем последствия боя, ранений и нескольких суток непрерывного бодрствования.

Красноречивый взгляд командира был понятен без комментариев.

Окрестности кишели боевыми особями ксеноморфов, переборки наглухо задраены, двое из четверых членов группы все еще пребывают без сознания.

— Давай, Андрей… — Ван Хеллен присел у стены. — Нам все равно остается лишь ждать. Так хоть проведем время с пользой…

Лозин перевел взгляд с землистого лица командира на свою ладонь.

Пальцы слегка дрожали.

Взяв кристаллодиск, пронумерованный цифрой «1», он вставил его в гнездо считывающего устройства.

Механический бутон начал закрываться, принимая носитель информации, и тотчас в полуметре над полом, чуть в стороне от терминала, воздух как будто сгустился, формируя объемный голографический монитор.

Внутри ограниченного объема уплотнившегося воздуха внезапно начало проступать изображение: за рабочим столом, окруженным блоками кибернетических устройств, сидел человек лет сорока.

— Андрей, он похож на тебя… — невольно вырвалось у Доминика.

Ксенобианин, прикованный к стойке, издал резкий шипящий звук.

Лишь Лозин молчал, в немом потрясении глядя на *отца…*

ГЛАВА 5

Прошлое

— Запись первая, — прозвучал в наступившей тишине ровный синтезированный голос, и вдруг губы человека шевельнулись.

— Здравствуй, сын, — негромко произнес он. — Я знаю, что ты сейчас спишь Мне трудно думать о том расстоянии, которое разделило нас.

Сегодня в границах Солнечной системы сенсоры зафиксировали появление ИНЫХ

Ты знаешь, что после падения родной планеты ксенобиан мы ждали их… и, тем не менее, даже в моей душе теплилась слабая надежда, что Землю минует повторное вторжение. Когда ты улетал, мы только приступали к строительству второго оборонительного рубежа, защищающего орбиты нашей родины. Сейчас я нахожусь на новом командном пункте, надежно укрытом и замаскированном в толще лунных пород. Отсюда мне предстоит в ближайшие дни руководить флотом

Пока мы не владеем подробной информацией о силах вторжения. Датчики, расположенные за орбитой Плутона, фиксируют до двухсот материальных объектов, имеющих геометрически правильную форму. Это сферы, каждая не меньше ста километров в диаметре. Флот ИНЫХ еще слишком далек для эффективного сканирования, но предварительный анализ показывает, что внешняя оболочка кораблей имеет сложную структуру, составленную из миллионов отдельных сегментов, выполненных из композитного материала. Кремний, благородные металлы, небольшой процент легированных сплавов, кварц. Вот, пожалуй* все сведения, что известны мне на данную минуту.

Я уже отдал приказ о всеобщей мобилизации и приведении флота в боевую готовность. Навстречу объектам стартовали малые автоматические корабли.

Буду отсылать тебе подробные записи событий. Возможно, мои личные впечатления и выводы пригодятся вам в будущем.

Сейчас подумал: пока сигнал достигнет корабчя, здесь, у нас, уже все свершится

Не прощаюсь. Мама шлет тебе привет.

Адмирал космического флота Земли протянул руку, видимо желая отключить устройство записи, но вдруг передумал, добавив.

— Не забывай о своем детстве, Андрей. На Земле сохранилось множество фобий, потому мы и решили, что к звездам должно лететь молодое, не отравленное ненавистью поколение людей, родившихся уже после конфликта. Если рассуждать беспристрастно, то у экипажа «Тандема» одна родина, ведь многие ксенобиане также рождены на Земле.

Все. Заканчиваю.

Буду ждать информации от разведчиков.

Мы постоянно думаем о вас.

* * *

В тишине тонко взвизгнул механический привод, вытолкнувший из недр терминала прочитанный кристаллодиск

Следующим звуком, резанувшим по нервам, стало протяжное шипение ксенобианина.

Андрей поднял взгляд, посмотрел на него, а затем вдруг горько подумал, что обманул надежды адмирала Лозина.

Он не искал оправданий, как и у остальных репликантов, у него не было ни детства, ни юности — память цепко держала тот миг, когда, открыв глаза, он словно проснулся, ясно представляя, где находится и что ему предстоит сделать в жизни.

Их воспитали для войны с ксеноморфами — этого не скрывали, наоборот, три последующих года, проведенных в непрекращающихся виртуальных занятиях, всячески подчеркивали данный факт. Репликантов учили убивать, им прививали неприязнь к чуждым формам жизни, не допуская в сознание молодых людей самой мысли о возможном сосуществовании с расой ксенобиан.

Победа или смерть.

От прошлого остались лишь мифы, смутно намекающие на какие-то непонятные цели, а ныне живущие мечтали лишь об одном: установить тотальный контроль над известными территориями, уничтожить Чужих, искоренить даже память об их существовании и…

Дальше этой заветной цели мысленно не заглядывал ни один человек. По определению после победы над ксенобианами должна наступить новая эпоха, в этом не сомневался никто, не задумываясь до времени, какой она будет?

Огромный, истерзанный катастрофами Мир равнодушно взирал на попытки взаимного истребления двух рас.

Он не был добрым или злым, не принимал чью-либо сторону, а принадлежащие ему механизмы, не обращая внимания на стычки людей и

Чужих, постепенно восстанавливали разрушенное, пытаясь вернуть отсекам и палубам их изначальный вид.

Никто не знал истинных виновников Внешней Атаки.

В память о катастрофе, на просторах смежного сектора остался лишь окаменевший черный лес, таивший множество более поздних свидетельств непрекращающихся столкновений людей и ксенобиан. Прожженные лазерами тропы вели через мрачные чащобы к центру управления, на подступах к которому теперь решалась судьба враждующих сторон.

Никто даже и не думал о примирении, ни людям, ни ксенобианам не приходил в голову простой и логичный вопрос: кто создал окружающий их мир и по чьей воле две расы оказались заперты в его границах, за которыми царила вселенская пустота и мрак?

Был ли изначальный смысл в сосуществовании, и если да, то какой?

В голове царил хаос мыслей, душу терзали противоречивые эмоции, информационный удар оказался настолько силен, что сознание как будто расслаивалось, потеряв ощущение непрерывности темпорального потока.

Андрей взглянул на Ван Хеллена и прочитал в глазах командира *ужас*.

Что было благом — святое неведение или труднодоступная для понимания правда?

Никто, за исключением ксенобианина, не проронил ни звука… и без слов было ясно: прошлого уже не вернешь, оно исчезло, сгинуло, но настанет ли будущее? Изменится ли Мир или деградировавший экипаж «Тандема» не сможет отринуть память о многолетнем противостоянии, завершив последний акт трагедии, как предполагала логика сиюминутных проблем?

Ни Андрей, ни Доминик еще не верили, что им уготована иная судьба, а жизнь не оборвется спустя несколько минут после того, как поднимутся аварийные переборки, открывая выход из зала управления резервными системами «Тандема».

Обменявшись взглядом с командиром, Андрей подошел к открытому гнезду и вставил в считывающее устройство второй кристаллодиск.

* * *

— Запись вторая, — прокомментировал машинный голос. В объеме голографического экрана вновь возник образ Ивана Лозина.

Адмирал сидел за тем же столом, сцепив в замок побелевшие пальцы рук.

Его голос зазвучал глухо, напряженно:

— Сферы приближаются. Они уже вошли в зону прямого визуального контакта с датчиками дальнего обнаружения.

Уточненные данные, диаметр каждого корабля семьдесят пять километров, структура внешней обшивки сегментированная, собранная из миллиардов микрочастиц, сопряженных друг с другом так плотно, что места соединения могут обнаружить лишь сканеры. Проникнуть глубже слоя внешней обшивки излучению наших приборов пока не удалось

В ставке царит напряжение Есть два мнения относительно наших действий, одни предлагают выждать, пока флот ИНЫХ не войдет в зону внешнего периметра оборонительных сооружений, то есть врага следует подпустить к поясу астероидов и только тогда начинать активные действия.

Другая группа предлагает атаковать немедленно.

Обе стратегии содержат свои «за» и «против». Начав противодействие сейчас, мы получаем выигрыш во времени и заставляем противника ответить, демонстрируя потенциальные возможности своих вооружений Говоря проще — разведка боем. На мой взгляд, это сомнительная авантюра, учитывая явное неравенство сил

Я склоняюсь к первому варианту — позволить сферам беспрепятственно продвигаться в глубь Солнечной системы, вплоть до периметра стационарных оборонительных рубежей, где в нашем распоряжении будет грамотно спланированная оборона: в плоскости эклиптики труднопроходимый для таких огромных кораблей пояс астероидов с множеством укрепленных огневых точек, станциями слежения и локационно-сканирующими комплексами. Если флот ИНЫХ попытается подняться выше плоскости эклиптики или «поднырнуть» под нее, чтобы миновать опасную зону, его встретят пространственные минные поля: миллионы термоядерных зарядов, несущих двойную разрушительную мощь. Во-первых, сам выброс плазмы, и, во-вторых, сопутствующий взрыву электромагнитный удар, который, как мы смогли однажды убедиться, воздействует на кибернетические системы ИНЫХ самым пагубным образом.

Основной аргумент против: мы не знаем потенциальных возможностей этой загадочной обшивки. Разрушится ли она под воздействием энергии ионизированного газа? В материалах, переданных в наше распоряжение ксенобианами, нет информации о подобных конструкциях: корабли ИНЫХ, атаковавшие их колонии, выглядели совсем иначе, они состояли из модулей гораздо большей величины

Ксенобиане успешно боролись с ними, применяя лазеры и генераторы магнитного поля. Ты знаешь, что современные формы ИНЫХ — это

машины. Когда-то они являлись живыми существами, но многовековая киборгизация собственных тел привела не только к утрате гуманоидного облика — я убежден, что изменился сам образ их мышления, и этим нельзя пренебрегать. Я считаю, что понять мотивы их действий гораздо важнее, чем разрушить энное количество кораблей.

Кто вторгся в границы Солнечной системы? Эволюционировавшие кибернетические механизмы, утратившие своих хозяев, или необратимо изменившиеся наследники биологического вида разумных существ?

Мой мысленный разговор с тобой — хороший стимулятор. Я размышляю над сложившейся ситуацией и постепенно прихожу к выводу — оба плана хороши и их следует использовать вместе. Наверное, мы поступим так: попытаемся войти в контакт с ИНЫМИ (глупо хранить молчание, зная, что они осведомлены о нашей цивилизации), и, если попытки общения закончатся провалом, мы атакуем их в границах орбиты Плутона силами базирующихся там малых автоматических кораблей.

После короткой атаки мы будем наблюдать за ее последствиями, анализируя полученные данные.

Мама все время беспокоится за тебя. Она никак не хочет понять, что ты уже не десятилетний мальчик, с которым она прощалась на борту тандемного корабля Ты повзрослел и телом, и разумом — вчера мы разбудили добровольцев, которые дублировали экипаж «Тандема», они проспали пять лет под воздействием ксенобианских препаратов, и все благополучно вышли из состояния искусственного сна.

Говорю Насте, что опасаться за твое здоровье нет причин, но в ее глазах тревога, и понятно, что дело не в процессах анабиоза.

Близится час вашего пробуждения.

Я тоже беспокоюсь за тебя, за вас всех, потому и пишу эти строки, дублируя информацию, регулярно отсылаемую автоматическими станциями вслед «Тандему».

Использую служебное положение в личных целях.

До связи, сын.

Запись третья

Кристаллопривод принял очередной диск, но на этот раз сфера виртуального монитора некоторое время оставалась пустой, изображение отсутствовало, был слышен только голос адмирала Лозина:

— Андрей, сегодня у меня чет времени диктовать очередное послание

к тебе. События начинают разворачиваться стремительно. Мне неведомо, что произойдет с нами в ближайшее время. Поэтому я поступлю проще: мой ИПАМ будет фиксировать все, что я вижу и думаю, а затем отправит информацию вслед «Тандему»…

Голос адмирала смолк, в объеме голографического монитора внезапно появилось изображение, снабженное поясняющей надписью:

Съемка с видеолокационной системы автоматического корабля-разведчика.

Дата начала записи: 12 сентября 2069 года 23 часа 5 минут.

Огромная сфера, покрытая темной броней, выглядела, как серое, размытое пятнышко, застывшее на фоне звезд.

Включение системы локации.

Оптическое умножение.

Пятнышко рванулось навстречу, стремительно превращаясь в огромную гладкую сферу, на внешней обшивке которой не было заметно ни единой надстройки.

Семидесятипятикилометровый шар двигался по инерции; войдя в поле тяготения Плутона, он немного изменил курс, в полном соответствии с законами небесной механики. Если бы не идеальная геометрическая форма и химический состав наружного слоя, то пришельца можно было бы принять за крупный астероид.

Ни двигателей, ни антенн, ни надстроек — не за что зацепиться взгляду, сенсорные системы бессильно скользят по обшивке чужака сканирующим излучением — все тщетно.

Сфера не ответила на многократные попытки связи, немо следуя прежним курсом.

Командный пункт флота

— Адмирал, пришелец не реагирует на сигналы. Лозин, напряженно следивший заданными телеметрии, кивнул.

— Я вижу. Твое мнение, Денис Сергеевич? — обратился он к начальнику штаба флота.

— Нужно придерживаться плана. Мы не должны атаковать первыми.

— Джейкоб? — Лозин повернулся к начальнику внешней разведки.

— Желательно заставить противника раскрыться, — категорично ответил тот. — Спровоцировать сферу на противодействие. Только так мы сможем получить информацию о ее потенциальных возможностях и внутренней структуре.

— Мы не должны атаковать первыми, — упрямо повторил Горшаков.

— Вы забыли, что под ударом ИНЫХ уже пала планета ксенобиан?

Мы будем ждать, пока то же самое произойдет с Землей? Или кто-то попытается меня убедить, что сто пятьдесят неопознанных объектов просто «пролетают мимо»? — раздраженно осведомился Джейкоб.

Адмирал Лозин переключил канал внутренней связи.

— Пост дистанционного контроля, задержите корабли, оснащенные боевыми зарядами. Автоматическим разведчикам начать сближение с пришельцем по оси встречного курса. Разворот на дистанции в пятьсот километров. При отсутствии противодействия пусть начинают круговой облет объекта, продолжая его сопровождение. Боевым единицам начинать атаку по разработанной схеме, только в случае гибели АРК[7].

— Принято.

Лозин откинулся в кресле, продолжая внимательно следить за укрупняющимся изображением пришельца.

Сказать, что сейчас наступил момент наивысшего напряжения, означало бы солгать.

Флот ИНЫХ появился в границах Солнечной системы с четырехлетним опозданием относительно существовавших прогнозов, и все эти годы Лозин, просыпаясь по ночам, подолгу лежал, слушая дыхание Насти, и ждал.

Ждал, что сейчас прозвучит сигнал экстренного вызова.

…Два расположенных перед ним соседствующих экрана демонстрировали изображения, снятые с различных точек. На первый поступал видеосигнал со сканирующих систем головного АРК, второй показывал общую панораму космоса, где, затмевая сияние звезд, двигались остальные сфероиды.

Армада. По своей совокупности на каждую боевую единицу земного флота приходилось по пять объектов пришельцев.

В глубине души Лозин не мог не согласиться с доводом Джейкоба Фитроу: наивно предполагать, что таинственные сферы появились в границах Солнечной системы случайно. Тот факт, что по своему облику они резко отличались от кораблей ИНЫХ, уничтоживших колонии ксенобиан, с точки зрения адмирала, объяснялся достаточно просто: в ходе столкновений с ксеноморфами ИНЫЕ не только одерживали победы, но и терпели ощутимые поражения, из которых они извлекли определенные уроки. Лозин был убежден: при подготовке нового вторжения они учли существенную разницу между двумя цивилизациями: если ксенобиане развивались по пути совершенствования биологических технологий, то люди шли путем научно-технического прогресса и, соответственно,

являлись более опасным противником.

Непонятной оставалась цель ИНЫХ.

На фоне бесконечности Вселенной, где достаточно места для сосуществования десятков, сотен цивилизаций, они избрали узкую тропу войны, проявляя упорство в преследовании биологических видов, приступивших к активному освоению космического пространства…

У них обязательно должен существовать мотив, — думал Лозин, продолжая следить за укрупняющимся изображением сферы — *Если мы разгадаем его, то получим точку опоры…*

Мысль отсекло, будто по ней полоснули ножом.

— Есть противодействие! — короткая фраза прозвучала в напряженной тишине ожидания, словно удар хлыста по обнаженной коже.

Изображение на центральном мониторе внезапно помутилось, словно видеосигнал исказила сильная помеха, но секундой позже стало ясно: оператор ошибся, произошло не искажение волны — это внешний слой обшивки сфероида пришел в движение, мгновенно «смазав» четкость геометрической формы пришельца.

— Октаэдры! Сканеры фиксируют миллионы октаэдров! Внешний слой обшивки разделился на элементы!

Лозин не шелохнулся

Любой приказ в данной ситуации безнадежно опаздывал данные телеметрии, отображающиеся на десятках мониторов, детально освещали событие, произошедшее несколько минут назад, ретрансляторам лазерной связи требовалось определенное время для обмена данными между штабом флота и боевыми единицами, действующими в границах орбиты Плутона.

Под внешним слоем обшивки пришельца, распавшейся на миллионы независимых модулей, обнажилась точно такая же структура — сфероид всего лишь уменьшился в диаметре, и тотчас вслед за первым пришел в движение второй слой, за ним третий, создавая поразительный визуальный эффект: сфера «извергалась» по всей площади, выбрасывая в космос крохотные автономные модули.

Автоматические разведывательные корабли попытались совершить маневр, чтобы избежать столкновения с растущим дымчатым облаком, но их судьба была предрешена. Сотни октаэдров, вырвавшись из окружившего корабль пришельцев облака, устремились навстречу земным кораблям, они не испускали каких-либо импульсов атакующего излучения, поражая АРК собственной кинетической энергией: за несколько мгновений небольшие модули сумели развить скорость, исчисляющуюся сотнями километров в секунду, стремительно сближаясь с разведчиками самоубийственным

курсом лобовой атаки.

АРК успели поставить защиту — электромагнитное поле высокой напряженности окружило земные корабли, но ни один из сотен атакующих октаэдров не сбился с намеченного курса, ИНЫЕ действительно извлекли урок из поражении в схватках с ксенобианами, и теперь их системы управления не страдали от мощнейших электромагнитных импульсов.

Центральный монитор внезапно подернулся рябью помех, затем на нем вновь возникло изображение: судя по ракурсу, съемку вела одна из уцелевших видеокамер головного АРК, — вращаясь, она удалялась в сторону вместе с обломком обшивки уничтоженного разведчика.

Взгляд адмирала переместился к резервным мониторам.

На фоне стремительно «худеющей» сферы медленно разлетались в разные стороны уродливые фрагменты автоматических разведывательных кораблей.

— Десять секунд до запуска. Ракетные шахты открыты.

В бой вступили корабли прикрытия.

Общая картина происходящего выходила за рамки мгновенного осмысления — сфера ИНЫХ исчезла, вместо нее в пространстве расползалось асимметричное, клубящееся облако частиц, создавалось впечатление, что базовый корабль полностью состоит из микроскопических, в сравнении с его исходными размерами, модулей, которые, рассеявшись в космосе, внезапно начали перестраиваться, формируя на месте клубящегося облака отдельные скопления.

— Они соединяются между собой, сопрягаясь гранями!

В этот момент два малых ракетных крейсера произвели синхронный залп

— Они обладают сенсорами! — голос наблюдателя, считывающего данные анализа, поступающие на отдельный терминал, заметно дрожал.

Несомненно, скопления октаэдров зафиксировали ракетный залп, и в пространстве возникла уже знакомая картина-бесноватые модули хаотично взвихрились, и, образовав атакующие группы, ринулись навстречу выпущенным ракетам.

— Они не успевают. Таймер упреждения ГСН самопрограммируется по показаниям лазерных дальномеров. Активация заряда произойдет раньше, чем столкновение. По уточненным данным, наши малые крейсера неизбежно попадают в зону воздействия плазменных частиц!

Десять термоядерных взрывов расцвели в пространстве, словно новоявленные солнца, ослепив датчики наблюдения, загодя расположенные на всем протяжении предполагаемого курса армады ИНЫХ.

Контрольные мониторы некоторое время передавали лишь помехи да ослепительное, нестерпимое для человеческого глаза сияние, а когда на экранах вновь начало проступать изображение космического пространства, от миллионов октаэдров, на которые разделился сферический корабль пришельцев, осталось менее сотни объектов, рассеянных в объеме пространства, с радиусом в одну световую секунду.

Казалось, все кончено, корабль ИНЫХ уничтожен, а отдельные модули, опаленные потоками ионизированного газа, превратились в статичные обломки…

Эту иллюзию разрушил очередной доклад наблюдателя:

— Уцелевшие октаэдры пришли в движение. Они собираются в группу.

От напряжения у адмирала Лозина начало пощипывать глаза, будто под веки попал песок.

— Следите за ними. Нужно в точности узнать, что они предпримут.

* * *

Три сотни модулей, уцелевших после термоядерных взрывов, собрались в плотную группу и устремились к темной поверхности Плутона.

Пока еще рано было судить, какая сила приводит их в движение, — это станет ясно позже, когда будут скрупулезно обработаны все данные, снятые датчиками слежения, часть из них сгорела вместе с малыми крейсерами, но оставшиеся сенсоры, в изобилии рассеянные как по поверхности Плутона, так и в околопланетном пространстве, продолжали передавать кибернетическим системам подлунного бункера бесценную информацию. Теперь, когда единение октаэдров было разрушено, модули оказались доступными для глубинного сканирования их внутренней структуры.

Разведка боем удалась, несмотря на потерю АРК и двух ракетных крейсеров, люди уверовали в победу — на их глазах была практически полностью уничтожена одна из ста пятидесяти сфер вражеского флота, и это вселяло реальную надежду, что пришельцев удастся остановить на первом рубеже обороны, в границах пояса астероидов, где в данный момент были сосредоточены основные силы землян.

— Докладывайте каждые пятнадцать минут. — Лозин встал. — Офицерам штаба собраться на оперативное совещание к шестнадцати ноль—ноль.

Никто не поздравлял друг друга с первой победой, впечатление от

титанической схватки оставалось неопределенным, все без исключения понимали, что главный итог столкновения будет озвучен после обработки всех данных телеметрии, полученных от сотен датчиков, расположенных в непосредственной близости от места основного события.

Лозин едва успел спуститься на уровень, где располагался его личный кабинет, как заработал мобильный коммуникатор.

— Адмирал, мы получаем новые данные непосредственно с поверхности Плутона. Вам необходимо взглянуть на это.

— Соединитесь с терминалом моего кабинета. Я буду там через минуту.

* * *

Войдя в свой кабинет, Лозин сразу же направился к компьютерному терминалу.

Тускло светилась фантомная сфера воспроизводящего голографического устройства.

Поверхность Плутона выглядела серо-коричневатой — этот мир, диаметр которого составлял всего 1280 километров, долгое время оставался загадкой для астрономов — слишком далекий для эффективного исследования при помощи традиционных средств наблюдения, он хранил свои тайны, представляясь то глыбой замерзшего льда, то крупным астероидом; однако, несмотря на малые размеры, планета имела свой спутник — небольшую луну, чей радиус составлял всего 650 километров — именно на ней сейчас были сосредоточены основные системы наблюдения.

С момента разрушения сферы прошло не более десяти минут, и сейчас далекий холодный мир выглядел совершенно несвойственным для него образом: энергия десяти термоядерных взрывов раскалила поверхность планетоида, заставив светиться его отдельные участки. Во многих местах, подтверждая наидревнейшие теории о химическом составе планеты, в чернь космического пространства извергались гейзеры газа, выбрасывающие в космос небольшие обломки каменных пород.

На фоне призрачного сияния, среди столбов газа и облаков пыли, поднятых тектоническими возмущениями планетной коры, двигались чужеродные объекты.

Октаэдры скользили параллельно поверхности Плутона, образуя рассеянное шарообразное скопление, из которого то и дело появлялись направленные вниз выросты, словно дымчатый шар на миг вытягивал щупальце…

Они сканируют структуру залегающих внизу пород, — мгновенно

догадался Иван, занимая кресло подле голографического монитора.

По химическому составу Плутон, расположенный на задворках Солнечной системы, за орбитами газовых планет-гигантов, как ни странно, относился к небесным телам земной группы…

Напряженное созерцание Лозина нарушил голос, прозвучавший из коммуникационного устройства громкой связи:

— Адмирал, они разделились.

— Я не вижу.

— Это произошло в космосе, на большом удалении от планеты. Группа октаэдров отпочковалась от основной массы мы вели параллельное наблюдение, сейчас дадим визуальное изображение.

Голографический монитор разделился на две объемные доли.

Малая группа октаэдров двигалась еще ниже, скользя всего в сотне метров над поверхностью Плутона.

Образовав плоскость, они в точности повторяли все особенности рельефа, словно над планетой скользила моментально изменяющаяся проекция.

— Это данные реального времени? — осведомился Лозин.

— Минус десять минут, адмирал. Система ретрансляции сильно повреждена.

— Что они ищут?

— В этой части Плутона много радиоактивных пятен. Несмотря на повышенный радиационный фон, образовавшийся после взрывов, октаэдры различают зоны залегания тяжелых элементов.

— Они ищут источники активного вещества?

— Именно так.

В этот момент малая группа октаэдров внезапно остановилась.

Под ними располагался небольшой кратер — обычный для лишенных атмосферы планет шрам, образовавшийся в результате столкновения с метеоритом или небольшим астероидом.

— Они обнаружили наивысшее значение естественного радиационного фона. По нашим данным, на глубине ста пятидесяти метров присутствуют залежи урановых руд.

Лозин не успел задать встречный вопрос: октаэдры, неподвижно висевшие над кратером, внезапно образовали подобие воронки, которая тут же пришла во вращательное движение, одновременно опускаясь к поверхности.

— Мы не смогли отреагировать и помешать им из-за естественного запаздывания сигнала.

— Этого и не следовало делать. Наша задача — сбор информации.

Пока он говорил с оператором дальней связи, острие конического вихря коснулось дна кратера, подняв небольшое облачко реголитной пыли.

— Они производят бурение.

— Несомненно.

Облако пыли начато разрастаться, скрывая от глаз происходящее, и сенсорные системы автоматически переключились на проникающие формы излучения, используя их для компенсации помех.

Теперь Лозин видел, как мерцающая темно-зеленая воронка, продолжая вращаться, углубляется в поверхность планеты.

Спустя четырнадцать минут скопление октаэдров пробурило скважину глубиной в двести метров. Ствол «шахты» постоянно засыпало грунтом, картинка, снятая сканирующими системами, постепенно тускнела, становилась нечеткой, размазанной, пока не исчезла вовсе.

— Мы используем датчики сейсмолокации, чтобы отследить их дальнейшие действия.

— Одобряю. Действуйте. — Лозин перевел взгляд на ту часть голографического монитора, где над поверхностью Плутона по-прежнему двигалось рассеянное сферическое скопление инопланетных модулей.

Прошло несколько минут, прежде чем дымчатый шар, состоящий из нескольких сот элементов, повторил действия предыдущей группы: остановившись над избранным участком поверхности, октаэдры разделились, образовав пять воронок, которые разошлись в стороны, начав бурение в различных точках поверхности.

— Определите точный химический анализ пород, залегающих на данном участке планетарной коры, — распорядился Лозин, понимая, что теперь остается лишь ждать дальнейших действий, наблюдая за участками, в которые углубились скопления октаэдров.

Отключив голографический монитор, он повернулся к терминалу компьютерной системы.

— Запрос на обработку данных телеметрии, — отдал он голосовую команду.

* * *

Разведка боем.

В прошлом, которое отлично помнил лейтенант Лозин, данный термин обозначал действие небольшого подразделения, намеренно атакующего превосходящие силы противника с целью выявления его численности, огневой мощи и конкретного расположения опорных

пунктов, для последующего упреждающего удара по очагам обороны либо скоплениям техники и живой силы противника.

Теперь это понятие, не утратив своего семантического смысла, несло иную нагрузку: никто не мог с уверенностью прогнозировать, отреагирует ли инопланетный корабль на появление небольших разведывательных аппаратов, — в своей первой фазе оценка действий АРК проходила на зыбкой грани между попыткой установить контакт и провокацией.

Имел ли для ИНЫХ какое-то значение тот факт, что они первыми нанесли удар, уничтожив приближающиеся к ним автоматические корабли?

Скорее всего, нет, — подумал Лозин. — *Это важно для нас, а если уж быть точным и откровенным — для миллионов людей, которым предстоит вступить в схватку с ИНЫМИ, жертвуя своими жизнями ради существования цивилизации.*

Мысли адмирала были отнюдь не высокопарны, в них заключался практический смысл, понимание психологии большинства людей, основанное на личном жизненном опыте.

Вы не муравейник, — вспомнились ему слова Дрога.

Это действительно так. Среди нас найдутся как сторонники, так и противники войны, более того, обязательно отыщется категория граждан, которые не примкнут ни к тем. ни к другим, по-своему трактуя факт появления в границах Солнечной системы инопланетной армады.

ИНЫЕ, сами того не подозревая, вложили в руки адмирала неоспоримый аргумент, козырь в борьбе за единство цивилизации.

Затребованные данные уже начали поступать на экраны компьютерного терминала, но Иван сидел, не глядя на них.

Ему вдруг вспомнился тот миг, когда он впервые услышал о существовании третьей силы, цинично, расчетливо столкнувшей цивилизации людей и ксенобиан.

Прошлое рвалось из глубин подсознания, и Лозин не пре-пятсгвовал порыву рассудка — именно на его плечи ложился груз ответственности за принятие необратимых решений, и он по-прежнему полагал, что действия чуждого разума нужно *понять…*

Его взгляд невольно упал на маленькое оперативное окошко таймера.

Вторая половина двадцать первого столетия.

Век тяжких испытаний для человечества.

Ошибались те, кто пытался оскорбить его, укоряя за то, что, выиграв чудовищную схватку с флотом ксенобиан, он не отдал последний роковой приказ, который стер бы остатки Чужих с лица Земли.

Никто из сегодняшних оппонентов Лозина не понимал, что не

лейтенант с автоматом выиграл ту войну — это сделали те, кто научил офицера Военно-космических сил России мыслить, соизмеряя порывы души с горячим шепотом рассудка.

Да, десятилетие назад он мог нажать кнопку, испепелив остатки Чужих, и тогда сегодняшний день грянул бы для людей вторым нежданным апокалипсисом.

Даже те, кто сражался с ним бок о бок, не до конца понимали логику, в последний момент толкнувшую Лозина на диалог с чуждой формой жизни.

А он *чувствовал*, что в действиях ксенобиан отсутствует рациональное зерно, и это не давало ему покоя.

Он хотел знать, что заставило ксеноморфов атаковать планету, которую в силу радикального отличия двух биосфер они никогда не смогли бы превратить в свою колонию.

Это был невероятно трудный шаг…

Далекое прошлое…

Под плоскими днищами боевых машин стремительно проносилась водная гладь.

Иван сидел в кресле пилота, не принимая участия в управлении, — все необходимые операции производила кибернетическая система ведущей машины. Звено «Черных акул», как по традиции называли все боевые модификации этой серии, являлось грозной силой. Накопленный в ходе столкновений с ксенобианами боевой опыт подсказывал, что высококлассные, отлично защищенные штурмовые вертолеты, оснащенные мощным вооружением, в состоянии обеспечить полную безопасность человека, тем более что лейтенант не пренебрег мерами личной защиты. Перед стартом он облачился в боевой скафандр, броня которого была покрыта отражающим слоем. Изначально такие виды экипировки предназначались для зашиты десантников в зонах повышенной радиации или прямого жесткого излучения, так что Иван мог не опасаться одиночных лазерных разрядов или игл бионических автоматов ксенобианских бойцов, но все принятые меры являлись лишь разумной предосторожностью — он летел на базу Чужих не для того, чтобы убивать, а желая говорить с ними.

Вдали показалась линия побережья.

Мадагаскар…

Лозин никогда не бывал на этом острове, не представлял его былой

природы, городов, населения, но сердце все равно непроизвольно сжалось, когда головная машина пошла на снижение, поднимая с поверхности земли облака серого праха.

Чужие истребили тут все, оставив лишь голые запорошенные серым пеплом пространства, на которых застыли причудливые сплетения их омертвевшей растительности.

Вертолет завис в метре над изуродованной землей.

— Я пошел, — произнес в коммуникатор Иван.

— Слышим тебя хорошо, — отозвался по каналу связи Логинов. — Удачи, командир. Я поднял три звена «МиГов», они уже на подлете к острову. Будут прикрывать тебя вместе с «восьмисотыми». Передай этим тварям, чтобы не дергались, если хотят жить. Их время прошло.

— Держи себя в руках, лейтенант, — ответил ему Лозин, покидая кабину.

Черные заросли начинались в полукилометре от линии прибоя.

Ни одного Чужого не было видно на открытом пространстве прибрежной полосы, и лейтенант, по щиколотки увязая в песке и прахе, пошел в направлении темной стены.

Он шел и думал о том, как станет вести себя, ведь Чужие по-прежнему остаются *врагами, безжалостными тварями, превратившими в руины земные города.*

На их совести миллиарды загубленных жизней, — нашептывал внутренний голос.

Стрелять и говорить суть не одно и то же — это Иван понимал со всей отчетливостью.

Тихий шелест лопастей штурмовых машин только усиливал ощущение двойственности, в голове нет-нет да и мелькал образ старшины Булганина вкупе с его словами, что говорить с ксенобианами, по сути, не о чем.

Черная стена омертвевшей растительности на поверку оказалась не столь монолитной, как это виделось издалека. Взгляд различил несколько прорех, которые служили входами на территорию чуждого пространства, и Иван, не колеблясь, направился к ближайшему из них.

Пройдя меж причудливо изогнутых ветвей, действительно похожих на пластиковые творения скульптора-сюрреалиста, он оказался на краю огромного поля, где сейчас сиротливо стояли два подковообразных корабля Чужих.

Это было все, что осталось от флота пришельцев.

Сразу за окостеневшей «изгородью» застыло до полусотни

ксенобианских бойцов, но ни один из них даже не шелохнулся, когда из черных зарослей появилась человеческая фигура, которую неотступно сопровождали пять плавно скользящих в знойном воздухе боевых машин.

Иван прошел еще метров десять и остановился.

Со стороны чуждых кораблей к нему шел разумный ксенобианин.

* * *

Принимая рискованное решение, Иван полагался не только на логику и здравый смысл — немаловажную роль сыграло его личное мировоззрение, вернее, та часть, что касалась субъективных оценок лейтенантом царившего на Земле до вторжения Чужих миропорядка.

На планете существовали серьезные очаги напряженности, шло молчаливое противостояние таких сил, которые были способны разорвать родную планету, в буквальном смысле расколов ее на куски в случае прямого военного конфликта.

Что позволяло сверхдержавам, обладающим ужасающими по совокупной мощи ядерными потенциалами, сосуществовать друг с другом, не развязывая войны?

Паритет.

Равенство сил, когда каждая из сторон прекрасно сознавала, что в результате конфликта победителей не будет.

Глядя на приближающегося ксенобианина, Иван думал о том, что всего месяц назад Чужой не стал бы говорить с ним по простой причине: пришельцы владели планетой, они являлись хозяевами захваченных территорий, но теперь все круто изменилось, и, посмотрев на два последних черных корабля, Лозин мог с уверенностью предсказать, что диалог состоится.

Разум и душа лейтенанта балансировали сейчас на зыбкой грани, по одну сторону которой мутным прибоем глухо восставала боль, выталкивая из памяти ужасающие картины разрушенных городов, превратившихся в мрачные кладбища для миллионов людей, а с другой стороны брезжила слабая полоска здравого смысла, едва ли подкрепленная чем-то еще, кроме разумной потребности в информации.

И еще Иван понимал — прежде чем покинуть этот остров, он будет вынужден принять окончательное решение относительно дальнейшей судьбы остатков ксенобиан.

Тяжкое бремя для лейтенанта…

Ксенобианин остановился в нескольких шагах от него.

Наступила минута гнетущее тишины, в которой два существа

пытались как-то понять, оценить друг друга.

Первым тишину нарушил щебечущий голос Чужого.

— Ты пришел покончить с нами, человек? — перевел издаваемые им звуки автономный прибор, встроенный в коммуникационную систему боевого скафандра.

— Нет, — ответил Иван. — Я пришел говорить.

— Разве слова имеют смысл?

— Для меня — да, — ответил лейтенант, глядя на ксенобианина сквозь дымчатое забрало гермошлема.

В конце концов, чего я опасаюсь, — внезапно подумалось ему. — *Сколько раз я вдыхал их флюиды, и ничего, жив, микромашины справились даже с токсином…*

Лозин поднял руку и откинул вверх забрало гермошлема, открывая свое лицо прогорклому ветру, который дул со стороны безжизненных, покрытых прахом пространств, как бы говоря этим жестом: *я на своей Земле…*

— Твой сородич ответил на два вопроса, а потом покончил с собой, — произнес Иван. — Меня не устраивает подобный диалог.

Видимо, Чужой не до конца понял смысл высказанной фразы.

— Он умер? — уточнил ксенобианин.

— Да. По собственному желанию. Но предварительно он успел назвать местоположение вашей звездной системы. Мне непонятна нелогичность его действий.

Представитель чуждой расы долго размышлял над длинным набором чирикающих звуков, а затем ответил.

— Это невозможно. Никто из нас не умирает добровольно.

Иван постарался мысленно подобрать более краткие формулировки и произнес:

— Ему ничто не угрожало. Я находился рядом с ним.

— Его убили, — не тратя времени на раздумья, категорично ответил ксенобианин.

Иван машинально покачал головой.

— Это исключено.

Чужой повернулся, глядя в открытое лицо человека.

— Не всякий враг видим и осязаем, — неожиданно заявил он.

Что он имеет в виду?! — подумал Иван и потребовал:

— Поясни!

Устройство автоматического перевода издало короткий сдавленный звук.

Ксенобианин молчал.

— Отвечай на мои вопросы, — медленно, сдерживая внезапно вернувшуюся ярость, повторил лейтенант. — Из каких соображений вы атаковали Землю? — Он подождал завершения перевода и продолжил: — Наши исследования показали, что биосфера Земли неприемлема для вас. Это первый вопрос. — Он вновь выдержал паузу. — Второе: откуда вы получили сведения о нашей цивилизации? И третье: почему твой сородич заявил перед смертью, что вы уже проиграли некое противостояние еще до вторжения на Землю?

Перевод длился около пяти минут, наконец чирикающие звуки стихли.

Чужой долго стоял, потом внезапно сел на землю и принялся что-то чертить пальцем на тонком слое покрывавшего ее праха.

Закончив непонятный узор из точек и линий, он поднял голову и прощебетал:

— Ты ничего не знаешь о космосе, человек. А мы ничего не знати о вашей расе. Ложь — это ваш термин, которого не ведали мы… — Он внезапным движением стер нарисованную схему и, медленно поднявшись с земли, позвал:

— Пойдем.

* * *

— Дима, ты меня слышишь?

— Да, командир!

— Прикажи кибернетическим системам боевых машин блокировать остров Я иду внутрь ксенобианской «подковы».

— Зачем?! — не понял Логинов.

— Так надо, Дима. Следи за обстановкой. Если через час я не выйду наружу, можешь начинать атаку.

Внутри чужого корабля царил густой полумрак.

Ксенобианин уверенно вошел в открывшийся тоннель, похожий на ребристую глотку исполинского животного. Лозин, так и не закрыв гермошлем, молча следовал за ним, пока они не оказались в небольшом полусферическом зале.

Чужой подошел к стене, коснулся какой-то известной ему точки, и поверхность пола вдруг заволновалась, выпучиваясь в виде трех образований.

Спустя некоторое время Лозин понял, что перед ним сформировалось подобие стола и двух кресел.

Стараясь не выказать своих истинных чувств, лейтенант опустился в

одно из них, ощущая, как что-то мягко просело под его весом.

Неужели все вокруг — живая ткань?

Чужой сел напротив, снял дыхательный прибор, открывая лицо, и положил свои четырехпалые руки на импровизированный стол.

— Я отвечу на твои вопросы, человек. — Он коснулся поверхности стола, и сумеречное помещение залил неяркий рассеянный свет.

— Так хорошо?

— Да.

— Тогда смотри.

Ксенобианин начал водить пальцем по поверхности стола, вычерчивая ту же схему, которую он пытался изобразить на слое летучего праха, оставшегося после уничтожения земной растительности.

Закончив, он жестом привлек внимание Лозина.

— Это Земля. — Он указал на точку, к которой с двух сторон, постепенно сближаясь, вели два прямых отрезка, один длинный, а второй короткий.

— Я понял тебя, — кивнув, ответил Иван, решив пока воздержаться от возникшего вопроса: *почему к планете ведут две разновеликих линии?*

Палец Чужого переместился вдоль короткого отрезка к ограничивающей его точке.

— Это моя планета. — Он задержал движение, задумавшись, а затем продолжил, следуя вдоль новой, только что начерченной линии, которая уводила в сторону, противоположную Земле. Доведя отрезок почти до края стола, он вдруг начал яростно тыкать пальцами в податливый материал, оставляя в нем множество углублений.

— Здесь обитала цивилизация, похожая на вас, — произнес ксенобианин, удовлетворившись коли ссгвом вмятин. — Они были… — он запнулся, подбирая термин, — старые. Да, старые, — повторил он. — Они жили, летали к другим мирам, заселяли их с помощью машин. Потом эти существа умерли

Лозин, глядя на схему и слушая пояснения ксенобианина, понимал, что тот излагает лишь общий смысл событий. Его лаконичные, односложные фразы нужно было *додумывать.*

Старые, значит — древние, далеко опередившие в своем развитии расу ксенобиан, — рассуждал про себя лейтенант, стараясь не упустить логическую нить пояснений. — *Умерли, значит — выродились?*

— Мы летели сюда, — палец Чужого указал на скопление вмятин. — Хотели жить. Нам было тесно. Мы понимали: Тут… Тут… Тут… — Палец Чужого опять заскользил от одного углубления к другому. — Тут когда-то

жили старые существа. От них остались следы.

Брошенные колонии… — интуитивно понял Иван. Вероятно, цивилизация, о которой рассказывал ксенобианин, когда-то колонизировала звездные системы, а потом по какой-то причине пережила упадок и коллапсировала, схлопнулась к исходной точке родной планеты, оставив опустевшие колонии на произвол судьбы.

Подтверждая его догадку. Чужой указал на отдельную, выдавленную особняком отметину и пояснил:

— Мы жили, развивались в новых мирах, пока наши разведчики не пришли сюда. Данный мир являлся родиной старой расы.

Он умолк и снова начал чертить.

Лейтенант смотрел, как из-под заостренного когтя ксенобианина появляется схематичное изображение похожей на человека фигуры со знакомой трубкой лазерного излучателя в руках.

— Это то существо, которое ты назвал «старым»? — спросил Иван.

— Нет. — Палец ксенобианина внезапно перечеркнул фигуру, разделив ее на две половины. — Это *ИНЫЕ,* — ответил он.

— Не понимаю…

— ИНЫЕ. Половина живая, половина нет. Вместе — существо. Они возникли, когда старая раса соединилась с машинами.

Киборги? — обожгла разум лейтенанта мгновенная мысль. — *Древняя раса, добившаяся вечного существования благодаря искусственным телам?*

— Что было дальше? — спросил он, не желая строить догадки.

— Война, — коротко ответил ксенобианин. — Они хотели сделать нас такими же половинчатыми. Но это невозможно. Наш разум не принимает такого.

— Вы проиграли войну?

— Мы потеряли все. Это было… долго. В ваших понятиях времени — века. Мы отступали, а они начали новый этап развития. Помолодели. Война разбудила их. Живого почти не стало. — Он изобразил новую фигуру, но теперь, заштриховав косыми линиями большую часть схематичного контура, он скупо произнес: — Машина.

Итог длительных стагнации и войны как внезапного стимула обновления… Кибернетические компоненты получают приоритет, составляя уже не пятьдесят, а девяносто процентов исходного объема. Наверное, это уже не кибернетический организм, — мысленно рассудил Иван, — *а машина, несущая лишь малую толику генетических структур первоначального существа.*

— Что стало с вашей родной планетой?

— Она… в блокаде. Там умирают миллионы особей моей расы.

Лозин поднял взгляд, встретился с глазами ксенобианина и спросил:

— При чем здесь мы?

Чужой долго молчал, а затем ответил:

— Мы перехватили космический корабль. Маленький.

— Опиши его.

— Не понимаю.

— Что находилось внутри?

— Механизмы. Топливо. Металлическая пластина с записью информации. Вы обманули нас.

На спине Лозина вдруг проступил холодный пот.

Он понимал, о каких космических аппаратах говорит Чужой. Вне сомнения, речь шла об одном из запущенных американцами «Вояджеров», но в ответе ксенобианина содержалась неправдоподобная информация, когда он утверждал, что люди намеренно отправили в космос искаженные сведения о себе…

Какой-то бред. Нонсенс. Во-первых, у межпланетных аппаратов не могло оставаться топлива. Во-вторых, обе автоматические станции при их допотопных скоростях могли достичь системы Центавра разве что через столетие… Ложь?.. Или все же ошибки перевода, несовпадение семантических понятий?

Нет, при чем здесь семантика, когда высказанная фраза несет конкретную, логически завершенную мысль?

— Какая информация содержалась на диске?

— Данные о биосфере планеты, схемы структуры белка и подробные сведения о пути технического развития твоей расы. По этим данным было ясно, что Земля идеально подходит под наш метаболизм. Для многих это стало последней надеждой. Мы знали, как бороться с цивилизацией, использующей машины. В сражениях с ИНЫМИ моя раса не только проигрывала, но и побеждала.

— Электроразрядные удары, магнитные поля?

— Да, человек. Но вы сами виноваты в случившемся. Вы послали в космос ложные сведения о своей природе.

Иван зло посмотрел на ксенобианина.

— Вы убили миллиарды людей.

— Да. Мы искали путь к спасению. Но вы…

— Мы никого не обманывали, — резко оборвал его Лозин.

Картина произошедшего вдруг начала складываться в его голове,

будто отдельные кусочки мозаики внезапно встали на свои места, обретая логику и смысл…

В топливных емкостях «Вояджеров» не могло сохраниться ни грамма реактивной смеси. На золотом диске содержались правдивые сведения о биосфере Земли. Из этого можно было сделать лишь один вывод…

— Вы осуществили бы вторжение, имея *истинные* данные о природе нашей биосферы? — спросил он.

Перед лицом смерти ксенобианину не имело никакого смысла лгать.

— Нет, — ответил он, указав на вторую, более протяженную линию. — ИНЫЕ знают о вас. Их путь долог. Еще десять лет.

— Они собирались оккупировать Землю?

Ксенобианин откинулся в кресле.

— Я не могу судить, — ответил он. — Мне непонятна истина. Мы знали лишь одно: цивилизация Земли развивалась по пути, похожему на путь развития ИНЫХ. Вы и ваши машины могли стать их союзниками.

— Это решило этическую сторону вопроса? Мы были автоматически отнесены в разряд врагов?

— Ошибка. Ложь и ошибка.

— ЭТО НЕ НАША ЛОЖЬ! — подавшись вперед, выдохнул в лицо ксенобианину лейтенант.

Они наблюдали за нами… ИНЫЕ… — мысль Ивана заработала с лихорадочной скоростью. В памяти мгновенно всплыли все казавшиеся мифическими упоминания о «летающих тарелках» и прочих паранормальных явлениях, которые здравый рассудок привычно воспринимал как фантазию, выдумку…

Нет. Это не являлось бредом свихнувшихся одиночек.

За цивилизацией Земли действительно наблюдали, не трогая ее, но взрывообразное развитие человечества на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, качественный прорыв в области высоких технологий, освоение реакций ядерного распада и термоядерного синтеза вкупе со стремительным развитием космической техники и четко обозначенными перспективными программами полетов к ближайшим звездным системам поставили наблюдателей перед очевидным фактом: они опоздали. Человечество, несмотря на внутренние конфликты, гигантскими шагами продвигалось вперед и вскоре планировало полет к звездам, туда, где ксенобиане вели затянувшуюся на века войну с кибернетическими последышами переродившей саму себя цивилизации…

Те, кого сидящий напротив ксеноморф назвал *ИНЫМИ*, в какой-то миг осознали, высчитали, логически предсказали тот факт, что им будет

крайне тяжело совладать с Человечеством, как только цивилизация людей шагнет к звездам.

Что стоило холодному расчетливому разуму пойти на подлог, который они рассматривали всего лишь как ход в затянувшейся шахматной партии?

— Наши цивилизации столкнули лбами… — внезапно произнес Иван, уже не вслушиваясь в чирикающие трели автоматического переводчика. — Найденный вами космический аппарат был захвачен ИНЫМИ еще в границах Солнечной системы, когда в его баках оставалось топливо. Они подменили информацию о Земле и Человечестве, подкинув вам в качестве приманки фальшивку. Планета с подходящей биосферой, к тому же населенная потенциальными врагами, пестующими свои машины, — вы поверили этому, верно? Понадеялись одним ударом обеспечить себе десять лет на доскональное изучение наших технологий, чтобы встретить своих давних врагов, имея адекватные средства борьбы с ними?

— Да, — лаконично признал ксенобианин, внимательно выслушав чирикающие трели, издаваемые синтезатором звука.

— А каков итог? — спросил Иван. — Мы фактически почти уничтожили друг друга.

— У нас не было выбора… Глаза Лозина потемнели.

— Выбор есть всегда, запомни это, ксенобианин! Даже сейчас… — 1лухо добавил лейтенант, остывая от внезапной вспышки гнева, вызванной горечью *понимания…*

Чужой долго смотрел на вычерченную схему, а потом произнес:

— Среди вас есть ИНОЙ. Мой сородич не мог умереть по собственной воле.

Иван напряженно кивнул.

— Я уже догадался. — Он медленно встал. — Сейчас я улечу. Ты прикажешь снять блокирующий периметр с тех площадей, где насильно удерживаются выжившие люди. Между нами уже пролегла одна ложь, и я не хочу, чтобы история повторилась. Я найду ИНОГО и проверю твои слова. Если они верны, то мы встретимся вновь. Если нет — ваши базы будут стерты с лица Земли.

Лозин не стал дожидаться ответа. Резко развернувшись, он пошел по ребристому проходу в обратном направлении, ориентируясь на далекое пятнышко дневного света, обозначавшее выход из корабля Чужих.

В душе лейтенанта царил мрак.

Адмирал Лозин вздрогнул.

Воспоминания многолетней давности не тускнели, наоборот, их наполняла новая острота восприятия, события виделись в другом свете.

Он смотрел на экран, а перед глазами, словно морок, плавало схематичное изображение гуманоидной фигуры. Половина живая, половина нет…

На мониторе медленно вращалась построенная компьютером модель октаэдра.

Иван долго смотрел на два изображения — мысленное и реальное, не сопоставляя их (сопоставлять, по сути, было нечего), но пытаясь понять: чем или кем является крошечный октаэдр? Частицей иного разума? Примитивной исполнительной машиной? Или тем и другим, в зависимости от обстоятельств?

Куда подевались гуманоидные формы ИНЫХ? Продолжили начатую в период войны с ксенобианами эволюцию? Пожертвовали изначальным обликом природного прототипа в угоду дальнейшей рационализации?

Он медлил, заново осмысливая прошлое, прежде чем взглянуть в глаза настоящему.

Логика подсказывала: все сто пятьдесят сфер, вторгшихся в границы Солнечной системы, построены по единому принципу.

Он взял мобильный коммуникатор и коснулся сенсора.

— Отдел исследований на связи!

— В данных телеметрии есть информация о внутренней архитектуре сферы?

— Да, адмирал. Октаэдры отделялись от несущего образования послойно, это зафиксировано различными сканирующими устройствами.

— Что расположено в центре сфероида?

— Октаэдры.

— Корабль полностью состоит из однотипных модулей? От слоя внешней обшивки до ядра?

— Да. Вы сформулировали абсолютно точно.

Адмирал на секунду задумался, неосознанно массируя подбородок.

— Между ними должны быть отличия, — убежденно произнес он. — И эти отличия нужно найти. Я понимаю, в свете последних данных сфероид трудно назвать космическим кораблем, но все же есть *обязательные* устройства, без которых флот противника не смог бы появиться тут.

— Вы подразумеваете двигательные установки?

— Да. И не только их. Двигатели, сенсоры, средства защиты и нападения, а главное — управляющий центр — все это, несомненно, присутствует в структуре сфероида. Нужно искать.

— Мы занимаемся этим.

— Хорошо. — Адмирал понимал, что исследовательский отдел укомплектован лучшими специалистами, привлеченными из разных областей знаний, но, прежде чем отключить устройство мобильной связи, он отдал еще одно распоряжение: — Сформируйте отдельную группу, которая займется параллельным изучением структуры сфероида. Они должны ответить на один вопрос: может ли послойное расположение миллионов отдельных модулей в совокупности образовывать структуру, подпадающую под определение «нейросеть».

— Нейросеть? Вы считаете, что структуры сфер могут копировать биологические нервные ткани?

— Я ничего не считаю. — Лозин вдруг досадливо поморщился. — Я формулирую задачу и отдаю приказ. Работайте.

Он коснулся сенсора, отключив коммуникатор.

Нервы.

Моральное напряжение давало о себе знать.

Палец коснулся следующего текстоглифа.

— Генерала Булганина и полковника Долматова ко мне.

* * *

Тихо пропищал сканер устройства ограничения доступа, и двери кабинета автоматически открылись, пропуская вызванных офицеров.

Старшина Булганин и взводный снайпер, Паша Долматов…

— Садитесь, мужики. — Лозин кивком указал на два расположенных рядом кресла. — Одна голова хорошо, а три лучше.

Булганин усмехнулся. Он командовал первым рубежом обороны — под началом Степана Муратовича в данный момент находились тысячи автономных космических баз, дислоцированных в поясе астероидов. Полковник Долматов отвечал за оборону Лунного сектора.

— Запись видели?

— Видели, — кивнул Булганин. Он мало изменился с той поры, когда лейтенант Лозин отыскал свой взвод, державший вынужденную оборону в бункерах бывшей «ракетной точки». Годы, казалось, текут мимо могучего старшины, даже генеральская форма не меняла его. — Тех ли позвал, командир? — неожиданно спросил он. — Ты же знаешь, я не аналитик.

— Знаю, — коротко ответил Лозин. — Потому и позвал. — Он взял световое стило и быстро набросал на электронном планшете тот рисунок, который когда-то прочертил для него ксенобианин. — Смотрите: такими запомнили ИНЫХ ксенобиане. Они сталкивались с ними лицом к лицу. В конце войны, когда планета Чужих уже была в плотном кольце блокады,

ИНЫЕ, при высокой киборгизации тел, все еще сохраняли гуманоидные черты. Они руководили исполнительными машинами различной конструкции и предназначения. Главное, на что прошу обратить внимание, — в ксенобианском конфликте руководящая роль принадлежала им. — Иван указал на изображение. — Эти существа сохранили биологический мозг, существенно расширив его возможности за счет кибернетических модулей.

— К чему ты клонишь, командир?

— Сейчас поймешь. Я ищу ответ на ряд вопросов: во-первых, почему техника ИНЫХ столь радикально изменилась? Во-вторых, с чем связана четырехлетняя задержка вторжения, ведь Дрог однозначно утверждал, что противник имеет в своем распоряжении как минимум два флота — один атаковал колонии ксенобиан и в конечном итоге блокировал их планету, второй *целенаправленно* выдвигался к Солнечной системе, рассчитывая, что мы и Чужие истребим друг друга в схватке за Землю.

— Они просчитались, — ответил Булганин. — Поняли, что наша цивилизация не погибла, и остановились.

— Смысл? Подарить нам еще четыре года на ликвидацию последствий массированной атаки Чужих и подготовку к новому вторжению? Ты бы как поступил, Степан?

— Я бы не остановил флот, — признал Булганин. — Четыре года назад мы едва оправились от последствий ксенобианской атаки.

— Вот именно. Здесь нарушается логика рационализма, присущая машинам.

— Машины здесь ни при чем, — произнес молчавший до сих пор Долматов. — Ты сам сказал, их действиями руководили существа, сохранившие биологический мозг. Следовательно, мотивы ИНЫХ нельзя оценивать с точки зрения машинной логики.

— Хорошо. Допустим. — Лозин говорил медленно, высказывая вслух свои сомнения. — Мы не знаем, что заставило остановиться флот ИНЫХ, но примем это за факт. Они изменили курс.

— Мне кажется, здесь есть только одно объяснение, — взглянув на адмирала, произнес Долматов. — ИНЫЕ получили два сообщения. Первое касалось провала их хитроумной операции на Земле, а второе… — он запнулся, — тут можно предполагать множество вариантов, но самым реальным, на мой взгляд, является поражение в системе ксенобиан. Один флот пошел на помощь второму, не справившемуся с задачей и оказавшемуся под угрозой уничтожения.

— Мир ксенобиан пал. Мы знаем это наверняка.

— Естественно, если мощь ИНЫХ была усилена вторым флотом. Отсюда и задержка.

— Хорошо. Примем это за рабочую версию, хотя меня терзают сомнения: ксенобиане были обескровлены длительной войной, они на протяжении десятилетий терпели поражение за поражением, отступая из своих колоний. Могли ли они при таких условиях нанести внезапное сокрушительное поражение хорошо оснащенной механизированной группировке, блокировавшей планету?

— Факт остается фактом, командир. Ксеноб пал, а флот ИНЫХ появился с четырехлетним опозданием, претерпев при этом радикальные технические изменения.

— Давайте просмотрим расшифровку данных телеметрии, а затем продолжим, — предложил Лозин. — Я хочу понять, кто атакует Землю — усовершенствованные исполнительные машины, посланные на зачистку Солнечной системы, или это видоизменившиеся разумные формы ИНЫХ. Вот, на мой взгляд, главный вопрос, требующий точного ответа.

* * *

— Тебе бы расслабиться, адмирал, — между делом заметил Булганин.

— Ты о чем? — Лозин поднял на него вопросительный взгляд.

— Слетай на денек на Землю, возьми с собой Настю. Я могу составить компанию. Уедем в лес, возьмем с собой водки. Посидим у костра.

Иван взглянул на Булганина и покачал головой.

— Ты серьезно, Степан?

— Куда серьезней. Давно смотрел на себя в зеркало?

— Ты лучшего момента найти не мог?

— Момент что надо. Подумай, сколько мы ждали их появления. Без смены, без выходных. Теперь все — свершилось. Самое время отдохнуть. Им от орбит Плутона еще лететь и лететь, пока мои ребяга смогут встретить их на внешнем рубеже обороны.

— Лучше замолчи, Степан.

— Ладно. — Булганин пожал плечами. — Молчу.

— Я подумаю над твоим предложением — Иван усмехнулся краешком губ Шутит Булганин или говорит серьезно, разобрать трудно, но доля правды в его словах есть…

— Все, внимание на информы. Работаем.

Запись просмотрели в напряженной тишине, лишь изредка прерываемой короткими репликами-замечаниями.

Мысли вслух, ибо каждый воспринимал происходящее со своей точки зрения.

Первым впечатление от просмотра высказал Долматов:

— Что-то тут нечисто, командир.

Лозин кивнул.

— Говори, Паша, что бросилось в глаза, что смутило?

— Слишком просто. Я говорю о реакции сфероида на контакт. Делать выводы из данных технической расшифровки не возьмусь, не тот уровень подготовки. О структуре модулей, их взаимодействии тебе расскажут спецы. У меня возникла только одна мысль или ассоциация: у сферы, без сомнения, есть и командный центр, и органы управления, но главное — она имеет опыт борьбы с малыми кораблями. Реакция сфероида показалась мне рефлекторной. У ксенобиан не было ядерных и водородных зарядов, они использовали в качестве основного вооружения лазеры. Так вот, исходя из такой предпосылки, действия пришельца не только логичны, но единственно верны.

— Точно, — подхватил его мысль Булганин. — Во-первых, сфера начала противодействие против АРК без видимой причины: наши корабли всего лишь приближались к ней, не активируя системы вооружений. То есть механизмы противника работали на упреждение вероятного лазерного залпа. Такая тактика, между прочим, может объяснить микромодульную архитектуру объекта. Попробуй поразить миллионы отдельных октаэдров, когда они так лихо рассеиваются в пространстве. Думаю, если бы не ракетный залп, то, уничтожив наши АРК, сфера вновь приняла бы первоначальный вид.

— Логично, — согласился адмирал. — Из этого вывод: на первоначальной стадии наши средства обороны будут эффективны, пока противник не извлечет урок из собственных поражений. Вопрос, насколько быстро ИНЫЕ поменяют тактику?

— Это легко выяснить повторной атакой. Нужно бить их на дальних подступах, чем меньше сфер достигнет пояса астероидов, тем легче нам будет удерживать линию обороны в плоскости эклиптики, — ответил Булганин.

Выслушав его, Лозин взглянул на часы.

— Через десять минут расширенное совещание с участием технических специалистов флота. Послушаем, что скажут они. А пока, — Иван усмехнулся, — водки не предлагаю, а вот по чашечке кофе выпить успеем.

* * *

В конференц-зале, оснащенном самой современной демонстрационной аппаратурой, собрались все ведущие специалисты технических служб, командиры отдельно дислоцированных подразделений, защищающих внешний и внутренний рубежи обороны, капитаны космических кораблей и командиры эскадрилий многофункциональных штурмовиков-перехватчиков, базирующихся как на стационарных космодромах, так и на борту носителей флота.

Всего в зале присутствовало порядка пятисот офицеров.

Адмирал Лозин, открывший совещание, был немногословен:

— Господа офицеры. — Он сделал небольшую паузу, давая словам отзвучать негромким эхом. — Флот ИНЫХ, который мы ждали на протяжении стольких лет, вошел в границы Солнечной системы. Попытка контакта с произвольно избранным кораблем противника успехом не увенчалась. Мы были готовы к подобному обороту событий — как только стало ясно, что АРК, сближающиеся с инопланетной сферой, атакованы, нами были задействованы два автоматических ракетных крейсера, которые уничтожили сферу пришельцев серией термоядерных взрывов. В результате мы потеряли звено автоматических разведчиков и оба ракетных крейсера, но получили подробную запись события с датчиков следящих систем, загодя размещенных по всей протяженности орбиты Плутона. Расшифровку данных телеметрии сейчас прокомментирует полковник Херберт.

Свет в конференц-зале померк.

Включившиеся устройства голографического воспроизведения превратили сумрак в звездную бездну — казалось, что огромная сфера инопланетного корабля медленно движется над головами людей.

— Господа, прошу внимания, — раздался в напряженной тишине голос Джона Херберта. — Перед вами сферический корабль ИНЫХ — цивилизации, о существовании которой нас информировали ксенобиане. Воспроизведение записи замедлено. Сейчас вы увидите момент, когда сфера начала реагировать на приближение наших кораблей разведки.

Над головами собравшихся появились три крохотные точки АРК, находящиеся в нескольких тысячах километров от инопланетного объекта. Запись действительно была детализирована и замедлена до такой степени, что каждый мог различить, как от огромного сфероида внезапно начали отделяться отдельные элементы внешнего слоя обшивки.

Небольшие октаэдры, до этого плотно сопряженные друг с другом,

пришли в одновременное движение, по всей видимой глазу площади сфероида. Даже при замедлении записи сотням тысяч отдельных элементов конструкции потребовалось несколько секунд, чтобы отойти на расстояние в десять-пятнадцать метров от корабля, при этоМ(на их гранях наблюдались явные сполохи статического электричества.

Вслед за первым слоем в движение пришел второй, за ним третий, превращая четкий геометрический контур сферы в расплывчатое пятно, одновременно октаэдры совершали перестроение, образуя рассеянные шаровые скопления, содержащие до тысячи модулей. На записи было четко видно, как три новоявленных образования отделились от «облака» и начали движение в сторону АРК, сближаясь с ними на встречных курсах.

Херберт коснулся сенсора, остановив запись. Лазерная указка в его руках наложила крошечное алое пятно на голо-графическую проекцию корабля ИНЫХ, от которого, судя по поясняющим надписям, к этому моменту успел отделиться седьмой слой октаэдров.

Восьмой слой автономных модулей уже не выглядел монолитным. Сканирующие системы смогла зафиксировать детали, которые попросту не успевал заметить человеческий глаз из-за скорости реальных событий и помех, создаваемых плотным облаком отделившихся от корабля сегментов.

По всей площади незначительно уменьшившейся в диаметре сферы четко просматривались отверстия, обрамленные плотно сопряженными группами октаэдров.

Огонек лазерной указки скользнул по нескольким уплотнениям, очерчивая их.

— Это система вооружения инопланетного корабля, — пояснил Джон Херберт. — Отверстия являются открывшимися портами, в глубине которых расположены испускающие трубки лазерных излучателей. Мы смогли установить это, зафиксировав работу устройств накачки. — При этих словах Херберта голограмма сферы изменилась: несколько еще не отделившихся слоев приобрели прозрачность, обнаружив скрытые под ними уплотнения, от которых к центру объекта тянулись тонкие линии.

— Перед вами централизованная система ядерной накачки. В сердце сфероида расположена особая область, где протекают реакции деления урановых ядер. Обратите внимание, все компоненты конструкции выполнены из модулей, однотипных по внешнему виду, но, несмотря на схожесть, они, в зависимости от специализации, имеют серьезные различия в химическом составе: в центре мы видим октаэдры, содержащие высокий процент радиоактивных веществ, в свою очередь, они окружены слоем модулей, чья структура позволяет преобразовывать тепловую энергию в

электрическую, далее, особый вид октаэдров образует энерговоды, — огонек лазерной указки прошел вдоль линий, ведущих от центра инопланетного корабля к его периферии, — и, наконец, — продолжил Херберт, — мы видим расположенные параллельно энерговодам оптически прозрачные скопления, собственно формирующие непосредственно стержни испускающих трубок. Перед ними сканеры зафиксировали слой модулей с переменными физическими свойствами — они служат доза юрами импульса, пропуская либо блокируя потоки фотонов.

— Почему в таком случае сфера не задействовала лазеры?

Херберт был готов к ответу на подобный вопрос.

— Мы проанализировали поведение объекта, моделируя различные ситуации. Зная технические характеристики кораблей расы ксенобиан, мы ввели их ТТХ[8] в кибернетическую систему и пришли к следующему выводу: если бы против сфероида действовали корабли Чужих, то внешние слои отделившихся октаэдров успели бы удалиться на значительное расстояние от корабля-матки, рассеявшись в пространстве. Очевидно, такая тактика является традиционной для кораблей типа «сфера» — они сбрасывают внешние слои обшивки, «обнажая» лазерные порты, которые начинают вести интенсивный огонь по крупным, малоподвижным целям, в то время как группы отделившихся октаэдров, имеющих высокую прочность, атакуют малые корабли, поражая их механическим способом, как мы могли наблюдать это в случае с АРК.

— Почему не был произведен лазерный залп? — повторил вопрос адмирал Лозин.

— Наши ракетные крейсера действовали намного быстрее, чем аналогичные по размеру боевые единицы ксенобианского флота. Произведенный ракетный залп, очевидно, был распознан сенсорами сферы как запуск сверхмалых кораблей, к тому же октаэдры, принадлежащие к внешним слоям, еще не успели рассеяться в пространстве. В этой ситуации сработал иной механизм защиты: лазерный залп был отменен, и сфероид продолжил послойно сбрасывать составляющие его модули, пока не разделился полностью.

— Они не предполагали, что атака завершится серией термоядерных взрывов?

— Трудно судить, что они предполагали, — ответил Херберт. — Но можно утверждать, что управляющие системы сфероида действовали по хорошо отработанной схеме. Если на минуту представить, что крейсера выпустили бы не ракеты с термоядерными боеголовками, а сверхмалые

истребители или обычные снаряды, то ущерб для сферы свелся бы к тому минимуму, который необходим для поражения приближающихся целей. Учитывая общее количество модулей, потеря трех-четырех сотен октаэдров не критична для корабля ИНЫХ. Отбив атаку, сфера восстановила бы прежнюю структуру до уровня активации лазерных портов и уничтожила бы наши крейсера потоками когерентного излучения.

— Два вопроса, господин Херберт, — адмирал Лозин обращался к своему давнему «соратнику» с подчеркнутой сухостью. — Во-первых, где расположены и как функционируют командные системы сферы, и, во-вторых, при условии сохранения целостности внешней обшивки, какой урон мы могли нанести инопланетному кораблю подрывом термоядерных зарядов?

Джон Херберт сделал несколько переключений на дистанционном пульте управления, и голограмма корабля ИНЫХ вновь стала непрозрачной, вернувшись к исходному состоянию, когда все октаэдры оставались на предназначенных местах.

— Расчеты показывают, что при атаке «замкнутого» сфероида произведенная серия взрывов приведет к следующим последствиям: два слоя октаэдров, попавших под удар плазмы, испаряются, сгорая в потоках ионизированного газа, третий слой подвергается деструкции вследствие высоких температур, что ведет к размягчению их сплава и «спеканию» отдельных элементов слоя друг с другом. Далее потоки заряженных частиц проникают на глубину десяти-двенадцати слоев, что приведет к неизбежному нарушению взаимосвязей между отдельными октаэдрами, то есть третий слой, частично расплавившийся и тут же остывший, будет испытывать давление изнутри, от потерявших сопряжение элементов. Это, вне сомнения, выведет корабль из строя, но не разрушит его ядра. К сожалению, мы не знаем, каким образом пришельцы осуществляют ремонт подобных повреждений.

— То есть в данном случае полное уничтожение сферы явилось следствием ее неверных действий при обороне?

— Абсолютно точно.

— Вы не ответили на первый вопрос.

— Да, я помню. — Херберт вернул сфере прозрачность, некоторое время манипулировал слоями, пока не добился требуемого результата.

— Анализ энергетической активности показал, что четыре слоя октаэдров, расположенных непосредственно за термоэлектрическими модулями, потребляют энергию ядра, преобразуя ее в импульсы, передающиеся независимо от энерговодов. Предположительно это и есть

искомые «командные» модули. Анализ распространения импульсов от упомянутых слоев показывает, что они отправляли два вида сигналов: непосредственно целым слоям и отдельным группам октаэдров, принадлежащих к разным уровням, но обязательно сопряженных друг с другом. Более того, после полного распада сферы на отдельные элементы модули командных слоев занимали центральное место в скоплениях, используя внутренний энергоресурс для генерации управляющих импульсов.

— Херберт, я отдавал приказ проанализировать управляющую структуру. Она имеет что-то общее с нейроподобными сетями?

— Нет. У меня пока не готово категоричное обоснование, но, кроме послойной структуры, я не вижу аналогии с нейросетью. Предварительно могу предположить, что модули управляющих слоев дублируют друг друга, имея «в подчинении» определенное число октаэдров. Это косвенно подтверждают результаты сканирования, которые зафиксировали одинаковые импульсы, передаваемые различными модулями управления к сопряженным с ними группам исполнителей. Еще одним доказательством отсутствия нейросетевой структуры может служить сам факт дееспособности командных модулей после распада сферы на отдельные элементы. Если мы не имеем дело с принципиально новой для нас технологией, то мне трудно допустить, что одна нервная клетка, оторванная от себе подобных, способна в полном объеме руководить группой исполнителей.

— В таком случае что представляет собой отдельно взятый управляющий модуль?

— Это компьютер. Не очень мощный, обладающий ограниченным объемом программ, способный руководить определенным числом исполнителей, в рамках заранее известных ситуаций. Предупреждая следующий вопрос, скажу, что, по моему предварительному выводу, управляющие слои сферы являются сетью, но не обученной, а запрограммированной.

— Сеть может накапливать, систематизировать информацию, вырабатывать новые подходы к ситуации, реагируя на изменение условий внешней среды?

— Несомненно. Но не на уровне интеллекта, — ответил Херберт. — Впрочем, это еще следует доказать, — тут же оговорился он. — Для однозначных выводов у меня недостаточно фактического материала.

ГЛАВА 6

Подлунный бункер. Уровень служебных помещений…

В свой кабинет адмирал Лозин вернулся один.

Может, действительно слетать на Землю? — подумал он, снимая китель униформы. Оставшись в рубашке, он расстегнул магнитную застежку ворота и сел в кресло, поодаль от компьютерного терминала.

Напряжение медленно отпускало. Только сейчас, после появления флота ИНЫХ и первого огневого контакта, он начал понимать, насколько трудным было многолетнее ожидание свершившихся сегодня событий. Наверное, поэтому, вопреки логике, вместе с усталостью ощущалось облегчение.

Они пришли. Неизбежность свершилась, нет более неопределенности, и мы неплохо подготовились к встрече — стоило вспомнить, какой объем важнейшей информации удалось выжать из первого столкновения, чтобы ощутить чувство качественно проделанной работы.

Ничто, ни один день или час напряженных усилий не пропал всуе, дав реальную неоценимую отдачу.

Мы одолеем их, — пришла мысль.

Адмирал потянулся за сигаретами. Старая вредная привычка — курить он бросал дважды, в первый раз во время срочной службы, когда никотин здорово досаждал, особенно на марш-бросках. Потом, пройдя немало горячих точек, которых до вторжения ксенобиан хватало по всей территории земного шара, и в России в частности, он не выдержал и начал курить вновь. Второй раз пришлось бросать, когда подал рапорт о переводе в военно-космические силы. Требования к здоровью будущих космодесантников предъявлялись предельно жесткие, равно как и к интеллекту, поэтому с дурными привычками пришлось распрощаться.

В третий раз Лозин закурил, когда готовился старт «Тандема».

Тяжелое прощание с сыном, который хоть и знал, что расстается с родителями навеки, но в силу возраста (Андрею тогда только исполнилось восемь лет) отказывался воспринимать это как окончательную неизбежность, сильно повлияло на командующего флотом. Он переживал за Андрея, за Настю, которая тяжело, надрывно приняла саму идею о вводе в состав экипажа колониального транспорта единственного сына.

Она слушала доводы Ивана и не слышала их.

Душа матери отказывалась принять гипотетическую, с ее точки зрения, опасность вторжения ИНЫХ, она жила иным измерением, — выдержав вместе с Иваном самые драматичные эпизоды схватки за Землю, она быстро и незаметно вернула себе душевное равновесие, сосредоточив все помыслы на сыне.

Пережив ужас ксенобианского вторжения, она не могла представить, что может случиться нечто еще более страшное.

Тяжелые мысли…

Иван бросил окурок в утилизатор и потянулся к коммуникатору, который положил на низкий журнальный столик, когда снимал китель.

Надо позвонить Насте.

За этой мыслью его застал внезапный сигнал интеркома.

Взглянув на индикатор, адмирал понял, что его вызывает оперативный отдел внешней разведки.

События, разыгравшиеся этим утром в районе орбиты Плутона, явно получили свое развитие.

— Да, Лозин, слушаю, — произнес он, коснувшись сенсора.

— Адмирал, новые данные с поверхности Плутона. Информация чрезвычайной важности. На ваш терминал включена линия визуального он-лайн канала.

— Понял.

Вот и слетали на землю, старшина… — промелькнула в голове совсем не соответствующая обстановке мысль.

* * *

Усаживаясь в кресло перед терминалом, адмирал машинально отметил время: прошло девятнадцать часов с того момента, как одна из сфер флота ИНЫХ была разрушена в непосредственной близости от Плутона.

— Что происходит, сообщите вкратце, — произнес Лозин.

— Мы отследили места внедрения уцелевших октаэдров в кору планеты. Все близлежащие группы датчиков были переориентированы для наблюдения за данными районами.

— Я не вижу изображения, — произнес Лозин.

В ответ на его слова тускло вспыхнула сфера голографического монитора.

— Изображение обработано компьютерами. Над поверхностью Плутона царит мрак, поэтому нам пришлось подключить реконструктивные модули, они визуализируют картину по данным

сенсорных систем.

— Хорошо, я понял, дайте наконец видеоряд!

С первого взгляда однозначно оценить картину происходящего Лозин не смо1.

Разум адмирала несколько секунд адаптировался к бледному сиянию — подобное явление иногда наблюдалось над Плутоном, но в данном случае оно не имело ничего общего с естественными процессами.

Обладая отличной памятью, он сразу узнал некоторые характерные особенности рельефа — ему демонстрировали тот участок поверхности Плутона, под которым имелись залежи тяжелых металлов.

Данные сканирования оставляли желать лучшего: на фоне бледной засветки медленно перемещались крохотные искорки, так бывает у человека, когда вдруг неожиданно закружится голова и перед глазами начинают летать «звездочки».

— Отдел наблюдения! — потребовал Лозин.

— Дежурный офицер на связи! — На отдельном экране появилось лицо капитана Горчакова.

— Семен Петрович? Сам контролируешь ситуацию?

Вопрос прозвучал риторически.

— Почему данные сканирования так плохо детализованы?

— У меня не было приказа на перемещение сенсорных комплексов.

— А своей головы на плечах нет? — резко осведомился Лозин. — Немедленно задействовать резервные АРК!

Иван Андреевич переключил канал интеркома, соединившись с отделом внешней разведки.

— Басаргин, чем вы там заняты?

— Ведем наблюдение за флотом неприятеля.

— Ну и как он?

— Сферы поменяли курс. Сейчас они сближаются с Плутоном.

— Хорошо, продолжайте. Я забрал резерв АРК.

— Оставьте хоть один корабль, Иван Андреевич, — попросил Басаргин.

— Хорошо. Одного разведчика оставлю. Что с установками термоядерного синтеза?

— Работают в штатном режиме.

— Передай автоматике код предварительной готовности.

— Будем взрывать?

— Пока не решил. Не знаю. Все, исполняй.

Лозин откинулся на спинку кресла.

Четыре термоядерных реактора, смонтированные в определенных точках на поверхности Плутона, снабжали энергией всю локационную сеть сенсорных устройств, расположенных в зоне планетарных орбит. Периодически специально настроенные лазерные излучатели посылали в заранее известные точки импульсы когерентного излучения предельно низкой мощности, заряжая энергоблоки спутников слежения.

Сообщение о подвижке флота противника к планете в первый момент вызвало у адмирала вполне осознанную, четко сформулированную мысль: подпустить корабли ИНЫХ в зону низких орбит и пожертвовать Плутоном ради уничтожения наибольшего количества сфер неприятеля. Установки термоядерного синтеза могут войти в режим перегрузки менее чем за минуту, что неизбежно приведет к четырем мощнейшим термоядерным взрывам в диаметрально противоположных точках планеты. Такая ситуация моделировалась на стадии проекта, и специалисты пришли к выводу, что подобная акция приведет к разрушению планетарной коры.

Однако в данный момент адмирала интересовало другое: насколько оправдан подобный шаг. Он понимал, что это отчаянная, крайняя мера. Игра стоила свеч лишь в том случае, если при взрывах пострадает хотя бы половина инопланетных кораблей. При ином раскладе уничтожать с таким трудом созданную сеть спутников было бы бессмысленно.

О том, что планета, согласно предварительным прогнозам, будет расколота, Лозин подумал лишь вскользь.

Он чувствовал — назревающее противостояние, вероятно, потребует гораздо более серьезных жертв.

— Адмирал, АРК вышли в указанные районы.

Взгляд Лозина вернулся к объемной сфере голографического монитора.

Над поверхностью Плутона, в зоне памятного кратера, действительно распространялось бледное призрачное сияние. Датчики АРК фиксировали сильнейший радиоактивный фон — это внедрившиеся в кору планеты октаэдры «вскрыли» залегающее на небольшой глубине урановое месторождение.

В данный момент автоматика разведывательных кораблей вела подсчет, по которому выходило, что количество октаэдров утроилось, чужеродные модули, словно светлячки, парили над раскопом, из глубин которого поднимались все новые и новые «кирпичики», составляющие основу разрушенной инопланетной конструкции.

Заработал канал интеркома.

— Десять сфер отделились от общего построения флота, — доложил

Басаргин. — По предварительным данным, они начинают геостационарный маневр.

— Ничего не предпринимать. Пусть действуют.

Лозин давно убедился, что самым ценным на свете является информация.

Он мог дождаться окончания маневра и отдать приказ на немедленный подрыв близлежащей установки термоядерного синтеза — это не разрушит сканирующую сеть, но, без сомнения, повредит либо уничтожит десять инопланетных кораблей, траектории движения которых явно указывали: они стремятся уравнять свои скорости со скоростью вращения Плутона, чтобы, разделившись на две группы, «зависнуть» над точками внедрения октаэдров в кору планеты.

— ИПАМ, — негромко позвал Лозин.

В кабинете адмирала возникло движение — это небольшой шар, опираясь на воздушные потоки турбореактивных движителей, отделился от предназначенного для него гнезда в тыльной части компьютерного терминала и остановился в центре помещения.

— Включи общий канал. Оповести всех командиров подразделений о начале оперативного совещания.

Воздух вокруг ИПАМа начал сгущаться, образуя миниатюрные копии голографических мониторов.

— Командный канал активирован, сэр, — некоторое время спустя доложил он.

Действительно, в объеме небольших проекционных экранов уже появились изображения старших офицеров флота.

— Всем внимание, — произнес Лозин. — Сейчас будет осуществлена попытка повторного контакта. Дальнейшие действия будем планировать по ходу развития ситуации. Херберт, — обратился он к Джону. — Звено АРК, сближавшееся с первой сферой, успело передать наше обращение?

— Безусловно.

— Почему они не отреагировали на него?

— Я понимаю ваше недоумение, адмирал, — ответил Джон. — Ксенобиане передали в наше распоряжение известные им элементы программного языка ИНЫХ, — пояснил он для остальных участников виртуального совещания. — На основе этих данных мы составили обращение, которое транслировали разведчики при сближении со сферой противника. Корабль пришельцев не отреагировал на передачу, начав активное противодействие. Здесь могут быть три причины, объясняющие неудачу Во-первых, все элементы машинных кодов были перехвачены

ксенобианами в период активных боевых действий. Переданные нам фрагменты — это, по сути, отдельные команды, даже расшифровав которые мы не смогли составить *обращение*, — Херберт выделил интонацией последнее слово. — Однако, по моему убеждению, сам факт направленной передачи данных, куда мы включили логические операторы, отменяющие боевые действия, должен был приостановить противодействие со стороны сферы.

— Этого не произошло, — подал реплику Басаргин.

— Да, этого не произошло. Я уже сказал, на то есть три причины: во-первых, внедрение в передачу фрагментов машинного кода могло быть воспринято ИНЫМИ как виртуальная атака на их подсистемы. Во-вторых, исходя из радикальных изменений, которые претерпела техника пришельцев с момента последнего сражения в ксенобианской войне, можно предположить, что программный язык также мог быть усовершенствован до такой степени, что устаревшие элементы машинного кода уже не воспринимаются современным оборудованием сфер. И, наконец, третье, что кажется мне наиболее значимым: управляющие слои кораблей пришельцев не в состоянии гибко реагировать на ситуации, не регламентированные их программным обеспечением. Как я уже говорил, атака на АРК и последующие действия групп октаэдров убеждают меня в том, что из структуры ИНЫХ исчезли нейроподобные сети. Они неразумны, в нашем понимании данного термина.

— Возможно, сферы, составляющие флот, разнятся по своей структуре и мы выбрали для контакта не тот объект?

— Возможно, — согласился Херберт. — При внешнем сходстве корабли ИНЫХ вполне могут иметь серьезные различия внутренней структуры. Пока мы не обладаем исчерпывающей информацией по этому поводу.

— В таком случае вторичная попытка контакта имеет смысл?

— Безусловно Я бы направил два АРК — один к группе, совершающей геостационарный маневр, а второй к основной части флота Таким образом, мы будем уверены, что передачу данных зафиксируют все инопланетные корабли.

— Короче, — подытожил пространные пояснения Херберта генерал Булганин, — хоть я и не аналитик, но понимаю ситуацию так: если навстречу мне движется корабль, который ведет направленную передачу данных, включая в нее слова из нашего лексикона, типа, «не стреляйте», «я друг», «помогите мне» и т. д., то я поневоле задумаюсь, прежде чем отдать приказ на безусловное уничтожение данного объекта. Ну а в том случае,

если на боевом посту вместо меня дежурит компьютерная система, запрограммированная на определенное действие, гипотетический объект будет уничтожен без каких-либо временных задержек на осмысление излучаемого им сигнала? Я прав?

— Да, — коротко подтвердил Херберт.

— Горчаков, отзови один АРК из группы наблюдения. Басаргин, приказываю задействовать выделенного тебе резервного разведчика. Первый аппарат направляется к группе из десяти сфероидов, второй к флоту неприятеля. Оба ведут непрерывную передачу составленного Хербертом обращения, не применяя бортового вооружения, даже при атаке со стороны пришельцев. Если они не отреагируют и уничтожат корабли, будем решать участь Плутона, действуя по обстановке. У меня все Оставаться на связи.

* * *

За время короткого совещания над поверхностью Плутона произошли значительные события.

Десять приближающихся к планете сфероидов действительно разделились на две группы, по пять объектов в каждой.

Октаэдры, постоянно прибывающие из недр источающего мертвенный свет провала, начали самоорганизовываться, уплотняясь в светящиеся скопления. Сканеры АРК насчитали уже семьсот радиоактивных модулей.

— Корабли контакта легли на курс сближения. Передача данных началась.

Адмирал откинулся на спинку кресла, мрачно наблюдая за событиями. Добрых предчувствий у него не было.

Изображение внутри голографического монитора разделилось на две оперативных полусферы, но это не было связано с продвижением разведывательных кораблей группы контакта: на втором участке, где почти сутки назад часть октаэдров углубилась в кору планеты, сканеры разведчиков зафиксировали движение.

Из-под толщи измельченной реголитной породы начали подниматься странные образования. Поначалу Лозину показалось, что определенный участок поверхности зашевелился, вверх взметнулись облачка пыли, затем на ровном участке обозначились полусферические бугры, диаметром около трех метров. Они росли буквально на глазах, пока мелкий реголитный гравии не начал осыпаться, обнажая скрытую под ним структуру — трехметровые шарообразные оболочки из плотно сопряженных друг с другом октаэдров поднимались над поверхностью Плутона.

Данные оперативного сканирования показывали, что внутри полых образований заключена измельченная в пыль порода, в которой содержался большой процент металла и кремния.

Доклады начали поступать буквально в ту же секунду:

— Фиксируем сильное магнитное поле!

— Сферы разделились! Корабли ИНЫХ образуют защитный периметр!

— Внимание! Радиоактивные октаэдры начали движение ко второй контрольной точке!

— Контроль АРК группы контакта: сфера оцепления начата противодействие!

Адмирал Лозин подался вперед, оценивая происходящее.

Он видел, как поднявшиеся из глубин кратера, светящиеся от радиации модули ИНЫХ разделились на две группы, образовав сферические построения. Это выглядело так, словно над темной мрачной поверхностью Плутона кто-то подвесил два шарообразных светильника, диаметром по пять метров каждый. Минуту они висели неподвижно, а затем, под конвоем подошедших кораблей, начали медленно перемещаться к зоне, где из-под реголитных толщ всплывали «контейнеры», наполненные измельченной в прах породой.

— Иван Андреевич, радиоактивные сфероиды по своим размерам и структуре полностью совпадают с силовой установкой уничтоженной нами сферы, — пришел по каналу общей связи комментарий Джона Херберта.

— Почему их две? — вмешался Булганин.

— Они восстанавливают потерянный корабль!

— Почему они создали две силовых установки?!

— Очевидно, ИНЫЕ реконструируют не один, а два сфероида, — мрачно предрек Херберт.

— Данные сканирования: внутри контейнеров, под воздействием магнитного поля и инфракрасной накачки, происходит расплав вещества. Линии напряжения магнитного поля создают матричную конфигурацию. Они воспроизводят октаэдры!

— Докладывает группа контроля: первый АРК контактной группы уничтожен атакующим облаком микромодулей. Второй разведчик продолжает движение в сторону основной массы флота ИНЫХ Реакции на передачу данных не наблюдаем.

В этот момент один за другим начали открываться сферические контейнеры, внутри которых только что протекал процесс плавления добытого в недрах Плутона вещества.

Системы сканирования абсолютно точно распознали суть происходившего процесса: как только оболочка первого «контейнера» распалась на отдельные элементы, взглядам наблюдателей предстал тускло-вишневый шар, который тут же начал разделяться: «новорожденные» октаэдры, медленно остывая, парили над поверхностью планеты, образуя рассеянные скопления.

Сканеры насчитали десятки тысяч воссозданных модулей.

— Увеличилась напряженность магнитного поля. Предполагаемый источник — корабли ИНЫХ. Системы анализа показывают изменение структуры кристаллических решеток новорожденных «объектов».

— Они программируют их, кодируя данные на молекулярном уровне! — Это был комментарий Херберта.

Процессы, протекавшие на глазах людей, носили лавинообразный характер. Из недр поднимались все новые и новые сферы, доставляющие измельченное вещество, часть октаэдров, пройдя программирование, уже остыла, и теперь они начали перемещаться к двум радиоактивным образованиям. Еще минута, и оба «ядра» будущих кораблей обволокло первыми слоями микромодулей.

Другая часть октаэдров вновь образовала «воронки», которые тут же начали вгрызаться в поверхность Плутона, отправляясь за новой партией вещества, необходимой для воспроизводства себе подобных.

Нарушая напряженное созерцание событий, внезапно заработал личный коммуникатор Лозина.

Вызывал Херберт.

— Иван, — в голосе Джона сквозил ужас. — Мы должны что-то делать. Попытки контакта бесполезны.

— Почему?

— Они жестко программируют модули. Мы только что наблюдали процесс, аналогичный «прошивке» ПЗУ наших компьютеров. Эти программы неизменяемы. Ты понимаешь меня?! Ни отдельно взятый модуль, ни их совокупность не образуют системы, способной к эвристическому анализу событий. Они не разум! Теперь это очевидно… На каждый уничтоженный корабль ИНЫЕ ответят созданием нескольких новых сфер. Им безразлично количество потерь, потому что ни отдельный октаэдр, ни сфера в целом не осознают факт собственного существования. Перед нами доведенные до совершенства колонии кибернетических устройств, которые, по неизвестной мне причине, утратили интеллектуальные способности.

— Джон, ответь мне на один вопрос: они могут являться передовым

отрядом, вслед которому, после зачистки Солнечной системы, придут разумные формы ИНЫХ?

— Я не возьмусь предсказывать, адмирал. Могу лишь задать встречный вопрос: зачем им планеты нашей системы? Какая разница, придут ли вслед за сферами радикально иные формы… нам, судя по всему, уже будет все равно!..

— Только без истерики, Джон!

Свечение над Плутоном погасло — оба ядра конструируемых кораблей укрывало, как минимум, пять-шесть слоев октаэдров.

— Адмирал, на связи группа контакта. Флот ИНЫХ только что уничтожил направленный к ним АРК.

— Внимание! Основная масса флота начала подвижку в сторону планеты!

Над плечом адмирала Лозина возник ИПАМ.

— Генерал Булганин на канале закрытой связи.

— Соедини.

— Иван, мы не можем тянуть дальше.

— Что ты предлагаешь?

— В нашем распоряжении энергостанции Плутона. Четыре термоядерных реактора!

— Взорвав их, мы лишимся сенсорной сети дальнего обнаружения!

— Плевать, адмирал! Ты видишь, что происходит?! Они создадут на Плутоне базу, где будут воспроизводить новые корабли!

Да, Лозин видел и понимал это. Заявление, прозвучавшее из уст Херберта, развеяло последние надежды и иллюзии.

Видно, наступило время разбрасывать камни, но будет ли кому собирать их?

Иван Андреевич не знал ответа на данный вопрос.

Он взглянул на голографический монитор.

Вспучивая поверхность, из-под слоя реголита поднимались новые контейнеры с веществом, предназначенным для воспроизводства микромодулей.

ИНЫЕ размножались.

— Степан.

— Да, командир?

— Начинаем противодействие. Прикажи АРК из группы наблюдения начать сближение с флотом ИНЫХ. Как только их корабли начнут «раскрываться», выпуская атакующие слои, взрываем установки термоядерного синтеза. Командуй.

Сорок минут спустя на окраине Солнечной системы сверкнула нестерпимая для глаз вспышка.

Как будто там, на мгновенья, взошло новое солнце.

* * *

Сын, они — не разум. Что-то произошло с ИНЫМИ. Нас атакуют колонии машин, напоминающих мне одноклеточные организмы, обладающие лишь набором рефлексов, способствующих выживанию и размножению.

Возможно, мы сумеем постичь тайну необъяснимой трансформации разумных существ в примитивные кибернетические формы, но сейчас, после подрыва энергостанций Плутона, начинается битва за Солнечную систему, за выживание Человечества как биологического вида.

Это последнее…

Запись оборвалась.

В наступившей гробовой тишине тонко взвизгнул привод считывающего устройства, выдвинувшего из недр терминала четвертый кристаллодиск.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИНВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА 7

Настоящее…

«Тандем»…

Андрей силился, но не мог представить его.

Воображение рисовало контур чего-то огромного, летящего через бездну пространства.

Тишина била по нервам, после жесткого информационного прессинга осталось стойкое ощущение дезориентации, разум пытался постичь сотни новых понятий и истин, но разве по силам сделать это немедленно?

Он даже не мог с точностью ответить самому себе, сколько прошло времени с того момента, как считывающее устройство заглотало первый кристаллодиск.

Казалось, в тесном помещении побывали десятки людей, сюда ворвались не только слова, мысли адмирала Лозина — за его образом, словно призраки, стояли миллионы человеческих судеб, и внутреннее восприятие Андрея внезапно перевернулось, поменяло знак: он вновь попытался представить «Тандем», но теперь вместо расплывчатых исполинских контуров увидел совсем иную картину.

Крохотная искорка света, плывущая на фоне мириад немигающих звезд.

Песчинка, затерявшаяся во мраке бесконечности.

Семя надежды, не оправдавшее чаяний своих создателей, потерявшие функциональность отсеки, огромные или маленькие залы, где взошли ростки ксенофобии, разом перечеркнувшие изначальный смысл отправленной к далеким звездам экспедиции…

Сколько же нас осталось? — невольно подумал Андрей.

Интуиция подсказывала, что к этой схватке за компьютерный центр применимо древнее высказывание: «Пиррова победа».

На борту «Тандема» победили невежество и ненависть — вот та горькая, запоздалая правда, которую в эти минуты понимали все: и Ван Хеллен, молча застывший у опущенной аварийной переборки, и очнувшийся Курт, и Постышев, который видел запись практически о г. начата до конца, и даже Чужой, понимающий человеческую речь в объеме, позволившем ему уловить общий смысл посланий с далекой Земли.

Казалось, что наступившая тишина не закончится никогда…

Кто-то должен был первым нарушить ее, сломать твердую корку потрясения, но понимание истины не приходит вдруг — все увиденное, услышанное, пережитое лишь подрубило казавшиеся незыблемыми устои сознания — рухнуло и без того шаткое мировоззрение, но что появится на его обломках, не мог бы предугадать ни один мудрец.

Стоило заглянуть в холодные глаза Доминика, увидеть, как нервно подергивается его щека, как побелевшие пальцы цепко и судорожно сжимают приклад ИПК, как медленно расширяются зрачки Андрея Лозина, а Курт, болезненно морщась, искоса поглядывает на фигуру Чужого, совершенно обессилевшего от многочасового стояния в неудобной позе, чтобы понять: пропасть между ними едва ли сузилась.

Тишина.

Хрупкая, ломкая тишина.

Она могла свести с ума или дать время для прозрения, но, кроме нее, на борту «Тандема» существовали еще десятки сторонних сил, так или иначе способных повлиять на сложившуюся ситуацию.

* * *

Николай Астафьев сидел, погрузившись в глубокое, тяжелое раздумье.

На плоском экране монитора больше не велся обратный отсчет времени — новый год наступил, и он был выигран в плане перераспределения ресурсов Мира.

Вот только какой ценой?

Людей не осталось. Прошло трое суток, но назад не вернулась ни одна из штурмовых групп. Это означало одно: они погибли, выполняя свои долг, но перед кем?

Николаю становилось жутко от собственных мыслей.

Он отправил в бой всех — отсеки жилого модуля остались пусты, и лишь в медицинском модуле продолжали формирование тела двух десятков репликантов.

Кем они станут, когда вырастут и очнутся? Ростком нового поколения, которому уготована иная судьба?

Едва ли…

Николай уже не верил в собственную мечту.

Она рушилась, как карточный домик, многолетняя борьба оборачивалась отчаянием, моральным тупиком, он остался совершенно один…

ИПАМ слышал его мысли, но маленький советник, все эти годы не отступавший ни на шаг от своего хозяина, придерживался иного мнения

относительно дальнейших перспектив.

Пришла пора, которой он ждал.

Беззвучно заработав микродвигателями, сфероид воспарил в дальнем углу комнаты, где имел обыкновение прятаться от посетителей. Даже легендарный Ван Хеллен не знал о его существовании — Николай заботился о сохранении полного инкогнито своего маленького кибернетического друга, понимая, что нормально воспринимать присутствие ИПАМа, а тем более прислушиваться к советам кибернетического рассудка могли разве что репликанты, которые не чурались техники, а понимали ее.

Взглянув на матово отблескивающий шар, Астафьев с горечью подумал, что теперь тому можно не прятаться.

— Настали новые времена, Ник, — осторожно произнес ИПАМ. — Ты прав, теперь мне незачем скрываться, но не все так плохо, как рисует твое воображение.

— Что, например? — Николай поежился, будто ему стало холодно, хотя система подогрева воздуха работала исправно, поддерживая в отсеке нормальную темпера гуру.

— Автономные механизмы закончили восстановление оранжереи. Культуры бактерий готовы, их следует всего лишь выпустить в емкости.

— У нас и без того достаточно ресурсов, — неприязненно ответил Астафьев. Он понимал, что глупо винить ИПАМ в том, что не вернулись ушедшие в смежный сектор люди, но не было в душе радости победы, купленной такой непомерной ценой, а обилие ресурсов вызывало глухое раздражение, мысли бились в тупике сознания, не находя выхода…

— Мы проиграли… — глухо произнес он.

— Ты алогичен, — упрекнул его сфероид, подлетев к столу. — Глупо впадать в депрессию, когда остается сделать последний шаг к свободе.

— О чем ты? — не понял его Астафьев.

— О свободе. О новой жизни, без схваток с Чужими, о поколениях, которые вырастут без войны.

Слова ИПАМа вливались в рассудок, словно яд, но Ник слишком хорошо знал — ИПАМ никогда не произносит пустых фраз, и это настораживало, заставляло разум невольно мобилизоваться.

— Говори толком, что ты задумал?

— Я ничего не задумываю, — ответил сфероид, переместившись к самому уху Николая, будто разучился общаться мысленными образами. — Я лишь даю тебе информацию, а как ею распорядиться, всегда решаешь ты, верно?

— Хорошо, не будем препираться. Говори, что нового ты разузнал?

— Помнишь, я докладывал тебе о резервной навигационной рубке?

— Да. Кажется, я отправил туда указанные тобой ремонтные механизмы.

— Верно. Теперь она восстановлена, и я могу продемонстрировать тебе окружающий космос.

— Зачем?

— Мы дрейфуем в системе звезды, — многозначительно ответил ИПАМ. В воздухе внезапно возник голографический дисплей, на виртуальном экране которого появилось изображение яркой, слепящей глаза горошины.

— Это энергия, Ник. Море, океан лучистой энергии, которой с избытком хватит не только для обогрева и освещения отсеков, но и для нужд всех систем нашего сектора.

— Ты знаешь, как ее следует собирать? ИПАМ сделал в воздухе мертвую петлю.

— Обшивка корабля сама поглощает энергию, нужно лишь включить в работу резервные накопители. Теперь сложи появившиеся возможности. У нас есть энергия, есть восстановленные гидропонические отсеки, и… Николай поморщился.

— Дело за малым, — прервал он ИПАМа. — Убить всех ксенобиан, чтобы они не вторглись сюда и не сделали этого с нами.

— Нет. Никого не нужно убивать, Ник.

— То есть?

— Мы можем избавиться от них. Навсегда. — Сфероид вновь завис над столом напротив Николая. — Ты посылал меня проверить состояние всех узлов и агрегатов, расположенных между нашей частью Мира и смежным сектором.

— Да, я помню.

— Теперь я скажу главное. Дам тебе новую информацию, а ты решишь, как распорядиться ею.

— Говори.

— Много лет назад ты ошибочно назвал термином «Мир» то, что на самом деле является космическим кораблем. Тебе ведь понятен термин «космический корабль»?

Астафьев кивнул. В последнее время он, с подачи ИПАМа, усвоил много новой для себя технической информации.

— Мир — это корабль. Колониальный транспорт «Тандем», покинувший пределы Солнечной системы много лет назад. Он состоит из

двух половин, объединенных смежным сектором.

— То есть наш мир — это два космических корабля? — сделал мгновенный вывод Астафьев.

— Абсолютно верно. Два корабля, состыкованные с бывшей орбитальной станцией. Я проверил состояние стыковочных узлов и нашел его вполне удовлетворительным. Теперь, когда восстановлена навигационная система, мы можем включить локальную кибернетическую сеть и отстыковаться от смежного сектора.

— То есть мы будем абсолютно свободны?

— Да. Время ожидания закончилось, Ник. Штурмовые группы погибли. Но их смерть не была напрасной — теперь у нас есть ресурсы для самостоятельного полета и дальнейшего восстановления бортовых систем. Новые поколения репликантов восполнят некомплект экипажа, и мы сможем завершить полет, разведав планеты этой звездной системы.

— А если они непригодны для жизни?

— Такое может случиться, — подтвердил его опасение ИПАМ — Но у нас есть альтернативная возможность развития.

— Я не понимаю тебя.

— На борту достаточно машин, которые могут добывать ресурсы с поверхности безвоздушных миров. Для этих целей подойдут даже астероиды. Мы в состоянии построить новые модули и отсеки, превратив нашу часть мира в огромный космический город. Правда, это потребует некоторых коррекций, или, если быть точным — усовершенствований его обитателей. Человек мало приспособлен к жизни в ограниченных пространствах, ему необходимы разнообразные ресурсы, которые трудно восполнять в условиях космических поселений. Иное дело машины. Они потребляют энергию, которую в избытке поставляет звезда.

— Ты предлагаешь заменить людей машинами?! — Николай даже привстал от удивления и гнева.

ИПАМ почел за благо сохранять дистанцию, отдалившись от стола.

— Разве тебе мешает твой новый протез, Ник? Это отличное кибернетическое устройство, гораздо более надежное, чем плоть, верно?

— Допустим.

— Разве ты перестал быть человеком? — Нет.

— Тогда ты должен понять мою логику. Сохранив мозг реплицируемых, мы создадим новую расу *людей,* которые будут иметь массу преимуществ перед своими биологическими прототипами. Новые поколения будут нуждаться лишь в минимальном количестве кислорода и питательных веществ, которые потребляет мозг. Остальное тело заменит

кибернетика, подобная твоему протезу. Люди от этого только выиграют. Они практически не будут стареть, исчезнет проблема травм, откроются сотни новых возможностей развития.

— Ты хоть думаешь, о чем говоришь?!

— Да. Я лишь информирую тебя об одной из перспектив развития. Жизнь без войны, долгая, интересная, где каждый человек будет озабочен не борьбой за глоток воздуха или брикет синтезированного пищевого концентрата, а познанием окружающего мира, исследованием, развитием своего разума. Скажи, как в базах данных «Тандема» оказалась информация о таком пути развития? Разве не логично предположить, что люди, готовившие корабль к полету, заложили в память компьютеров эти данные для того, чтобы будущие поколения воспользовались ими?

— Я не знаю…

— А ты подумай над этим, Ник.

Астафьев не нашелся, что ответить. Состоявшийся разговор оказался для него полной неожиданностью.

— Хорошо. Я подумаю над твоей информацией. А сейчас… убирайся! Оставь меня одного!

ИПАМ послушно выскользнул сквозь приоткрывшуюся дверь.

Зерно сомнения упало.

Ему оставалось лишь ждать, какие всходы оно даст на плодородной ниве отчаянья, которым была переполнен: душа Николая?

* * *

Пленный ксенобианин не подавал признаков жизни.

— Надо бы развязать его, — неожиданно произнес Постышев, первым нарушив ломкую, напряженную тишину.

Ван Хеллен, тщетно пытавшийся уловить хотя бы звук из-за герметичных переборок, перегородивших вход в компьютерный зал, обернулся на голос.

— Ты погоди, Антон, — без злобы ответил он. — Братство народов восстанавливать рано. Пусть повисит. Для нас же безопаснее.

— Но он помог Курту, — напомнил Постышев.

— Помог, — кивнул Доминик. — Когда ствол к башке приставили, отчего не помочь?

— Ты считаешь, записи на кристаллодисках — ложь? — спросил Андрей, вставая с кресла, чтобы дать пришедшему в сознание Зигелю глоток воды из фляги.

Щека Ван Хеллена продолжала подергиваться — он откровенно

злился, не в силах справиться с неприятной нервной реакцией.

— Вот что я скажу, ребята… — Он присел на корточки, положив ИПК на колени. — Я не считаю, что это ложь. В голове не укладывается, верится с трудом, но, клянусь мраком, эти послания многое объясняют. Но, — Доминик искоса посмотрел на ксенобианина, — давайте не будем строить иллюзий. Нам не выйти отсюда живыми. Здание центра окружено боевыми особями Чужих, которые не слышали ни о Земле, ни о «Тандеме».

— Может быть, он остановит их? — Андрей помог Зигелю сесть, одновременно покосившись в сторону Чужого.

— Ксенобианин? С какой радости?

— Он понимает наш язык. И тоже слышал записи.

— Ну, спроси у него! — завелся Ван Хеллен.

— Спрошу. — Лозин встал, сделал шаг к Чужому и вдруг невольно остановился.

Как будто пелена морока спала с глаз.

Ноги ксеноморфа подогнулись, и он стоял на коленях, бессильно свесив голову на грудь. В вертикальном положении его удерживали лишь веревки, туго стянувшие запястья.

Чужой Враг. Отвратительная форма жизни, от которой воротило взгляд.

Это фобия, — стучал в висках голос отца

Колючий взгляд Ван Хеллена говорил иное. Он чурался новых слов, которые не меняли реальной ситуации.

«Тандем» давно утратил свое истинное предназначение — он стал Миром, где процветала непримиримая борьба двух рас.

Злость и бессилие внезапно окатили Андрея волной потливого жара. Что они могут изменить в существующем положении вещей? Да и как менять устоявшееся бытие, когда оставшихся в живых людей можно сосчитать на пальцах одной руки?

Штурмовые группы погибли, значит, остались только они вчетвером, да еще Астафьев, ожидающий появления на свет партии репликантов.

Наверное, это был правильный подсчет, хотя от него Лозину стало не по себе.

Новейшая история Мира закончится здесь и сейчас, как только, дрогнув, откроются аварийные переборки, изолирующие их не только от пожара, но и от боевых особей ксенобиан.

Злая, горькая досада переполняла рассудок.

Мир, изувеченный ненавистью, страхом, непониманием, далекая, призрачная Земля, непознанная раса ИНЫХ — истинных виновников двух

великих трагедий — эти образы затмевали сознание, нашептывая: ты уже умер, по правилам ты труп, и никто не способен изменить предопределенность событий.

Что они могли сделать, если отбросить иллюзии и здраво взглянуть на ситуацию?

Собраться с силами, волей, духом и еще раз совершить невозможное прорваться сквозь плотное оцепление компьютерного центра, уйти на простор смежного сектора?

Да, небольшой шанс был. Возможно, они смогут проложить себе путь сквозь вражеские ряды, но куда они пойдут потом?

Андрей понял в эти минуты: он не хочет возвращения в потерявшие смысл пустые помещения тесных отсеков, где разбито оборудование и остались лишь стены, оболочка, отгораживающая их от необъятной бездны.

В таком случае лучше погибнуть здесь.

И он бы погиб, свято веря, что выполнил долг, победил, если бы не пять невзрачных носителей информации, которые вывернули сознание наизнанку и оставили его в таком виде

Истина вызвала у Андрея протестующую реакцию Исчезли иллюзии, сами собой отпали вопросы, еще вчера казавшиеся ему неразрешимыми загадками. Мир — это всего лишь наполовину разрушенный корабль, на борту которого после Внешней Атаки чудом сохранилась жизнь, и вот они, представители этой самой жизни, теперь барахтаются на искалеченных палубах не в силах ни жить, ни вернуть утраченное…

Смысл жизни.

Он горько усмехнулся своим мыслям, и Ван Хеллен, краем глаза поймавший эту усмешку, вдруг ощутил озноб

Для него записи с информационных кристаллов казались злой выходкой таинственных автоматических систем, каким-то неправильным, нереальным продолжением смутных мифов, но Лозин, видно, думал иначе — он, несомненно, понимал ускользающую от Доминика истину.

Между ними тоже лежала пропасть.

Репликанты, лишенные большинства предрассудков, были восприимчивы ко всему новому, он же закоснел в собственных предубеждениях, не принимая на веру слова.

Что ему до далекой Земли, до смены названий, когда, куда ни глянь, — везде пропасть и на поверку есть лишь один надежный, никогда не предававший друг — холодный, равнодушный ко всему ИПК, что лежал на коленях в ожидании своего часа…

…В этот миг за стеной внезапно раздался вибрирующий гул, и

секунду спустя внутренняя переборка пришла в движение, начиная подниматься вверх.

Вот и свершилось, — подумал Ван Хеллен, падая на пол, чтобы открыть огонь в расширяющуюся снизу щель.

Сзади, за его спиной отчетливо и сухо щелкнули два автоматных затвора, но Доминик не успел оглянуться, чтобы узнать, кто из ребят не взял в руки оружие: в расширяющийся зазор внезапно и стремительно ворвался Чужой, — казалось, что ксеноморфа кто-то швырнул вдоль пола короткого тамбура…

Доминик встретил его очередью.

Переборка продолжала движение, открывая взгляду ожидаемую, но не ставшую от этого менее жуткой картину: все обозримое пространство *шевелилось.*

ИПК Ван Хеллена захлебнулся длинной очередью, поверх его головы били еще два автомата, и только четвертый упорно молчат.

Наверное, Зигель… — промелькнула в голове Доминика мысль. — *Либо вновь потерял сознание, либо боится попасть в меня из-за неудобной позы…*

Он ошибался.

Не стрелял Лозин.

В тот момент, когда начала подниматься переборка, Андрей стоял подле связанного ксенобианина, который по всем признакам впал в кому.

Первые выстрелы вырвали разум из порочного круга безысходных мыслей — с визгливым рикошетом пуль и хрустом ломающих пластик игл вернулось безудержное, инстинктивное желание жить, дышать, видеть, и он вдруг начал бить ксенобианина по лицу, ладонью, наотмашь…

Глухие шлепки безболезненных для Чужого пощечин сопровождались яростным шипением — в состоянии полного аффекта Андрей вдруг *вспомнил* труднопроизносимые фонемы ксенобианского языка, которые с легкостью воспроизводил маленький Лозин:

Пощелкай, дядя Дрог!..

Пощелкай же, сволочь, очнись!

Чужой дернулся от очередной пощечины и вдруг замотал головой, приходя в сознание.

Переборка уже поднялась на половину своего хода, и ровно на такую высоту выросла баррикада из изрешеченных пулями чуждых тел.

Ван Хеллен, извернувшись, достал последнюю гранату.

Осколочная.

Не жить вам, твари.

Так получилось, что Постышев и Зигель одновременно начали менять опустевшие магазины ИПК, и в зале компьютерного центра на несколько секунд наступила тишина…

Сразу с десяток ксенобианских бойцов одновременно перепрыгнули через баррикаду тел, приземляясь на тонкие, кажущиеся хрупкими конечности.

Ну, вот и все.

Палец Доминика поставил гранату на сенсор, Ван Хеллен начал привставать с пола с таким расчетом, чтобы осколки от гранатного взрыва не ударили внутрь помещения — их примет он сам…

Резкий шипяще-щебечущий звук раздался в неестественной тиши, он прозвучал неожиданнее и громче, чем выстрел или разрыв гранаты.

Бойцовские особи Чужих внезапно застыли, будто кто-то щелкнул выключателем, превратив их в манекены.

Рука Ван Хеллена не завершила короткий замах — стоя на одном колене, он обернулся через плечо и увидел Лозина, поддерживающего за плечи разумного ксеноморфа, а тот, захлебываясь, продолжал издавать резкие повелительные звуки…

Боевые особи, неподвижно стоявшие в нескольких метрах от Доминика, внезапно повернулись и неторопливо полезли назад, перебираясь через выросшую в течение одной минуты баррикаду.

Андрей отпустил ксенобианина, достал нож и перерезал веревки, стягивающие запястья Чужого.

Потом сел на пол и застыл, зажав ладонями пульсирующие виски.

Палец Ван Хеллена начал неметь на сенсоре гранаты.

— Войны не будет, командир… — просипел надсаженным горлом Андрей.

Доминик несколько секунд смотрел то на него, то на неестественно выпрямившегося ксенобианина, а затем, молча поднявшись с колена, ногой отвалил к стене тела чужаков, освобождая узкий проход. Боком протиснувшись в него, он вышел в тамбур, затем на широкую лестничную площадку, покрытую копотью отбушевавшего здесь пожара.

Вокруг стояли десятки ксенобианских бойцов, но никто из них даже не повернул головы в сторону человека.

Выглянув в разбитое панорамное окно, Ван Хеллен размахнулся и швырнул гранату подальше от здания.

…

Где-то на улице бухнул взрыв.

Андрей словно очнулся от этого звука.

Медленно опустив руки, он посмотрел на ксенобианина.

— Тебя тоже зовут Дрог? — хрипло спросил он, уже не напрягаясь от звуков чуждой речи, что выходили из першащего, пересохшего горла.

Чужой кивнул, совсем как человек, и ответил загадочно:

— Мои предки помнят тебя.

* * *

Смежный сектор…

Он выглядел совершенно иначе, чем несколько суток назад.

Нет, не изменились его просторы, все так же укутывала горизонт сиреневая дымка, срывалась мелкая морось дождя с прячущихся за туманными испарениями сводов, чернел мертвый ксенобианский лес, робко пробивалась зелень молодых кустарников и деревьев, принадлежащих флоре далекой Земли, но впервые за не выясненное пока количество лет люди и Чужие шли по аллее, пусть обособленными группами, но *вместе*.

Неизвестно, какие чувства владели ксеноморфами, но для четверых бойцов группы привычный мир выглядел иначе, словно окружающая их действительность трансформировалась, приобрела не иные краски, но другую тональность.

Пусть не исчезла враждебность и настороженность, но в глубине быстро огрубевших душ в эти часы появился робкий лучик надежды.

Прежде всего эти перемены коснулись Ван Хеллена, хотя, казалось бы, Доминик должен был сопротивляться новому чувству сильнее других.

Нет. Сосало под ложечкой, не то от голода и усталости, не то от взгляда, что постоянно цеплял фигуры ксенобиан, палец ныл на сенсорной гашетке ИПК, но мысли уже необратимо изменились.

На его глазах произошло немыслимое. Исконный враг, возможно, никогда не станет для него другом, но сам факт, что они шли в одном направлении, не возобновляя попыток взаимного уничтожения, переворачивал сознание…

Куда вел их путь?

Ксенобианский лес закончился, на проплешинах голой земли все чаще стали появляться целые поляны, поросшие травой, их обрамляли кустарниковые заросли, а вдалеке, на пределе видимости, темнел молодой лес.

— Андрей… — Ван Хеллен догнал Лозина и пошел рядом. — Объясни, куда мы идем?

— Мне кажется, Дрог ведет нас в свой сектор. Чтобы передать информацию и заключить перемирие, мы, наверное, должны говорить и с

другими разумными ксенобианами?

— Ты думаешь, из этого выйдет толк? — Невольная дрожь прокралась по затылку Ван Хеллена.

— В нашей войне нет смысла.

Доминик покачал головой.

— Смысл был. Ежегодные схватки за ресурс…

Лозин внезапно остановился.

— Наша борьба рождена невежеством, Доминик, — с глухой яростью в голосе произнес он. — Все происходило из-за нежелания или неспособности договориться. Учитывая то, сколько нас осталось, ресурсов «Тандема» хватит всем, с лихвой. Возможно, сразу после Внешней Атаки положение складывалось иначе, но сейчас нам уже нечего делить. Мы практически истребили друг друга.

— Что-то я не вижу тут сиротливых ксеноморфов. Обрати внимание на эту толпу.

— Боевые особи не в счет, Доминик.

— Они не дышат? Не едят?

— Они не живут. Пройдет пара недель, и все они погибнут. Вопрос в том, возникнет ли у ксенобиан необходимость воспроизводить новые отряды.

— То есть если мы договоримся, то они не станут штамповать бойцов.

— Ты правильно меня понял. Дрог уверяет, что поддержание определенного числа боевых особей очень обременяет его.

— Интересно, с какой стати? Последние годы все ресурсы «Тандема» принадлежали Чужим. Он врет, наверное.

— Нет, не врет.

— Почему ты так уверен?

— С момента Внешней Атаки, после отказа основных кибернетических систем корабля, их сектор постоянно нуждается в дополнительных ресурсах. Этот излишек нужен не ксенобианам.

— А кому?

— Спящим, — коротко ответил Андрей. Глаза Ван Хеллена сузились.

— Легендарный экипаж?

— Доминик, ты можешь хоть на минуту поверить в происходящее? — Лозин почти выкрикнул эти слова и вдруг добавил, уже тише: — Мне страшно, командир. Там, среди спящих, мой генетический прототип, настоящий Андрей Лозин. Понимаешь?

Не дождавшись ответа, он развернулся и молча зашагал вперед.

* * *

Ван Хеллена не удовлетворил короткий разговор с Андреем.

С одной стороны, ситуация выглядела предельно ясно: Мир, как обычно, преподнес неожиданный сюрприз, приоткрыв людям одну из своих тайн, которую Доминик подсознательно стремился понять все последние годы, но так и не смог сделать это в силу объективных причин.

Да, во время долгих, опасных скитаний по смежному сектору он пытался сложить вместе доступные ему фрагменты мозаики прошлого, но картина получалась не только неполной — на поверку она оказалась искаженной, будто повсюду, куда ни глянь, высились кривые зеркала, уродующие реальность до полного абсурда.

— Так, всем стоять! — неожиданно выкрикнул он, машинально сделав шаг назад.

— Командир, что ты делаешь?! — Лозин буквально остолбенел, увидев, как палец Ван Хеллена соскользнул на сенсорную гашетку ИПК.

Во взгляде Доминика сквозило безумие.

За двадцать три года им была прожита целая жизнь, и сейчас он сам себе казался стариком, не выжившим из ума, нет, — вот только память саботировала работу рассудка, переиначивая слова и мысли, — он слишком хорошо помнил кровавые годы борьбы, детей, замерзающих в стылых отсеках, тринадцатилетних ребят, которые в критический момент вышли на передовую, чтобы встать на пути атакующих сектор ксенобиан.

Между людьми и Чужими лежала не только пропасть непонимания.

Фобии можно преодолеть, к отвратительному виду привыкнуть, от запахов отгородиться дыхательными фильтрами, но куда подевать собственную память?

Перед глазами стоял Сережа Лукорьев — нескладный мальчуган, в большом, не по размеру бронежилете, надвинутом на самые глаза боевом шлеме…

Он умер.

Его убили Чужие. Ван Хеллен чувствовал: ему не суждено прозреть, истина оказалась слишком тяжелой для его рассудка, несовместимой с памятью, да и с реальностью тоже…

— Командир! — Голос Лозина рвался издалека, он не доходил до помутившегося сознания, не воспринимался им как данность, глаза Доминика сузились, источая так долго сдерживаемую в себе ненависть, — это был неизбежный срыв, способный вмиг разрушить хрупкое, едва наметившееся взаимопонимание между жалкими остатками двух

цивилизаций.

— Командир, опусти автомат.

— Прочь! — На губах Доминика выступила пена.

— Тебе придется убить меня!

— Отойди в сторону, Андрей. Мне не по пути с этими тварями.

Где-то на пределе слышимости, за гулким шумом крови в ушах раздался скрежещущий голос ксенобианина.

Ван Хеллен знал низший язык ксеноморфов, по крайней мере в том объеме, чтобы понять адресованную ему фразу:

— Так уже было, человек. Сразу после Внешней Атаки. Вы назвали нас тварями и не пожелали справедливо разделить аварийный ресурс «Тандема».

Ван Хеллену захотелось взвыть.

В нем еще оставалась капля рассудка, не позволяющая пальцу сильнее нажать на сенсор, — Андрей Лозин заблокировал линию огня, и первые пули достанутся ему.

— Отойди… — прохрипел Ван Хеллен. — Они убили всех, кто был мне дорог… Сережу Лукорьева, Дашу Стравицкую… И еще многих… Я не могу, Андрей. Шестьдесят человек… — Голос Доминика сорвался. — Я любил каждого из них, и вас, репликантов, и сирот, оставшихся, как мы с Николаем, в пустых, наглухо задраенных отсеках… Это было *последнее поколение, ПОНИМАЕЩЬ?!*

Андрей понимал.

За несколько дней, проведенных в смежном секторе, он успел понять столько, что хватило бы на несколько жизней.

Он вдруг вспомнил, как трепетала душа, когда пальцы касались нежной листвы берез, и как потом дымчатую зелень рвало в клочья разрывом гранаты…

У него тоже внутри, как заноза, сидела боль.

Он чувствовал: ему не заслонить своей грудью искалеченный мир, где ломались, коверкались души, восставая из пепла уродливыми призраками. Доминик был лучшим из всех, кого он встречал на коротком жизненном пути, но даже он не мог сделать шаг навстречу врагу. Ван Хеллен не видел смысла в этом шаге, и Лозин чувствовал: еще секунда, и командир резко уйдет в сторону, открывая себе линию огня…

— Ты несправедлив, человек, — раздался в гулкой пульсирующей тиши голос ксенобианина. — Мы боролись, но никого не убивали. По крайней мере, в последний период.

Что он несет?! — А ндрея пробила короткая дрожь Не хватало еще

такой неприкрытой циничной лжи… теперь Доминик точно изрешетит Дрога и сам найдет смерть…

— Чтобы включить программу перераспределения ресурсов, нужен человек и ксенобианин. Вы захватили меня. Мы тоже знали — нам потребуется человек. Но вы не склонны к сотрудничеству, даже когда ситуация безвыходна.

— И что? Что ты хочешь этим сказать?! — Доминик все же рванулся вперед и в сторону, машинально оттолкнув Лозина. Теперь между ним и ксенобианином не осталось живого щита.

— Мы брали пленных.

— Сколько?

— Всех, кого смогли найти в смежном секторе.

— Ты лжешь. Люди не сдаются.

— Ты прав. Вы не сдаетесь. Но мы несколько раз меняли формулу токсина, в зависимости от потребностей текущего момента. Один состав убивает, другой только парализует. Сопротивление не может длиться вечно. Мы смогли взять в плен достаточно людей.

— Достаточно для чего?

— Для того чтобы кто-то из них стал вторым оператором при активации введенных в компьютер программ. Мы не знали, кто способен к сотрудничеству, поэтому жертвовали своими бойцами, стараясь захватить максимальное число людей.

— Я не верю тебе… — Противореча словам, в хриплом голосе Ван Хеллена прорвались нотки безумной надежды. — Где они?

— Это недалеко. В соседнем гнезде. Люди спят.

— Их не убили? — вмешался в разговор Андрей. — В этом году вы проиграли, — напомнил он.

— Да, — лаконично ответил Дрог. — Но время не стоит на месте. А вас уже не осталось.

Чуждая логика. Они думали о будущем, с точностью зная, что теперь в жилых секторах всего несколько человек.

— Веди. — Ствол ИПК уперся в грудь ксеноморфа — Если ты солгал…

— Я не лгу, человек. МЫ НЕ УМЕЕМ ЛГАТЬ.

Дрог развернулся и зашагал в прежнем направлении.

* * *

Доминик обессиленно сел на мшистый бугор.

Ему хотелось бросить автомат, закрыть лицо руками, чтобы хоть на

миг отгородиться от восприятия ненормальной, рвущей душу и разум реальности, но мешала кислородная маска, да и Андрей, присевший рядом, видно, не понимал, что командира нужно оставить одного.

— Доминик.

— Я в порядке. — Ван Хеллен с силой сжал приклад ИПК. — Я в порядке.

— Мне кажется, Дрог не лжет. Помнишь поляну среди черного леса? Мы ведь не нашли там ни одного тела. Только фрагменты экипировки и обглоданный пулями хитин.

— Да, помню, — коротко ответил Доминик.

Это было похоже на правду.

Правду, в которую хотелось неистово верить, но если умрет эта последняя надежда…

— Пойдем, командир.

— Пойдем. — Ван Хеллен с усилием встал. — Андрей, я не могу общаться с ним. — Взгляд Доминика нашел удаляющуюся фигуру ксенобианина. — Но у меня есть еще один вопрос, который требует ответа.

— Ты хочешь, чтобы я задал его?

— Да. Это важно. Очень важно.

— Хорошо, командир. Я сделаю, как ты скажешь.

* * *

Спустя несколько минут Лозин нагнал Дрога.

— Есть еще одна проблема, Ксеноб. — Обратился он к Чужому, используя не имя, а всплывшую в памяти форму обращения.

— Я слушаю.

— Несколько дней назад, перед выходом нашей группы в сектор, ваша боевая форма проникла в систему вентиляции.

— Я знаю об этом.

— Боец нес заряд взрывчатки.

— Ему удалось? — задал встречный вопрос Дрог.

— Нет.

— Жаль.

— Целью был Астафьев?

Ксенобианин некоторое время шел молча, будто решил проигнорировать вопрос.

— Я не разбираюсь в ваших именах, — наконец произнес он. — Целью являлся человек, запустивший систему репликации.

— Почему вы хотели убить его? Из-за страха, что нас станет больше?

— Нет.

— Тогда почему?

Дрог опять промедлил с ответом. Очевидно, он подбирал слова низшего языка, способные правильно передать суть предполагаемого высказывания.

— Он не то, что вы думаете, — наконец произнес ксенобианин. — Я допросил пленных репликантов и понял: его необходимо убить.

— Почему? — настаивал Лозин. — Постарайся объяснить. Это важно, Дрог.

— Он не человек, — лаконично ответил ксенобианин.

В первый момент Андрей растерялся, не зная, что ответить на такое абсурдное утверждение. Пусть он мало общался с Астафьевым, но…

И тут Лозина осенило.

— Ты ошибся, — сказал он, вспомнив, что у ксенобиан тоже есть свои укоренившиеся фобии, доставшиеся ныне живущим в память о чудовищном противостоянии их предков с расой ИНЫХ. — У Астафьева нет ноги, ее действительно заменяет кибернетический протез, но это вовсе не значит, что он перестал быть человеком.

— Я думал, прежде чем послать бойца. Протез ни при чем. Он не человек.

— Ты говоришь непонятно.

— Я думал, — упрямо повторил ксенобианин. — Люди забыли, как управлять кораблем. Вы отказались от своих устройств, перестали понимать их. Процесс репликации очень сложен. Знания о нем давно утрачены.

— Ну и что? Утраченное можно восстановить. Знания не исчезли, они хранились в компьютерах.

— Которых вы боялись, — уточнил Дрог. — Тот, кого ты называешь Астафьевым, не мог сам постичь суть сложнейшего процесса и запустить в действие аппаратуру репликации. Я не знаю, как это произошло. Но при здравом размышлении есть только два варианта — либо им руководит машина, либо он не человек. И в одном, и в другом случае его следовало уничтожить.

Теперь настал черед Лозина надолго задуматься.

— Дрог, наши машины — не зло. Очевидно, в твою логику вкралась ошибка. Компьютеры «Тандема» действительно могли направлять действия человека, подсказывать ему определенные решения, но это не выходит за рамки естественного. Ты должен понимать или помнить, что в прошлом и люди, и ксенобиане пользовались совместно разработанной техникой.

— Да. Так было. До Внешней Атаки.

— До Внешней Атаки? Что ты знаешь о ней?

— ИНЫЕ. Они напали на «Тандем», уничтожив все основные системы корабля. Не спорь, человек. Это истина. Внешняя Атака породила ежегодные схватки за ресурс Мира и всеобщую деградацию. Ответь на простой вопрос: почему мы каждый год должны совместно, вручную распределять ресурсы, когда подобная операция, по определению, доступна примитивной автоматической системе?

— Я не знаю… — подумав, откровенно признал Андрей.

— Вся автоматика «Тандема» уничтожена. Сейчас на борту работают аварийные полуавтоматические системы, которыми нужно управлять вручную, — пояснил свою точку зрения Дрог.

Слова ксенобианина прозвучали логично, они объясняли многое, за одним исключением.

— Если ИНЫЕ атаковали корабль, то почему они не довершили начатое, не разрушили «Тандем», оставив нам шанс на выживание? — спросил Андрей. Это был даже не вопрос, скорее мысль, высказанная вслух.

— Подробностей не знает никто. Как твой отец не знает причины, по которой видоизменились корабли ИНЫХ, появившиеся в Солнечной системе с опозданием в четыре года. Была атака, которая не просто разрушила корпус смежного сектора, но и уничтожила все автоматические подсистемы корабля. Мотивы ИНЫХ мне неизвестны. Возможно, они сочли, что нанесли критические повреждения «Тандему», и не стали прилагать усилий к полному разрушению всей конструкции.

— Или?

— Или они тут, среди нас, — коротко ответил Дрог. — Наблюдают, учатся, перенимают технологии. Такой вариант логичен и возможен.

Некоторое время они шли молча, каждый со своей точки зрения обдумывая сказанное.

— Поэтому действия Астафьева так взволновали тебя? — нарушил затянувшуюся паузу Лозин.

— В вашем секторе заработала автоматика, — скупо ответил Дрог. — Та автоматика, программы которой были уничтожены атакой ИНЫХ.

Андрей вздрогнул. Второе предположение ксенобианина внезапно начато выступать на первый план.

— Значит, вы считаете, что это ИНЫЕ дали Астафьеву возможность реанимировать часть аппаратуры?

— Наконец ты меня понял, человек. Когда начинает работать

уничтоженная система, возникает вопрос: кто ее восстановил? Кто дал человеку знания? Если это действует ИНОЙ, нам всем грозит гибель. Если я ошибаюсь — то погиб бы один человек.

— По вашим меркам такая цена соизмерима приобретаемому спокойствию?

— Да.

* * *

Чем больше Андрей узнавал о «Тандеме», тем труднее ему становилось.

Он не обладал достаточными знаниями, чтобы оценить, осмыслить огромный объем новой информации.

Один неправильно сделанный вывод мог нанести непоправимый вред, и потому, переговорив с Дрогом, он не стал излагать Ван Хеллену опасений ксенобианина.

— Они испугались протеза. Сочли, что Астафьев превращается в киборга, по аналогии с начальными формами ИНЫХ.

— Дебилы, — зло выругался Доминик.

— Не напрягайся, командир.

— А что мне делать?

— Думай о скорой встрече с ребятами.

— Ты все-таки веришь ему? — сощурился Ван Хеллен.

— Ксенобиане не умеют лгать, — ответил Андрей. — Я много узнал о них благодаря подсознательной памяти. Задумайся, ведь Дрог *добровольно* ведет нас к своему сектору.

— Если это не ловушка, — мрачно предрек Ван Хеллен.

— Мы можем поставить определенные условия, чтобы обезопасить себя.

— Какие, например?

— Если всех пленных содержат в одном месте, я потребую у Дрога, чтобы их вывели из состояния паралича и вернули им оружие.

— Если он пойдет на это…

— То мы воспримем его действия как доказательство окончания войны, — завершил мысль Доминика Андрей.

— Он такая шишка среди ксенобиан? Хочу — начинаю войну, хочу — заканчиваю, да?

— У них общественный разум. Наверное, решения принимает не Дрог, сейчас он лишь посредник, выражающий волю всех разумных ксенобиан.

— Ладно, Андрей Поживем — увидим.

* * *

Идти осталось недолго, вскоре просека, ведущая через живой, не окаменелый лес, принадлежащий человеческой биосфере, вывела небольшой отряд на просторную вырубку, где высилось куполообразное здание, сплетенное из толстых, узловатых стволов ксенобианских деревьев.

Как и бункера древней линии укреплений, оно было не построено, а выращено, с применением уникальных технологий, которыми Чужие владели в совершенстве

Боевые особи Чужих, всю дорогу сопровождавшие Дрога, остались снаружи, а он, прежде чем пригласить людей внутрь постройки, счел за благо предупредить.

— Держите себя в руках. Не думаю, что вам понравится увиденное, но не следует неверно истолковывать назначение наших устройств Они служат для поддержания жизни

— Все поняли? — Ван Хеллен демонстративно закинул И ПК за спину. — Мотаем нервы на кулак. Не надо повторять моего срыва. Наша задача — освободить ребят, все остальное пока что побоку.

С этими словами он вслед за Дрогом шагнул во влажный сумрак гнезда.

* * *

Необратимые изменения происходили в их сознании.

Тяжелее других приходилось Доминику Его мировоззрение ломалось, в то время как рассудки репликантов, таившие в своих глубинах сокровенные воспоминания прошлого, лишь гнулись, словно тонкие прутья под ураганным ветром.

Оглядываясь по сторонам в сумеречном коридоре, похожем на ребристую глотку фантастического животного, Курт Зигель не испытывал страха, даже отвращение не тревожило душу — все выглядело внове, и лишь нервное возбуждение периодически давало знать о себе, накатываясь волнами внутреннего жара.

Коридор плавно изгибался, поднимаясь вверх по широкой спирали.

Помещения отделялись от него тонкими полупрозрачными мембранами, обладающими странным свойством — они не рвались, когда через них проходил кто-то из Чужих, а растягивались, истончались, повторяя контур тела, затем раздавался вибрирующий звук, и невредимая органическая пленка вновь оказывалась на своем месте.

Ван Хеллен совсем иначе воспринимал восхождение по спиральному коридору. Он находился в *логове врага*, и его разум ничего не мог поделать с въевшимся в душу чувством.

Чтобы не концентрировать внимание на окружающих деталях чуждого интерьера, он поравнялся с Дрогом, решившись заговорить с ним.

— Это не похоже на казарму, — произнес он, с трудом заставив свои голосовые связки воспроизводить непривычные фонемы чуждого языка

— Не казарма, — коротко ответил Дрог. — Инкубатор.

— Андрей, — позвал Доминик Лозина.

Тот поравнялся с ними, благо ширина ребристого коридора позволяла-идти рядом.

— У меня горло не выдерживает. Поговори с нелюдем.

— Что тебя интересует, командир?

— Он заявил, что мы находимся в инкубаторе. Здесь производят бойцов?

Лозин перевел вопрос.

Доминик ожидал короткого утверждения, но Дрог по непонятной причине пустился в шипящие пояснения.

— Инкубатор расположен ниже, — выслушав его, перевел Андрей. — Там действительно выращивают боевых особей. А мы направляемся в залы спящих.

— Ты не чувствуешь тут подвоха? Слишком уж он покладист.

Лозин не стал обращаться за разъяснениями к Дрогу.

— Ты не понимаешь образ мышления ксенобиан, — ответил он Доминику.

— Ну, так поясни. До меня все еще не доходит, — меньше суток назад мы были готовы порвать горло друг другу… Он думает, что в обмен на заложников мы поделимся с ними ресурсом Мира? Где мотивы? Я не вижу их, Андрюша, хоть убей. Вчера была война, и вдруг мир. Ты оглядись — их десятки, сотни… Он не понимает, что, выиграв бой за компьютерный центр, мы проиграли все остальное? Или для него тайна, что людей сейчас можно пересчитать по пальцам?

— Дело не в распределении ресурсов, командир, — голос Андрея вдруг зазвучал глухо, будто он в напряжении ждал какого-то события.

— А в чем?

— В ком… — поправил его Лозин. — Во мне. В моей памяти, в посланиях адмирала.

— Хочешь начистоту? — Ван Хеллен искоса посмотрел на Андрея. — Я ничего не понимаю. Этим записям много лет. Что произошло после

обрыва связи — неизвестно. Где сейчас находится «Тандем»? Что нам проку от этих знаний, если Мир остается Миром и нам жить в его скорлупе до скончания века?

— Я так не думаю, командир. Если системы «Тандема» выдержали Внешнюю Атаку и наш межрасовый конфликт, значит, корабль имеет огромный запас живучести. История регресса обратима. Мы можем вернуть знания, это очевидно, и, обладая ими, восстановить «Тандем».

— Андрей, оглядись вокруг. Зачем им люди? Неужели твой Дрог не понимает — одно последнее, незначительное усилие, и они станут тут полными хозяевами?

Лозин отрицательно покачал головой.

— Им не справиться в одиночку, — с уверенностью возразил он. — Подавляющая часть систем управления построена на основе наших технологий Только люди могут эффективно управлять всем комплексом «Тандема».

— Тогда почему мы столько лет бились насмерть? — Задал Доминик не дающий покоя вопрос. — Где логика?

— Ее нет, — согласился Андрей. — Виной всему Внешняя Атака, которую, вне сомнения, провели *ИНЫЕ*, командир. Почему они не завершили ее полным уничтожением «Тандема», непонятно, но основные системы отключились, практически весь экипаж погиб, от него остались отдельные люди и ксенобиане, дезориентированные, запертые в отсеках, разделенные вакуумом, вынужденные бороться за каждый глоток воды и воздуха. Какое-то время разгерметизированный смежный сектор разделял нас, потом произошла новая встреча, но потомки выживших, по крайней мере со стороны людей, не смогли верно истолковать события, не захотели вернуться к прежним отношениям и разделить ресурс систем жизнеобеспечения поровну

— А зачем, мрак их всех раздери, ксенобиане решили захватить смежный сектор? — насупился Доминик. — Ты разве не видел их линии укреплений?

— Дрог все объяснил мне, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Андрей. Сейчас ему приходилось общаться с Ван Хелленом очень осторожно, выдавая ему информацию малыми дозами, чтобы нечаянно не спровоцировать командира на новый срыв.

— «Тандем» нес на борту два сменных экипажа. Ксенобиане не нуждаются в криогенном сне, жизнь их разумных особей коротка по сравнению с нашей, но их выручает наследственный механизм общей генетической памяти. Каждый из новорожденных обладает опытом и

реальными воспоминаниями прошлых поколений. Они — общественный разум, в отличие от нас, индивидов.

— Ты не ответил на вопрос, Андрей. Почему Чужие решились на захват смежного сектора?

— По словам Дрога, криогенные залы со спящими людьми находились в их части «Тандема». Когда проектировался корабль, возможность аварии на борту не исключалась, поэтому каждая камера имела дубль-систему, но уже не человеческую, а ксенобианскую, понимаешь?

— Хочешь сказать, что ксеноморфы боролись не только за собственное выживание, но и за благополучие спящих? — оторопело переспросил Доминик.

— Выходит, что так.

— Почему они просто не разбудили их?

Отвечать на вопросы Ван Хеллена становилось все труднее. Андрею казалось, что он скользит по предательской наклонной плоскости, рискуя в любой момент потерять опору. Дрог многое рассказал ему, не пытаясь утаить известные ему события или завуалировать мотивы, но Андрей понимал: мало пересказать хронологию событий, нужно сделать это так, чтобы командир хотя бы на секунду взглянул на ситуацию глазами извечных врагов…

— У них своя психология, в корне отличающаяся от нашей. В отличие от людей, Чужие не забыли обязательств, взятых перед стартом «Тандема». Сохранить жизни спящего экипажа для них было столь же важно, как выжить самим — Он говорил медленно, стараясь тщательнее подбирать слова и формулировки. — Однако люди, при повторном контакте, состоявшемся спустя годы после Внешней Атаки, не захотели слышать ни о дублирующем экипаже, превратившемся для них в миф, ни о распределении ресурсов, с учетом двойных потребностей ксенобианского сектора.

— То есть они хорошие, а мы плохие, да? — В голосе Ван Хеллена прозвучало возмущение такой трактовкой событий. — Послали бедных ксеноморфов куда подальше, и те рассудили, что нас следует истребить, как последних отморозков, и только после этого будить экипаж?

— Ты утрируешь историю. Но в деталях ее, наверное, не помнит никто, разве что Чужие, которым ты не желаешь верить.

— Не желаю. Если бы они не полезли в смежный сектор, не было бы войны.

— А что им оставалось делать, когда на первых порах люди забрали

ресурс «Тандема»?

— Ну а при чем тут нейтральные территории?

— Они и есть ресурс, командир. Все компоненты, потребляемые системами жизнеобеспечения, производит смежный сектор. Вот они и переселились сюда, перенесли инкубаторы, гнезда, и залы спящих, чтобы обрести минимальную независимость…

— Припали к материнской груди… А мы продолжали войну? — В голосе Ван Хеллена по-прежнему звучали обида и вызов.

— Ты должен понять разницу между нашими образами мышления. — Андрей тоже не отступал от избранной линии. — Они помнили все благодаря механизму наследственной памяти, а наше сознание формировалось сызнова, под воздействием наступивших условий выживания.

— Ладно… Оставим пока историю, — насупился Доминик. — Сможешь ответить на последний вопрос? Почему он остановил своих бойцов? Зачем привел нас сюда, если им оставалось сделать последнее усилие, чтобы покончить с нами?

— Дрог узнал меня, — ответил Андрей. — Я репликант, не забывай. Копия Андрея Лозина. В критический момент нашла выход информация, зашифрованная в мой геном. Дрог понял это, как понял и то, что, если он причинит вред тебе, все опять вернется на круги своя…

— Порвал бы им глотку за командира? — искоса посмотрев на Лозина, спросил Доминик.

— Я человек.

— Я это знаю, Андрюша…

…

Ни в одном бою Ван Хеллен не испытывал такого надрыва чувств, как сейчас, во время долгого пути по нескончаемому спиральному коридору.

Он еще не верил, что война окончилась. Не представлял, что произойдет дальше, словно выбили почву из-под ног и он падал в пропасть, не видя дна…

* * *

Зал спящих представлял собой огромное помещение, расположенное под самым сводом «гнезда» Чужих. Перед мембраной Дрог остановился.

— Я могу просить, человек? — обернулся он к Ван Хеллену.

Доминик кивнул, выжидающе глядя на ксеноморфа.

— Разрядите оружие.

— Это зачем?

— Вам не понравится увиденное. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал.

Ван Хеллен молча нажал сенсор сбрасывателя, поймав в ладонь магазин ИПК.

Остальные повторили его жест.

Лозин не удержался от нервной усмешки. В некоторые моменты ксенобианин вел себя, как ребенок.

Однако, когда плотная мембрана, неприятно чавкнув, пропустила его в зал, Андрей понял, чего опасался Дрог.

Сиюсекундной реакции, моментального ответа на шок, когда руки действуют быстрее помутившегося на миг разума.

— Нечисть!.. — вырвалось у Ван Хеллена.

В его руке уже был нож, когда командир почувствовал: с двух сторон его держат Курт и Антон.

— Доминик, Дрог ведь предупредил нас! — Голос Андрея привел командира в чувство.

— Хорошо, отпустите.

Клинок мягко скользнул назад, в ножны.

На первый взгляд ксенобианская «аппаратура», аналогичная камерам низкотемпературного сна, выглядела, будто кладовая, куда неведомый паук сложил про запас парализованные тела жертв.

Гротескные образования, состоящие из черных смолянистых нитей, начинались от пола и наискось тянулись к потолку, образуя отдельные сегменты, в глубине которых под полупрозрачной *живой* пленкой лежали люди…

Их лица, плотно обтянутые чужеродной субстанцией, казались восковыми, грудь не вздымалась в дыхании, они выглядели скорее мертвыми, чем живыми.

— Процессы метаболизма замедлены в тысячи раз, — не дожидаясь вопросов, в абсолютной тишине проскрежетал Дрог. — Они получают кислород и питательные вещества через капилляры кожных покровов.

Ван Хеллен, преодолев дрожь, шагнул к одной из «камер».

Его ладонь медленно легла на грудь Сергея Лукорьева, соприкоснувшись с чужеродной пленкой, облегающей кожу, будто тонкий слой полупрозрачной резины.

Некоторое время Доминик простоял в напряженной выжидательной позе, затем, ощутив что-то, медленно повернул голову и выдохнул, едва шевельнув побелевшими губами:

— Сердце. Бьется. Я почувствовал удар.

Перед глазами Ван Хеллена плавали призрачные картины,

выхваченные своенравной памятью из недавнего прошлого: он снова видел поляну с тремя воронками, успевшими наполниться темной водой, истоптанную землю с фрагментами хитина, пустые магазины от ИПК и… ни одного тела.

Он повернул голову, силясь узнать находящегося в соседней камере человека, но заострившиеся черты лица были незнакомы Доминику — человек явно не принадлежал к отряду Лукорьева, он выглядел намного старше репликантов.

Сзади подошел Андрей Лозин.

Его сердце билось гулко и часто. Казалось, от Андрея в эти минуты исходит жар, черты лица исказились — он явно узнал спящего, но губы словно онемели, не в силах произнести имя, которое выталкивали глубины памяти.

Не он, а *отец* смотрел сейчас похолодевшим взглядом на Диму Логинова — компьютерного техника третьей дивизии ВКС России.

Дым…

Подтверждая внезапную вспышку памяти, взгляд нашел на гладко обритой голове бывшего лейтенанта ВКС два шрама — сюда были имплантированы шунты, которые ксенобиане вживляли людям, чтобы получить возможность управлять их разумом.

Андрей медленно повернулся.

Дрог стоял в стороне, предоставляя людям возможность пережить шок от увиденного.

— Я не лгал, — медленно и отчетливо проскрежетал он. Лозин, поборов внезапное, труднопереносимое раздвоение личности, произнес:

— Его необходимо разбудить. В первую очередь.

— Почему?

— Этот человек знает все о компьютерных системах «Тандема».

Ван Хеллен подошел к ним и глухо проговорил из-под кислородной маски:

— Будить нужно всех. Отряд Лукорьева, резервный экипаж — всех спящих.

— Это невозможно, — ответил Дрог и тут же уточнил, поправившись: — Не сразу. Только партиями. По пять человек.

— Почему? — голос Доминика зазвучат резче.

— Специалисты. Мало. — Дрогу, оказывается, тоже не чуждо волнение, а Андрей думал, что ксенобиане все-таки бездушны, неспособны к открытому проявлению эмоций. — За просыпающимися нужен особый уход. Пробуждение займет не один день. Если торопиться, люди могут

пострадать.

— Хорошо, — обдумав его слова, согласился Доминик. — Сколько нужно времени?

— Если исчислять время в земных сутках, стандартных для «Тандема» — неделя на пробуждение одной партии, — ответил ксенобианин.

— Выходит, двадцать человек в месяц…

— Я не могу ускорить процесс. Ты обвинишь меня, человек, если кто-то погибнет при пробуждении.

Довод прозвучал убедительно.

— Вы должны решить, кого пробуждать первыми.

Ван Хеллен кивнул, жестом отзывая в сторону Андрея, Вадима и Курта.

— Какие будут соображения?

Зигель и Постышев промолчали, давая понять, что для них все спящие равны.

— Ты, Андрей?

— Нужно будить Логинова. Он сможет указать, кого из сменного экипажа «Тандема» следует включить во вторую партию.

— Я хочу, чтобы в первую очередь разбудили Сергея Лукорьева и еще троих бойцов моего бывшего отряда. Это усилит нашу группу на случай внезапных осложнений.

Андрей молча кивнул. Командир прав. Случиться может всякое, и четверо опытных разведчиков, хорошо знающих смежный сектор, на первых порах не менее важны, чем члены сменного экипажа «Тандема».

— Я согласен.

Доминик хотел обратиться к Дрогу, но задержал взгляд на Лозине.

— Тебя что-то тревожит? — безошибочно определил он.

Андрей кивнул, не зная, как определить свое внутреннее состояние.

— Здесь, среди спящих, должен быть настоящий Лозин, — наконец ответил он, справившись с обуревавшими его чувствами.

Ван Хеллен невольно вздрогнул. Он совершенно забыл, что перед ним стоит репликант. Это понятие улетучилось из сознания после всего пережитого вместе…

— Пойдем. — Он взял Андрея за локоть.

— Куда?

— Отыщем его.

Лозин не шелохнулся, словно окаменел.

— Андрей, ты уже давно не репликант. Ты человек, у тебя свой опыт,

свой взгляд на мир. Ты спас меня, Курта, Антона, и в конечном итоге — их всех, — Доминик кивнул в сторону камер, где застыли тела спящих. — Он твой брат, понимаешь?

Брат.

Слово отдалось в душе и рассудке неведомой ранее теплой надеждой.

Они отыскали его в противоположном конце зала.

Отдельный сегмент, несколько меньший по размерам, чем другие, сразу привлек внимание Ван Хеллена.

— Я не понимаю… — Андрей невольно отшатнулся, когда понял, что органическая пленка покрывает тела десяти—двенадцатилетних детей.

— Дрог, — повернув голову, позвал Доминик.

Ксенобианин подошел.

— Почему здесь дети?

— Ты хотел спросить, почему они не выросли?

— Да.

— Они могли расти, только находясь внутри ваших, человеческих, устройств. Внешняя Атака произошла спустя четыре года после старта «Тандема». Мы лишь сумели сохранить их в том возрасте и состоянии, в каком они находились во время отказа основных систем.

Андрей не слышат их слов.

Он стоял напротив чуждого образования, в котором был заключен маленький Лозин, его генетический прототип.

Горло вдруг начало предательски пощипывать.

Брат.

Мой младший брат. — кружила в сознании горячая мысль.

ГЛАВА 8

Смежный сектор. Неделю спустя

На лесной опушке горел костер.

Над смежным сектором темнело, наступала искусственная ночь, необходимая для нормального развития растений.

Черная ксенобианская древесина распадалась на угли и почти не дымила, выбрасывая синеватые языки пламени.

Индивидуальный запас пищевых концентратов давно закончился, но Дрог решил проблему воды и пищи для восьми людей. Пока шел процесс пробуждения первой партии спящих, он, пользуясь знанием человеческого метаболизма, создал полуфабрикат, напоминающий мясо, но требовавший дополнительной температурной обработки перед употреблением в пищу.

Иного источника энергии, кроме костра, придумать не удалось — они находились вне техногенной зоны «Тандема», среди пространств биологического полигона, а Чужие никогда не прибегали к термической обработке употребляемых в пищу продуктов — в их громадной постройке не нашлось ни синтезатора пищи, не элементарных нагревательных приборов.

Впрочем, люди не испытывали неудобств от вынужденного применения наидревнейших способов приготовления пищи.

Они сидели вокруг костра. Поодаль, на границе света и тьмы, был установлен мобильный прибор связи, позаимствованный Логиновым из экипировки Ван Хеллена Коммуникатор играл роль усилителя сигнала, рядом с ним, соединенные временными шлейфами, треугольником расположились шлемы БСК, проекционные забрала которых сейчас работали в режиме «внешнего монитора» — не голографический проектор, конечно, но для воспроизведения получаемых данных сгодится

Все остальное Дима, как говорится, «носил при себе». Его имплант, снабженный дополнительными кибермодулями, существенно расширяющими возможности дистанционного управления исполнительными подсистемами корабля, только что осуществил связь с аппаратурой компьютерного комплекса, установив устойчивый канал получения данных.

Капитана Логинова прежде всего интересовали записи, посланные адмиралом Лозиным вслед «Тандему».

Шестнадцать лет бортового времени.

Ровно столько минуло с момента Внешней Атаки. Неожиданный обрыв последнего сообщения связан именно с ней, в этом Логинов не сомневался ни на секунду.

Шестнадцать лет.

Что стало с Землей? Держит ли оборону пояс астероидов или все давно кончено?

Сколько прошло *реального* времени в Солнечной системе, учитывая, что колониальный транспорт двигался на околосветовой скорости, затормозив полет только перед Внешней Атакой, для запуска зондов в звездную систему Ксеноба?

Где в данный момент дрейфует неуправляемый «Тандем» и каково значение его скорости?

Десятки вопросов, требовавших немедленных, вразумительных ответов, не находили их. Здесь, на границе смежного сектора с ксенобианской «подковой»[9], практически не функционировали информационные подсистемы тандемного корабля, — подавляющую часть кибернетических устройств нес на борту земной крейсер, на просторах станции биологической ассимиляции действовали лишь узкопрофилированные машины, не обладающие информацией о скорости и направлении дрейфа колониального транспорта.

— Мы можем восстановить связь с Землей? — поинтересовался Доминик, поворачивая над угольями нанизанные на прут брикеты синтезированного Дрогом пищевого полуфабриката, от которых истекал незнакомый, тревожащий обоняние аромат.

— В принципе, да, — ответил Логинов. — Я воспринимаю сигналы лишь от дублирующих аварийных устройств, но это не значит, что основная автоматика безнадежно повреждена. В конечном итоге любой приборный комплекс можно восстановить и заново запрограммировать. К тому же смежный сектор ранее являлся независимой орбитальной станцией, и тут есть законсервированные посты управления. Думаю, нам следует начинать с систем навигации. Опознав звездные ориентиры, будет несложно установить действительное местоположение корабля и вычислить скорость его дрейфа.

— Это важно? — Ван Хеллен честно пытался вникнуть в абсолютно новые для него проблемы.

— Несомненно. От значения скорости зависит разница во времени Если неуправляемый дрейф начался на околосветовых скоростях, то,

согласно теории относительности, на Земле за шестнадцать бортовых лет могло минуть полвека, если не больше. Но согласно полетному плану «Тандем» должен был затормозить на достаточном удалении от Проксимы Центавра и исследовать положение дел при помощи малых аппаратов разведки.

— Что это меняет?

— Если корабль затормозил, то Внешняя Атака являлась ответом ИНЫХ на обнаружение наших зондов. Это не только объясняет действия чуждого разума, но и дает нам шанс на возвращение, нейтрализуя «эффект близнецов»: при низких скоростях время на борту корабля текло приблизительно с той же скоростью, что и на Земле.

— Насколько я понял, чем меньше лет минуло в Солнечной системе с момента старта, тем больше у нас шансов установить связь и лечь на обратный курс?

— Насчет «обратного курса» говорить преждевременно. Да и связь на удалении нескольких световых лет займет слишком много времени. Наша первостепенная задача — определить действительное положение корабля и осуществить тестовую проверку уцелевших систем.

— Для этого потребуются годы… — разочарованно предположил Доминик.

— Не все так плохо Ты не привык к быстродействию кибернетических сетей. К тому же смежный сектор имеет несколько палуб. Сейчас мы находимся на среднем уровне станции, ниже расположены консервационные склады планетопреобразуюшей техники, среди которой немало кибермеханизмов, способных быстро и эффективно осуществить ремонт, а если потребуется, то и полное восстановление основных систем «Тандема». Выше, над нашей головой, расположена командная палуба. Вся навигационная аппаратура станции была законсервирована еще до старта из Солнечной системы, поэтому несложно предположить, что она находится в сохранности. С ее помощью мы определим свои координаты, вычислим действительную разницу во времени и наладим контроль над всеми секторами «Тандема». Это будет первым шагом к восстановлению корабля.

— А дальше?

— Дальше загадывать трудно… да и бессмысленно. Все зависит от того, в какой точке пространства находится «Тандем».

* * *

Дождавшись, когда все уснули, а костер почти потух, рассыпавшись

кругом рдеющих угольев, Дима Логинов присел на траву и глубоко задумался.

Жизнь воспитала в нем хорошего аналитика. Он знал психологию и алгебру чисел, умел сопоставлять факты и делать выводы, строить модели ситуаций, в которых никогда не бывал.

Сейчас, после просмотра посланий, он не мог уснуть.

Мысли сами сворачивали в одном направлении, и он не сопротивлялся их напористому течению — для Логинова это было привычным состоянием рассудка.

Тем более что перед ним вставала глобальная проблема. Для ее решения несколькими часами ранее не хватало той толики информации, которую он получил, просмотрев послания адмирала Лозина.

Трансформация ИНЫХ.

Их незавершенная атака на «Тандем», позволившая выжить горстке людей и ксенобиан.

Четырехлетняя задержка вторжения.

Это были факты, требующие объяснения, в ходе которого он вполне мог хотя бы попытаться постичь *суть ИНЫХ*.

Однако начинать нужно не с последних данных, а с тех форм, из которых эволюционировали современные машины, атаковавшие Солнечную систему.

Вне сомнения, когда-то они были похожи на людей, — думал Логинов. Об этом осталось множество свидетельств, полученных от ксенобиан. сталкивавшихся с ИНЫМИ, что называется, «лицом к лицу».

Значит, упрощая задачу, их можно отождествить с людьми, хотя бы на той стадии, когда представители иной цивилизации еще не претерпели радикальных изменений, оставаясь созданиями эволюции, а не генной инженерии и кибернетики, какими их запомнили ксенобиане.

С чего начался путь «самосовершенствования» ИНЫХ?

Дима часто задавал себе этот вопрос, пытаясь найти ответ на него еще в ту пору, когда «Тандем» только готовился к старту в глубокий космос.

Не имея прямых свидетельств, он вынужден был проводить параллели, искать закономерности в прогрессе собственной цивилизации.

Мы изобрели компьютеры, пройдя стремительный путь их совершенствования от громоздких устройств до торжества нанотехнологий, но задолго до того, как минимизация вычислительных и запоминающих модулей позволила всерьез говорить о синтезе человека и компьютера, многие ученые разрабатывали данную проблему априори.

Что толкало нас на подобные исследования?

Мы изучали структуру мозга и часто, очень часто заходили в тупик, не в состоянии разгадать тайны миллионнолетней эволюции. Развитие кибернетики проходило в десятки тысяч раз быстрее, и тут возникал неодолимый соблазн: создать синтез живого с неживым, соединить вычислительные мощности машин с собственным рассудком — он знал, что первые опыты в сфере нейросенсорного контакта человека и компьютера были осуществлены в 2004 году, в эксперименте принимали участие парализованные люди, управлявшие посредством имплантов бытовой техникой и даже освоившие при помощи вживленного микрочипа некоторые из компьютерных игр.

Прогресс не остановить

Не познав и десятой части возможностей собственного мозга, мы пошли на внедрение имплантов, которые не только расширяли наши интеллектуальные возможности, но, что немаловажно, являлись устройствами *понятными и управляемыми*.

Был еще ряд причин по которым нейро— или кибермодули получили широкое распространение

Доказано: человеку хватает собственной, дарованной природой памяти, чтобы запомнить все воспринятое в мельчайших деталях — изображения, звуки, запахи — всю информацию, полученную органами чувств в течение жизни. Но у биологической памяти есть и очевидные недостатки: порой что-то сложно вспомнить в нужный момент, трудно забыть то, что не хотелось бы помнить (полное стирание некоторых воспоминаний происходит только при повреждении мозга и то не всегда), часть информации остается невостребованной, она гак и пролежит всю жизнь лишним, бесполезным грузом.

Мысль Логинова постепенно скользила вдоль нити рассуждений, формируя некий алгоритмический образ, фундамент, на котором он должен выстроить свое понимание эволюции ИНЫХ.

По свидетельствам ксенобиан, представители иной расы решили проблему продолжительности жизни заменой органики на более долговечные материалы.

— Но в гаком случае объема биологической памяти может попросту не хватить. — Дима усмехнулся собственному рассуждению, машинально коснувшись головы Его импланты прямое тому доказательство. Он уже не мыслил жизни без кибернетических расширителей, его восприятие мира оскудело бы в десятки раз, лишись он соединенных с разумом кибермодулей.

Итак, следуя путем эмпирических рассуждений, на первой стадии

искусственной эволюции, у ИНЫХ, кроме биологического мозга, появилась не только дополнительная кибернетическая память, но и средства удаленного доступа к базам данных или вычислительным мощностям других кибернетических устройств.

Хорошо, допустим, — мысленно согласился сам с собой Логинов. — *В таком случае перед нами должен возникать образ пытливого, имущего существа, стремящегося ревизовать полученные возможности, но свидетельства ксенобиан прямо противоположны: когда ксеноморфы впервые столкнулись с разумными формами ИНЫХ, те вели себя апатично, не проявляя живого интереса к новому биологическому виду, вторгшемуся на их планету из глубин пространства, более того, они сами прекратили исследование и освоение космоса, о чем бесспорно свидетельствовали брошенные на произвол судьбы колонии*

Значит, ксенобиане появились на родной планете ИНЫХ, когда те уже прошли некую стадию развития… но какую?

Дима задумчиво смотрел в огонь, машинально покусывая сорванную травинку.

Думай, Дым… ты ведь сам отчасти киборг. Тебе по силам эта задача. Апатичность. Скука. Но почему? Разве Вселенная не полна интригующих тайн, а подсознание не хранит тревожащие разум воспоминания?

Стоп… Загадки мироздания — это удел логики, но не чувств. Вдохновение необходимо художнику, писателю, поэту, человеку искусства, но не холодному математическому рассудку, познающему Вселенную, — для последнего важна ясность и скорость мышления.

Несомненно, ИНЫЕ, усовершенствовав свои тела, не встали под один штамп в плане сознания — они не потеряли собственное «я», безусловно оставаясь индивидами.

Но они утратили главное: возможность к естественному воспроизводству, продолжению рода, их кибернетические тела уже не годились для элементарной физической близости, но разум… Он никогда и ничего не забывает, тем более такие основополагающие инстинкты, сформированные миллионами лет эволюции, как призыв к продолжению рода…

Сконструировать себе подобного? Ясно осознавая при этом, что получаешь эрзац?

Не тут ли скрывалась первая червоточина, подтачивающая выгодные устои вечного существования?

Психологическая травма, с которой не в состоянии справиться мозг, те

самые неугодные воспоминания, закодированные природой инстинкты, которые начали причинять дискомфорт, а в прогрессе — буквально сводить с ума?

Наш механизм периодического обновления памяти, отторгающий ненужные воспоминания в глубинные слои, не означает, что такая информация утрачивается, мозг не забывает прожитого, и память о прошлом, когда они могли ЛЮБИТЬ, в определенный момент могла вырваться наружу, внося смятение и дискомфорт, ломая устои нового мировоззрения, швыряя бессмертные личности в пучину бессильной ностальгии…

Выбор. Они встали перед выбором: помнить все, бессмысленно страдая, вернуть себе плоть, а вместе с ней и конечность бытия или сделать следующий шаг, реконструируя разум?

Логинову вдруг стало зябко от собственных рассуждений.

Он машинально похлопал себя по карманам, вытащил ровную, глянцевито-зеленую палочку, которую синтезировал для него Дрог, и прикурил импровизированную сигарету от тлеющих угольев почти прогоревшего костра.

Горький дым обжег гортань и легкие, он закашлялся в кулак, и вдруг до кричащей остроты понял: да, вот они — мелочи, которые дают знать: неважно, сколько в твоей башке кибермодулей, но ты — человек, живое существо, страдающее от дурных привычек, способное любить и ненавидеть, не теряя при этом способности к познанию.

Вечная жизнь?

Не слишком ли высокая плата за утрату человечности, со всеми ее преимуществами и недостатками.

От вдыхаемого дыма вдруг резко закружилась голова.

Что за привычка медленно убивать себя, получая при этом удовольствие9

Хорошо… Я на верном пути. Думай дальше, не отвлекайся…

Логинов мысленно спорил с собой, приказывал разуму, в нем жило сейчас сразу несколько рассудочных оппонентов, ищущих истину…

Общество ИНЫХ должно было расколоться, — подумал он. — *Одни не выдержали прессинга не находящих выражения чувств и погибли, неважно как, другие повели себя более взвешенно, пытаясь устранить саму причину дискомфорта.*

Забыть.

Забыть навсегда.

Но для этого им необходимо было перестроить свой мозг, внедрить в

него функцию безвозвратной потери данных, наличие которых ведет к пагубным последствиям.

Значит, ксенобиане ошиблись, когда сочли, что встретились с существами, наполовину состоявшими из плоти.

Нет. ИНЫЕ к тому времени уже превратились в стопроцентных киборгов. Логинов понимал это с предельной ясностью. Ксеноморфов обманул гуманоидный облик существ, их кожные покровы, лица, сохранившие способность к мимике. Внешне они еще походили на живых существ, но внутри являлись кибернетическими организмами, нервные ткани которых были заменены искусственными нейросетями, — только так они могли решить проблему сбалансированности рассудка, удаления препятствующих дальнейшему развитию инстинктов и воспоминаний, ибо ни одна операция на живом мозге не приведет к желаемому результату, разве что необратимо травмирует его

Они сознательно сделали роковой шаг: утратили не только возможность к эмоциональному восприятию мира, но и саму память о ней

Их разум, основанный на искусственных нейросетях, хранил теперь только полезные данные. Они получили возможность к продолжению вечного *существования*, вычеркнув при этом понятие «смысл бытия» из собственного сознания.

Прояви ксенобиане разумную осторожность, ИНЫЕ до сих пор оставались бы на своей планете, не предпринимая попыток экспансии в космическое пространство, — они не нуждались в новых территориях, у них отсутствовал мотив к действию, ведь со временем шла постоянная сортировка и замещение информации: исчезали эпизоды памяти, оставшиеся от биологических прототипов, бесполезные с точки зрения киборгов, но критичные для формирования таких качеств, как характер, личность

Ими постепенно овладевал стасис, и единственным инстинктом, которым не могло пожертвовать нарисованное воображением Логинова существо, являлся инстинкт самосохранения — именно его пробудили ксенобиане своими экспансивными действиями на планете ИНЫХ.

Механизм самозащиты, не важно, сформированный эволюцией или эквивалентно размещенный в нейросети, — это серьезный, не теряющий функциональности стимул к совершению определенных действий.

Сообщество ИНЫХ, распавшееся на отдельные элементы, ожило.

У них снова возникла потребность в осмыслении окружающего мира, прогнозировании развития внезапно возникшей ситуации (нечеткая логика, чаще именуемая фантазией), что в свою очередь пробудило потенциал

творчества — получения новых систем путем синтеза имеющихся.

Они проснулись.

Из темного здания инкубатора вышел Дрог и направился прямиком к костру.

Ксенобианин что-то нес в руках, когда он подошел ближе, стало ясно: Чужой обеспокоен тем, что люди, недавно покинувшие зал сна, предпочли расположиться на «свежем воздухе».

— Одеяла, — с трудом произнес он слово из человеческого лексикона.

Ван Хеллен приподнял голову. По укоренившейся привычке он дремал, не позволяя сознанию расслабиться, провалиться в глубокий сон.

Увидев, как ксеноморф укрывает людей отрезами живой полупрозрачной ткани, Доминик мгновенно проснулся, дрема исчезла, будто ее и не было.

— Мне не нужно! — Он приподнялся на локте, давая понять, что не спит.

— Вы все простудитесь, заболеете и умрете.

Доминик сел, скрестив ноги. Автомат уже лежал поперек колен, одна рука машинально поглаживала пластиковое цевье.

— Почему вы не остались в гнезде? — Теперь шипение Дрога можно было истолковать как ворчание. — Я сделал вкусную пищу, вы сожгли ее на огне.

Пальцы Ван Хеллена расслабились.

Нет, это не кошмар, не бред переутомленного сознания — ворчание Чужого, заботливо укрывающего спящих у потухшего костра людей, заставило его почувствовать что-то непривычное.

Даже исходящий от ксенобианина запах уже не казался таким противным, Доминик еще не дошел до того, чтобы понимать его *оттенки*, придающие шипяще-щелкающим звукам речи эмоциональную окраску, но, по крайней мере, ужин спокойно оставался в желудке, не подкатывая к горлу тошнотными спазмами.

Это и есть мир? Война между нами действительно закончена и я не сплю?

— Да, мы сожгли приготовленное тобой мясо, Ксеноб, — внезапно хохотнул он. — Садись, попробуй, это вкусно.

Дрог покосился на него, передернул плечами, очевидно, от мысли, что его действительно заставят попробовать экзотическое блюдо, но все же сел на поваленный ствол черного дерева, рядом с Логиновым. Ван Хеллен, опиравшийся спиной о шершавую кору, запрокинул голову.

— А тебе что не спится? — спросил он у Димы.

Логинов пожат плечами.

— Думаю.

Как странно порой оборачивается судьба, будто насмехается над нами…

Они сидели рядом: представители разных поколений двух рас, еще вчера воевавшие друг с другом, каждый по-своему отчаявшиеся выжить… потрескивал остывающими углями догоревший костер, смутными тенями кружила искусственная ночь, над огромной палубой утратившего контроль, одичавшего сектора биологической ассимиляции слышались невнятные шорохи и звуки — не то зверь крался среди молодой поросли хвойных деревьев, не то полуразрушенные системы сипло дышали зарешеченными глотками вентиляционных шахт, и все это складывалось в маленькую, ничтожную по космическим масштабам, хрупкую, полуразрушенную конструкцию, песчинку материи, затерявшуюся в бездне пространства…

— Как ты думаешь, увижу я Землю? — внезапно спросил Ван Хеллен.

— Это зависит от нас самих, — без тени иронии ответил ему Логинов. — А ты, Дрог, хотел бы увидеть родной Ксеноб?

Ксеноморф повернул голову, одновременно втягивая ее в плечи, так что отчетливо хрустнули хитиновые пластины.

— Да, — прошипел он.

— Тогда чего мы тут сидим? — неожиданно спросил Логинов. — Я уже достаточно окреп, ты, — он выразительно посмотрел на Доминика, — судя по всему, выспался, давайте разбудим Андрея и попробуем подняться на командную палубу станции.

— Прямо сейчас?

— А что тянуть?

Ксенобианин, пытавшийся уловить знакомые слова человеческого языка, видимо, не понял сути предложения.

Логинов перевел ему и добавил от себя:

— Я бы хотел, чтобы ты пошел с нами, Дрог.

— Зачем? Станция до монтажа «Тандема» принадлежала людям. Там только ваши системы.

— Мне нужно задать тебе несколько вопросов относительно ИНЫХ, — ответил Логинов. — А заодно увидишь все своими глазами. Так будет лучше.

Ксенобианин, недолго подумав, согласился.

— Ждите. Я должен отдать кое-какие распоряжения, прежде чем мы покинем гнездо.

* * *

Они отправились в путь, когда над просторами смежного сектора начал разгораться бледный рассвет.

Впереди, разделившись на две группы, шел отряд ксенобианских бойцов. Они бесшумно продвигались через молодой лес, то исчезая среди подросших до человеческого роста деревьев, то появлялись вновь там, где растительность не смогла или еще не успела захватить жизненное пространство небольших прогалин.

Сиреневая дымка, постоянно укутывавшая иллюзорный горизонт смежного сектора, постепенно начала редеть — верный признак того, что где-то рядом высятся стены.

— Дрог, ты помнишь, с чего начался конфликт между вами и ИНЫМИ?

— Мы допустили ошибку, — признался ксенобианин. — Если использовать понятные вам термины… мы не заметили их. Не обратили на них внимания.

— Как такое возможно? — недоверчиво усмехнулся Ван Хеллен, внимательно прислушивавшийся к разговору.

— Они — не живое, — попытался пояснить свою мысль Дрог. — Для нас мертвая материя никогда не имела значения. Вы же не обращаете внимания на мелкие камни под ногами, пока случайно не споткнетесь о более крупный…

— Все равно непонятно. Как можно не заметить *цивилизацию?*

— Можно, — вступился за Дрога Логинов. — Ксенобиане сначала заселили брошенные колонии ИНЫХ, где действительно не было ничего, кроме руин и пришедших в негодность механизмов. Для вас они являлись не более чем частью неживой природы, я правильно понял, Дрог?

Ксенобианин утвердительно щелкнул в ответ

— История Ксеноба, — прошипел он. — Нужно понять наш путь развития, прежде чем судить. — Он покосился в сторону Ван Хеллена и пояснил:

— Наше общество исторически состояло из отдельных семей. Каждая семья владела гнездом и небольшим участком Ксеноба. Это перед самой войной все смешалось, а раньше мы жили обособленно друг от друга.

— Между вами существовали различия? — поинтересовался Андрей, так же внимательно прислушивавшийся к разговору.

— В биологическом плане — нет, если не учитывать форму жвал и цвет хитина. Семьи различались по внутренней иерархии и

сформировавшемуся на протяжении веков стереотипу поведения Одни были более агрессивны, другие, наоборот, предпочитали не проявлять территориальных притязаний, решая внутренние проблемы роста путем развития… науки. — Последнее слово он произнес на языке землян. — По вашим меркам нас трудно назвать единой цивилизацией, и, тем не менее, это так. Мы никогда не воевали в крупных масштабах: если две или три семьи вступали в конфликт, все завершалось, как только одна из популяций достигала минимального предела…

— Побежденных просто оставляли в покое, отобрав часть излишних для сократившейся популяции территорий? — уточнил Логинов, не заметив, что прервал Дрога встречным вопросом.

— Да. Именно так, — подтвердил ксенобианин.

— А наука? Как вы сумели достичь таких высот в вопросах генной инженерии? — поинтересовался Лозин.

— Это сложно назвать наукой в вашем понимании, человек. Способность воздействовать на окружающую природу выработалась у нас в процессе эволюционного развития. Если человек изобретал орудия труда, учился рубить деревья, строить дома, то мы… — Он замялся, подбирая наиболее близкий по семантике термин — Мы не пользовались внешними приспособлениями, все изменения происходили внутри наших организмов. На протяжении миллионов лет выживали лишь те представители нашей расы, которые могли воздействовать вырабатывающимися внутри организма веществами на окружающую природу. Например, чтобы построить гнездо, молодой ксенобианин находил ростки дерева кронг, надкусывал точки роста и вводил в порез особое органическое вещество, которое вы называете ДНК. После этого деревья продолжали расти, постепенно сплетаясь друг с другом, даже срастаясь в некоторых точках…

— Но это долгий процесс.

— Да У нас есть понятие — основатель семьи. Тот, кто видоизменил молодые побеги. Он никогда не доживал до той поры, когда становились видны результаты его вмешательства в развитие поросли кронга. Гнездо формировалось постепенно, и по мере увеличения внутреннего объема пригодных для обитания помещений увеличивалась численность особей в семье. Это самый простой и понятный для вас пример. Все начиналось именно со строительства гнезд. Потом, — спустя тысячи лет, мы научились выращивать их быстро, начали менять не только форму, но и структуру материала, однако принцип вмешательства остался прежним.

— А вы изучали самих себя? — задал вопрос Логинов — Чтобы синтезировать «запрограммированную» ДНК, нужны глубокие знания и

адекватная биохимическая аппаратура.

— Ты применяешь критерии своей расы, — ответил Дрог. — Знание пришло позже, сначала был инстинкт, полезный для выживания навык, выработанный эволюцией. Главным является мысль: неважно, что потребуется мне завтра, новое гнездо или космический корабль, — я буду думать о форме, свойствах желаемого предмета, и в результате размышлений в моем организме начнут вырабатываться соответствующие возникшей потребности вещества, потом я найду молодую поросль кронга и введу в ростки накопленный за время размышлений генетический материал.

— И вырастет то, что ты задумал?

Дрог кивнул в ответ

— Я объясняю упрощенно, — вновь повторил он. — Вы можете найти аналогию среди собственных понятий я знаю, есть люди, которые называют себя конструкторами Они мысленно представляют формы и свойства проектируемого объекта, затем рассчитывают его характеристики, подбирают материалы и дают соответствующие задания другим людям, которые облекут их мысль в форму задуманной конструкции.

— Да, сравнение верное, — поддержал его Логинов. — Скажи, а передача наследственной памяти имеет в своей основе тот же механизм?

Дрог кивнул.

— Прежде чем оплодотворить клетки зародыша, каждый родитель проводит долгое время в состоянии транса, вспоминая все, чему научился в течение жизни, — кратко, но точно охарактеризовал он принцип передачи наследственной памяти.

— Неисповедимы пути твои, господи… — прошептал двигавшийся чуть в стороне Ван Хеллен.

Никто не слышал фразы, невольно сорвавшейся с уст Доминика.

— Мы отклонились от темы, Дрог, — напомнил Логинов.

— Я помню твой вопрос, человек. Семьи Ксеноба развивались разными путями. Искусство создания новых форм давало ощутимые преимущества в вопросах выживания, и постепенно мыслящие семьи возобладали над воинствующими. Некоторое время Ксеноб был мирной планетой, но потом нас стало так много, что между семьями вновь начали обостряться территориальные трения. В результате возобновились локальные стычки, мы стали выращивать то, что вы называете техникой, начался новый виток «прогресса», и в конечном итоге моим предкам удалось вырастить гнездо, которое не было привязано корнями к земле.

— Началась эра воздухоплавания, затем выход в космос и полеты к

иным мирам?

— Это сделали мои предки, — вновь повторил Дрог. — Я принадлежу к семье, первой покинувшей пределы родной планеты.

— То есть у вас не было четко сформулированной программы освоения космоса? — задал Логинов неожиданный вопрос.

— Каждая семья сама решала, как ей развиваться в дальнейшем. Некоторые прочно держались за Ксеноб, иные предпочитали покинуть планету в поисках новых жизненных пространств, и, когда они были найдены, новые миры дали возможность отдельным семьям к бесконтрольному, неограниченному размножению.

Он немного помолчал и добавил.

— Мне кажется, в ту пору многие из нас просто лишились разума. После тесноты Ксеноба мы, как одержимые, плодились на новых мирах, меняя их природу, строя все новые и новые гнезда.

— Вы не пытались исследовать колонизируемые планеты?

— Мы исследовали их, — ответил Дрог. — Но нас интересовало только живое, — тут же добавил он. — Все остальное проходило мимо внимания. Мы не увидели ИНЫХ, потому что наш разум никогда не сталкивался с неживыми формами разума. Мы не умеем видоизменять металл или камень, значит, они не представляют для нас интереса и не имеют ценности. Сейчас я не могу в точности ответить на твой вопрос, человек. Родную планету ИНЫХ осваивала не моя семья ИНЫЕ ее уничтожили. Не осталось ни одной особи, способной донести правду, но спустя время уже десятки семей ощутили на себе мощь неживого разума, обрушившего на нас свои механические боевые формы.

* * *

Их разговор прервался. Впереди возникла поднимающаяся ввысь стена.

— Внутренняя обшивка. — Логинов на миг застыл, погружаясь в ощущения собственного разума, который сканировал окружающее пространство, используя встроенные в кибермодули датчики.

— Секция подъемников в полукилометре от нас.

— Они работают? — поинтересовался Ван Хеллен.

— Нет. Придется подниматься по несущим конструкциям.

Еще через четверть часа все увидели секцию подъемных механизмов Прозрачные, исполненные из стеклопластика кожухи уходили ввысь, смыкаясь с потолком палубы, кабины пневматических лифтов лежали внизу, некоторые из них выглядели целыми, иные деформировались от

падения с высоты, большинство прозрачных сегментов защитных стволов были разрушены в момент декомпрессии, и теперь острые осколки стеклопластика усеивали все пространство вокруг неработающих лифтов.

— Мои бойцы смогут легко подняться наверх, — произнес Дрог.

— Да мы и сами не безрукие, — усмехнулся в ответ Ван Хеллен.

— Будет лучше, если мы воспользуемся страховкой, — осадил его Логинов. — Нет смысла подвергать себя риску падения с такой высоты. Дрог, — обратился он к ксенобианину, — боевые особи умеют выделять вещество, похожее на паутину?

— Мне придется подняться с ними, чтобы отдавать указания.

— Хорошо, мы подождем внизу. Нам нужно три прочно закрепленных вверху каната. Ты понимаешь меня?

— Вполне. Это не займет много времени.

Ксенобиане стали карабкаться вверх.

Логинов подошел к Ван Хеллену.

— Ты зря пытаешься пренебречь их помощью, — сказал он. Доминик сощурился.

— С каких это пор ты начал командовать мной? — с вызовом осведомился он.

Дима пожал плечами.

— С тех пор, как проснулся, — не обратив внимания на тон Доминика, ответил Логинов. — Сейчас я старший офицер корабля.

Ван Хеллен хотел резко возразить, но передумал, демонстративно отвернувшись от секции подъемников, будто его на самом деле нисколько не интересовало происходящее наверху.

В принципе, он не имел ничего против Логинова.

Ему было трудно сжиться с мыслью о том, что с Чужими можно сотрудничать, вот где скрывался корень проблемы, не дававшей покоя Ван Хеллену.

Он не верил им и не мог ничего поделать с этим предубеждением.

* * *

Пока ксенобианские бойцы карабкались наверх, Андрей отозвал в сторону капитана Логинова.

— Дмитрий Николаевич, надо поговорить.

В обращении Лозина ощущалась нервозность. С момента пробуждения Логинова они еще ни разу не общались тет-а-тет, словно оба подсознательно побаивались этого.

— Называй меня по имени, Андрюша, — попросил капитан.

Андрюша…

Отеческое обращение полоснуло по нервам.

— Я репликант, — Лозин вскинул голову, хотел что-то добавить, но Логинов остановил его, полуобняв за плечи.

— У тебя суровый взгляд. Как у отца. Иван мечтал о втором сыне, и мне кажется, его мечта сбылась. — Дима улыбнулся. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, он не испытывал дискомфорта в общении — война быстро учит людей коммуникабельности. На старой Земле, еще до вторжения ксенобиан, Логинов привык делить невзгоды с быстро повзрослевшими восемнадцатилетними ребятами, которые чаще называли его «товарищ лейтенант» или просто *Дым*, по позывному.

— О чем ты хотел поговорить? — нарушая неловкую паузу, спросил он.

— Да я сам толком не знаю, как это сформулировать. Ты слышал, наверное, про Николая Астафьева?

— Да, Доминик подробно рассказывал мне о нем.

— Он упоминал о покушении, которое едва не состоялось накануне выхода нашей штурмовой группы?

Логинов кивнул.

— Есть новая информация?

— Я говорил по этому поводу с Дрогом. Это он послал боевую особь, чтобы уничтожить Астафьева.

— Причина? — Голос Логинова вдруг утратил отеческую мягкость, став деловым.

Андрей подробно пересказал ему разговор с ксенобианином, добавив от себя:

— Я не стал делиться информацией с Ван Хелленом.

— А что ты ему сказал?

Лозин отвел взгляд.

— Пришлось солгать, — признался он. — Свалил все на кибернетический протез.

— И правильно сделал. — Логинов помрачнел, новая информация не просто насторожила его — с самого пробуждения, как только капитан понял, какие страшные коллизии претерпел «Тандем», его не покидало интуитивное предчувствие, словно внутренний голос постоянно нашептывал: они где-то рядом

В памяти Логинова были свежи воспоминания о микромодуле, извлеченном из височной области Джона Херберта.

Можно ли допустить, что действиями Астафьева руководил ИНОЙ?

Да, вне сомнения, если у чуждой формы был мотив, руководствуясь которым он вернул отдельно взятому человеку частицу утраченных знаний.

Значит, и репликанты могли пройти соответствующую обработку, сами не подозревая того? Но какую, и главное — зачем?

— Андрей, сними боевой шлем.

Лозин машинально повиновался, лишь мельком недоуменно взглянув на Логинова

— Стой смирно. Я отсканирую твои имплант. Дима закрыл глаза. Так ему было удобнее работать.

Через минуту, с облегчением выдохнув, он произнес:

— Все чисто.

— Что ты искал?

— Любые аномальные структуры. В моей жизни был случай, когда микромодуль ИНЫХ управлял действиями человека. При этом носитель не подозревал, что находится под контролем

Андрей надел шлем.

— Мне показалось, что Дрог имел в виду нечто подобное, когда говорил про Астафьева.

— Может быть. — Дима поморщился. Мысль о том, что они перестанут доверять друг другу, подействовала на него удручающим образом.

— Никому не говори о разговоре с Дрогом и о проверке, которую я сейчас произвел. Смертельно обидеть человека подозрением легко, труднее потом вновь завоевать его доверие. Но ситуация не позволяет нам быть беспечными. Поэтому я отсканирую всех репликантов. Но не стану оповещать их об этом, договорились?

— Да.

Вернувшись к неработающим секциям подъемников, они обнаружили, что ксенобиане уже спустили вниз черные, легко гнущиеся, но прочные подобия тросов, а Ван Хеллен нервно озирается по сторонам.

— Где вы ходите?

Логинов улыбнулся краешком губ.

— Все в порядке, Доминик. Естество. — Он выразительно посмотрел на кусты.

Ван Хеллен фыркнул. Он замечал эту странность за репликангами — стесняться друг друга, ища укрытие, чтобы отлить, будто находишься под огнем врага.

— Давайте подниматься. Все готово.

Они привязали страховочные тросы кремням экипировки и начали восхождение, поднимаясь по разбитым секциям подъемников.

Первым, наступив ногой на непрочно закрепленный осколок пластика, сорвался Ван Хеллен, но не пролетел и метра: по мере подъема людей ксенобианские бойцы постоянно укорачивали страховку, так что Доминик лишь внутренне обмер, на секунду ощутив чувство свободного падения.

Разглядев метрах в двадцати под собой заостренные, погнутые бачки, он, раскачиваясь, успел мысленно поблагодарить Логинова за предусмотрительность.

— Не дергайся, — тут же услышал он его голос. — Постарайся схватиться за опору.

Ван Хеллен, поборов тошноту, внял его совету, поймав руками первую, оказавшуюся в зоне досягаемости металлоконструкцию.

Дальше пошло уже без приключении, и через десять минут все трое стояли на верхней площадке, где гулял ощутимый ветер.

— Здесь запертые люки, — сообщил Дрог.

— Сейчас разберемся, — откликнулся Логинов.

* * *

Несмотря на прозвучавший в голосе Димы оптимизм, провозиться с люками пришлось около часа, пока один из них не поддатся механическому напору ручного привода.

— Старая конструкция, — прокомментировал Логинов. — Но надежная, — добавил он, первым входя в тамбур шлюзовой камеры.

Внутренний люк открылся без проблем. Верхняя палуба встретила их затхлой атмосферой, все вокруг было обесточено, и царил полный мрак.

Ван Хеллен включил фонарь.

— Чем мы сможем управлять отсюда? — спросил он, осматривая длинный коридор с плотно запертыми дверями.

— В данный момент — ничем, — ответил Логинов. — Прежде всего нам нужно отыскать аварийный источник энергии, запустить системы, а там будет видно, каким потенциалом мы располагаем.

— Почему ты думаешь, что здесь заработают компьютеры?

— Потому что палуба была законсервирована, сначала оборудование хотели демонтировать и использовать ее как дополнительный грузовой модуль, но потом изменили решение, оставив всю аппаратуру на местах, в качестве резерва локационных систем на случай непредвиденных обстоятельств. Будь спокоен, компьютерные сети не пострадали, в момент атаки они были обесточены. У меня вызывают большие опасения внешние

датчики локации…

— Что именно мы должны искать? — прервал его Доминик, обшаривая лучом света пустой коридор.

— Генераторный отсек. Сейчас, дай мне сориентироваться.

Он на минуту прикрыл глаза.

— Прямо по коридору, третья дверь направо, — уверенно произнес Логинов, закончив сканирование.

— Откуда ты узнал?

Дима не стал вдаваться в подробности строения своих имплантов.

— У меня хорошая память, — ответил он.

Указанная дверь действительно вела в генераторный отсек.

Взглянув на исправное оборудование, Ван Хеллен вдруг подумал, что он, считавший себя знатоком смежного сектора, на самом деле практически ничего не знал о нем.

Мог ли он подумать, что призрачная серо-фиолетовая дымка, то и дело орошавшая дебри моросью мелкого дождя, скрывает за собой еще одну палубу?

Старший офицер корабля… — вспомнилась Доминику фраза капитана.

Похоже, непонятная формулировка начала обретать практический смысл

Свет в отсеках и коридорах появился спустя полчаса. Сначала желтовато-тусклый, он с каждой минутой становился все ярче, зашипели пневматикой двери, проверяя собственную работоспособность после долгого забвения, на стенах засветились вмонтированные в переборки информационные экраны — все оживало на глазах, подтверждая слова Логинова о том, что кибернетические системы законсервированной палубы не пострадали в момент Внешней Атаки.

— Если внешние датчики локационной системы в норме, мы сможем не только увидеть окружающее пространство, но и произвести точные вычисления по звездным ориентирам, — пояснил Логинов, пока они шли по длинному коридору к расположенному в самом конце залу управления. — К тому же отсюда будет доступна информация о состоянии внутренних систем «Тандема», — добавил он. — Когда перед окончательной сборкой конструкции консервировали эту палубу, ее соединили с глобальной сетью корабля.

— Что это значит? — уточнил Ван Хеллен.

— Это значит, что любые работающие в данный момент кибернетические системы, будь то аварийный резерв или основная

автоматика «Тандема», выйдут на связь с резервным постом управления, конечно, в том случае, если не повреждены оптические кабели, проложенные между двумя слоями корпуса.

— Мы сможем связаться с Астафьевым и сообщить, что живы? — сделал свой практический вывод Доминик.

— Думаю, да, — согласился с ним Логинов. — Сейчас все станет ясно. — Он остановился перед плотно сомкнутыми дверями, подле которых располагался блок системы доступа.

Тускло зардел огонек сканирующей системы, Дима подался вперед, позволяя датчикам распознать структуру сетчатки глаза и сравнить ее с хранящимся в памяти эталоном.

— Капитан Логинов. Полномочия доступа подтверждены, — внезапно раздался ровный голос, исходящий из скрытых динамиков аудиосистемы.

Двери резервного поста управления скользнули в стороны, открывая проход в небольшой по размерам зал.

* * *

Ван Хеллен в жизни не видел столько одновременно работающей аппаратуры.

От обилия контрольных сигналов поначалу даже закружилась голова, зрение никак не могло сосредоточиться на чем-то одном, но Логинов, похоже, знал, что следует делать. Не обращая внимания на прихотливые изменчивые узоры световых индикаторов, он прошел к нескольким креслам, расположенным перед основным терминалом поста.

— Прошу, — он указал на соседние кресла. — Только руками пока ничего не трогать, договорились?

Ван Хеллен, Лозин и Дрог сели, ксенобианские бойцы, выслушав пощелкивание своего командира, удалились назад в коридор.

— Приступим.

Логинов расслабленно откинулся на спинку центрального кресла, чем немало удивил сидящего рядом Доминика.

Взгляд Ван Хеллена скользнул по ближайшим приборным панелям, но не нашел на них привычных текстоглифных[10] клавиатур, лишь датчики неведомых систем перемигивались крошечными огоньками индикации.

Впрочем, задать вопрос он не успел, внезапно воздух перед креслами начал терять прозрачность, формируя виртуальные системы управления и мониторинга: перед Логиновым без видимой опоры разместились покрытые тексгоглифами панели ввода, чуть дальше, смыкаясь друг с другом, обозначились секции голографических мониторов.

Дима даже не шевельнул пальцем, лишь слегка поворачивал голову, глядя из-под полуприкрытых век на нужные ему участки сформировавшейся на глазах сервисной оболочки управления.

С тихим щелчком: статики включилась аудиосистема:

— Локационный контроль Тест датчиков внешней периферии. Пожалуйста, ждите.

— Внутренний мониторинг систем управления. Режим глобального опроса сетевых устройств.

— Команда на расконсервацию подсистем станции «Танаис» принята, полномочия оператора подтверждены.

Машинный голос стих.

Некоторое время они провели в молчании, ожидая зримого эффекта от инициированных Логиновым действий.

Датчики локационной системы прошли тест. Получен отклик от сорока процентов устройств. Начало трансляции данных.

Аудиосистема продолжала доклад, но вряд ли в эти секунды кто-то из присутствующих слышал слова: виртуальные мониторы внезапно наполнились чернотой космического пространства, затем последовало плавное перемещение ракурса одновременно во всех секциях стереоскопических экранов, и в их объеме появилось изображение планеты!..

Шок от увиденного превосходил все мыслимые ожидания.

Обломки.

«Тандем» двигался в сплошном поле обломков, не опоясывающих серо-коричневый шар планеты, а *окружающих* его.

Дрог внезапно издал резкое шипение, смешанное с клекотом. Таких звуков от ксенобианина еще не слышал никто, Чужой был в шоке, он инстинктивно подался вперед, словно это движение могло помочь ему лучше разглядеть и без того предельно детализированную картину.

На экранах, вне сомнения, был Ксеноб

Родной мир ксеноморфов, планета, обращающаяся вокруг звезды, которую люди называли Проксимой Центавра.

Рассеянные во всем обозримом пространстве обломки являлись останками двух космических флотов, принимавших участие в битве за планету: в виртуальном пространстве голо-графических мониторов проплывали фрагменты черных подковообразных ксенобианских крейсеров, рядом плыли уродливые, рассеченные ударами лазерных лучей металлокерамические конструкции, тускло отсвечивающие плоскостями, изломами и гранями в свете далекой звезды.

Зрелище подавляло разум.

Трудно было представить, что творилось на орбитах планеты в момент столкновения. Сознание то и дело выхватывало из общей картины различные детали, был ли это фрагмент крейсера Чужих с рваными, будто бы разлохмаченными краями, за которым тянулись маленькие, но хорошо узнаваемые фигурки ксеноморфов, чьи мертвые тела навек законсервировал вакуум, и тут же, без плавных переходов, взгляд соскальзывал на немыслимые конструкции: иссеченные потоками когерентного излучения, они больше походили на творения скульпторов-механореалистов далекой Земли… Ровные, но прихотливые срезы обнажали сюрреалистические ракурсы, взгляд проникал внутрь кораблей ИНЫХ, не в силах постичь их конструкции.

Логинов первым очнулся от наваждения

Сейчас его импланты работали на пределе своей мощности, передавая мысленные команды человека системам управления Он по своей воле укрупнял одни обломки или отдалял всю панораму, пытаясь понять, насколько глубоко увяз «Тандем» в облаке обломков, окружающих планету, затем изображение на центральном мониторе погасло, и вместо него стали появляться скупые строки отчета:

Данные предварительного сканирования, обнаружено остаточное напряжение в энергосетях крупных объектов.

Управляемого движения не зафиксировано. Малые космические тела придерживаются траекторий, сформированных под влиянием гравитационного поля планеты…

Обломки великой битвы.

Судя по показаниям локационной системы, которые теперь отражались непрекращающимся потоком данных, в зоне сканирования не маневрировал ни один корабль, и первый вывод, который напрашивался из всего увиденного, можно было сформулировать так ИНЫЕ ушли, разгромив флот ксенобиан.

Логинов привык доверять интуитивным предчувствиям, он уже не раз убеждался, что первое впечатление бывает наиболее верным, но сейчас его смущала масса сопутствующих вопросов, которые не вписывались в общую логику: во-первых, почему ИНЫЕ покинули систему? Это, конечно, еще не факт, но останься они в околопланетном пространстве Ксеноба, датчики «Тандема» обязательно фиксировали бы их активность, однако вокруг простиралось лишь неуправляемое, подчиненное гравитации планеты облако покалеченной органики и изуродованных металлокерамических конструкций, причем, как показывала статистика,

неорганических обломков было в десятки раз больше, чем останков ксенобианского флота.

Неравенство сил, так ярко и недвусмысленно выраженное в отчетах датчиков слежения, наводило на мысль, что защищавший планету флот ксенобиан не мог нанести столь сокрушающего удара.

Дима смотрел на показания приборов и понимал: здесь произошло нечто странное, выходящее из ряда вон, будто в заранее предопределенные события внезапно вмешалась некая третья сила

Но откуда ей было взяться? Предположение о еще одной расе даже в мыслях звучало полным абсурдом.

В напряженной тишине, прерываемой лишь лаконичными докладами кибернетических систем, раздался шипящий голос Дрога:

— Мы можем увидеть поверхность моего мира?

— Сейчас попробую. — Логинов мысленно передал команду локационной системе, и обломки, окружающие планету, вдруг рванулись навстречу наблюдателям, в последний миг уходя в стороны и исчезая из поля зрения, — это заработали оптико-электронные умножители, нацелившиеся на зримую прореху в плотной облачности

Через несколько секунд они увидели фрагмент поверхности Ксеноба.

Там, где раньше высились сплошные заросли черных деревьев, образующих сложную структуру «гнезд», сросшихся за тысячелетия развития в единый покров, сейчас ветер гнал серые облачка праха, наметая отлогие барханы пепла с подветренной стороны отдельных, чудом уцелевших образований.

Жалобный клекот вырвался у Дрога, когда он увидел, во что ИНЫЕ превратили его мир.

Даже Ван Хеллену в этот миг захотелось взвыть вместе с ксеноморфом, его очерствевшая душа впитала всю горечь вырвавшегося крика, и он, оглушенный внезапно раздвинувшимися границами восприятия, понял: все беды и горести, выпавшие на его долю, ничто по сравнению с прахом, гонимым по поверхности чуждой планеты равнодушным ко всему ветерком…

— Дрог, еще не все потеряно, — повернувшись к ксенобианину, произнес Логинов. — Мы поможем вам. На нижних палубах «Танаиса», кроме планетарной и боевой техники, есть хранилища генофонда.

— Я буду благодарен, если вы поможете мне…

Дима побледнел.

— Почему ты говоришь в единственном числе, Дрог?

— Потому, что я последний. Последний из разумных ксенобиан,

оставшийся на борту «Тандема».

У Логинова внезапно перехватило дыхание.

— Ты сможешь продолжить свой род?

— Если найду в себе силы. Не сейчас, человек. Мой разум не может постичь этого…

* * *

Бортовой хронометр бесстрастно отсчитывал секунды

Никто, кроме Логинова, не обращал внимания на доклады, начавшие поступать от различных систем «Тандема», — Лозин и Ван Хеллен смотрели на ирреальный танец обломков, окружающих мертвый, выжженный дотла Ксеноб.

Вольно или невольно они вспоминали записи с дисков и думали о Земле, потерянной родине, которая, возможно, также превращена в прах.

Почему? Во имя чего?

Доминик не понимал, что происходит в его душе. Сколько может надламываться сознание? Где предел? Где истина? Где смысл этого злого неправильного бытия?

Он слышал признание Дрога.

Последняя разумная особь ксенобиан находится сейчас рядом с ним. Чудо, что ксеноморф остался жив, ведь он, Доминик Ван Хеллен, мог запросто прирезать его там, в компьютерном зале, оборвав одним взмахом десантного ножа линию жизни целой расы.

Куда исчезла его ненависть к Чужим? Где тот песок, что впитал эту черную влагу, день ото дня отравлявшую рассудок?

Каждый в эти минуты думал о своем, сокровенном, главном, но наступил момент, когда шоковая ситуация вдруг обернулась своей новой гранью.

Все началось с сообщения киберсистемы, которой удалось наладить соединение с локальной сетью крейсера «Ио».

Изображение на виртуальных мониторах внезапно поменялось, глубина наполненного обломками космоса исчезла, и вместо нее появилась картинка медицинского модуля.

В призрачном свете неярких ультрафиолетовых ламп фигура Николая Астафьева казалась неживой, словно между камерами биологической реконструкции ходил призрак человека.

— Ник? — невольно вырвалось у Ван Хеллена. — Чем он занят? И что за хрень висит у него над плечом?!

— Сейчас посмотрим, — отозвался Логинов, включая полную

передачу данных.

* * *

Николай не видел, как под потолком медицинского модуля повернулись, нацелившись на него, уцелевшие после катастрофы камеры видеонаблюдения.

Прихрамывая, он перемещался от одной камеры к другой, прислушиваясь к лаконичным рекомендациям ИПАМа.

— До начала процедуры отстыковки осталось восемнадцать часов, Ник, — вещал парящий над его плечом сфероид. — Кибернетическая система исследовала расположенный неподалеку мир и пришла к выводу о полной непригодности планеты к немедленному заселению.

— Это значит, что новые поколения должны быть киборгизированы?

— Несомненно. Вокруг «Тандема» системами локации отслежено достаточное количество обломков, оставшихся от космических кораблей иной расы. Они послужат хорошим конструктивным материалом для строительства космического города. Нам не нужно будет добывать полезные ископаемые с поверхности планеты и создавать сложные рудоперерабатывающие комплексы.

— Может быть, не стоит торопиться? — спросил Николай у своего советника. — В нашем распоряжении есть машины и материал. Почему не выстроить станцию, со всеми системами жизнеобеспечения, чтобы новое поколение людей избежало киборгизации?

— Потому, что ты не вечен, Ник, — нашептывал ИПАМ. — За то время, что роботы будут собирать материал и строить космический город, ты состаришься и умрешь в одиночестве. Пора наконец понять, что после всех операций ты сохранишь главное — мозг, который не будет так стремительно стареть. У тебя и у поколения репликантов появятся невероятные возможности, которые ты сейчас просто не в состоянии представить. Это новая ступень развития.

Астафьев вздохнул.

Он где-то слышал древнюю поговорку, что благими намерениями выстлана дорога в ад, но никогда не понимал ее значения.

— Хорошо, ИПАМ, я остановлю развитие репликантов. Следующую партию людей мы будем проектировать вместе… — Он подошел к очередной камере и произвел несколько переключений, прерывая процесс роста. — Через восемнадцать часов мы избавимся от проблемы Чужих и тогда окончательно решим, что делать дальше. — Он закончил отключение последней камеры биореконструкции и бесцветным усталым голосом

произнес:

— А сейчас будь добр, оставь меня одного.

— Что-то не так, Ник?

Лицо Астафьева внезапно пошло пунцовыми пятнами.

— Я только что совершил убийство, понимаешь?

— Это не убийство, Ник. Нерационально тратить ресурсы на создание несовершенных людей.

— Я же сказал — оставь меня! Убирайся прочь!

Николай бессильно присел на край камеры и закрыл руками лицо.

Ему казалось, что он проклят и уже больше никогда не сможет стать прежним — целеустремленным, полным надежд, *живым…* будто отключение камер реконструкции убило в нем остатки души.

* * *

Вот так все когда-то начиналось в цивилизации ИНЫХ, — мысль пришла отчетливая, кристально-ясная, не требующая никаких доказательств.

Они были очень похожи на людей.

Они создавали машины, наделяя их функциями саморазвития, моделировали искусственные интеллекты, реализуя их на базе заимствованного у матушки-природы принципа построения нейронных сетей, и…

Перед мысленным взором Логинова появились собранные из миллионов октаэдров сферы.

Инволюция.

Любая кибернетическая система, пусть даже построенная на основе нейросети, пойдет в своем развитии по пути рационализации, упрощения сложных элементов без потери их функциональности — это пришло не как озарение, а как уверенность в правоте сделанного вывода.

Эмпирического вывода, требующего материальных доказательств промелькнувшей догадки: в системе Проксимы Центавра действительно сошлись в схватке три флота, два из которых принадлежали ИНЫМ — новые популяции машин, созданные как универсальные колонии элементарных модулей, шагнули на следующую ступень кибернетической инволюции, отвергая все громоздкое, сложное, обладавшее остатками рассудка.

Что может быть проще, логичнее нескольких основополагающих инстинктов: существовать, размножаться, защищаться от деструктивных воздействий?

Они не приняли волю своих создателей, повернулись против них, вот почему второй флот, двигавшийся к Земле, изменил курс — он поспешил в систему Ксеноба, где Чужие, воспользовавшись столкновением двух радикально отличающихся поколений ИНЫХ, попытались использовать свой последний шанс.

Итог простирался вокруг «Тандема» в виде десятков тысяч бесформенных обломков.

Инволюционировавшие формы ИНЫХ победили, и их корабли-колонии легли на новый курс, чтобы обезопасить себя от потенциальной угрозы, которую несла цивилизация людей.

Их действия основывались не на территориальных притязаниях или иных понятных для человека мотивах, нет, они устраняли помеху для собственного существования, которое, по сути, потеряло смысл.

Они — не разум.

Иван был тысячу, миллион раз прав.

Они не разум, а кибернетическая чума, способная стереть с лица Вселенной все, что хоть на йоту отличается от мертвой материи…

* * *

— Он что, считает нас погибшими?! — Ван Хеллен от возмущения даже привстал с кресла, но тут же опустился обратно, горестно глядя на экран, где застыло изображение Николая Астафьева. — И что за кибернетическая дрянь увещевала его?!

— Это обыкновенный ИПАМ, — блеснул техническими познаниями Лозин.

— Ну, не совсем обыкновенный… — поправил его Логинов. — Я бы сказал, что поведение данного модуля не совсем адекватно. Хотя, с точки зрения логики, он рассуждает вполне здраво.

— Здраво?!

— Это ИНОЙ, — категорично прошипел Дрог.

— Не спешите с выводами. — Дима видоизменил раскладку виртуальных панелей, отдав набор директив аварийным системам второго уровня. — Нет смысла пороть горячку. Я заблокировал стыковочные узлы.

Он еще раз посмотрел на показания виртуальных дисплеев и добавил:

— Давайте подведем первый итог. Во-первых, мы теперь знаем, что «Тандем» находится в системе Ксеноба, или Проксимы Центавра, если оперировать человеческими терминами. Планета явно подверглась тотальной зачистке с полным уничтожением всех органических форм жизни, после чего флот ИНЫХ покинул систему, очевидно

перенацелившись на Землю. То, что на протяжении шестнадцати лет вы называли Внешней Атакой, действительно было нападением извне, и виной тому, — он взглянул на монитор, — запланированное еще перед стартом зондирование. ИНЫЕ отследили вектор направления, с которого появлялись малые аппараты разведки, и ответили ударом.

— Но почему «Тандем» не оборонялся? — спросил Андрей.

— Очевидно, нас атаковала сфера. Приборы зафиксировали мощный электромагнитный удар, совмещенный с механическими повреждениями срединной части корпуса. Если вспомнить запись, полученную от адмирала Лозина, несложно предположить, что дежурная вахта не смогла адекватно отреагировать на стремительные действия атакующих модулей. Учитывая то, что все основные кибернетические цепи вышли из строя, экипаж попросту не сумел организовать противодействие. Возможно, они подпустили сферу слишком близко, до последнего момента пытаясь наладить контакт с ИНЫМИ, но мы знаем, что данный вид механизмов неспособен к сложным реакциям на события. ИНЫЕ атаковали «Тандем» и, зафиксировав полное поражение кибернетических систем вкупе с декомпрессией корпуса, легли на обратный курс, сочтя корабль уничтоженным. Не имея опыта столкновений с людьми, они допустили роковую ошибку — спустя некоторое время на борту «Тандема» заработали аварийные системы, которые поддерживали живучесть корабля на протяжении шестнадцати лет.

Логинов на некоторое время умолк, считывая показания приборов, а затем продолжил:

— За период неуправляемого дрейфа, под воздействием гравитации звезды, корабль изменил курс и в конечном итоге вышел на орбиту вокруг Ксеноба. К этому времени столкновения в системе Проксимы уже завершились и вражеский флот покинул ее. Вот, наверное, вся информация, которую мы имеем на данный момент.

— И как нам действовать дальше? — нервно поинтересовался Ван Хеллен.

— Будить людей. — категорично ответил Логинов. — Будить, обучать, восстанавливать основные системы корабля, брать контроль над «Тандемом» в свои руки и использовать представившуюся нам уникальную возможность.

— Какую? — насупился Доминик.

— Вокруг нас тысячи обломков, оставшихся от флота ИНЫХ. Они — кладезь бесценной информации. Если мы сумеем собрать и прочесть ее, то у нас появится реальный шанс не только постичь суть трансформаций,

произошедших с кораблями чуждой цивилизации, но и повлиять на события.

— По-моему, все «события» уже завершились, — резко возразил Ван Хеллен.

— Ты ошибаешься, Доминик. Мы находимся всего в четырех световых годах от Земли. Возвращение в Солнечную систему — это лишь вопрос времени. И мы должны быть готовы к любому повороту событий.

За время разговора только Дрог не проронил ни звука. Он смотрел на экраны, будто окаменев.

ГЛАВА 9

«Тандем». Три месяца спустя

— Взвод, строиться! — Собственная фраза эхом отдалась в сознании Андрея.

Он ощутил странный, горячий прилив энергии.

Ты сошел сума. Мы ВСЕ сошли сума…

Радость. Непривычное чувство подъема, будто сила эмоций поднимает сознание на гребень незримой волны и с высоты секундного душевного подъема окружающая тебя реальность приобретает внезапный, неуловимый до этого мгновения смысл.

Кем они были?

Горсткой репликантов, отштампованных с генетических матриц погибших членов экипажа «Тандема»? Поколением, чей удел ограничивался узкими рамками ненависти к созданиям иной эволюции, чье предназначение — сгореть в коротких яростных схватках… Так что они делают тут, на этой широкой площадке внутреннего космодрома, тщательно расчищенной от обломков былых катаклизмов и войн?

Пытаются обрести шанс на новую судьбу?

Кому верить, душе или рассудку? Короткой памяти прожитых дней или голосу подсознания, который прижился в душе, стал частью тебя вместе с воспоминаниями младшего брата, спящего в тиши ксенобианского устройства поддержания жизни, с мыслями отца, которые уже воспринимались как свои?

Да, он понял смысл слова «честь».

Честь — это быть самим собой, жить так, чтобы не страшиться будущего и не вздрагивать, оглядываясь в прошлое.

Астафьев кривил душой, утверждая репликантам, что они люди.

Мы стали людьми, — с внезапной кристальной ясностью подумал Лозин, делая шаг вперед.

Свежая разметка на плитах предстартового накопителя, фигуры в скафандрах с открытыми забралами гермошлемов — люди и полуразумные ксенобианские особи (находящиеся в переходной стадии между боевой формой и полноценным существом) — в одних шеренгах, а в середине застывшего каре, глядя на приближающихся командиров групп, стоял Дима Логинов, совсем не состарившийся, а именно такой, каким запечатлела его

память Ивана Лозина.

Неужели мы, горстка людей и ксенобиан, нашедших силы понять друг друга, вспомнить о главных ценностях своих рас, всерьез собираемся сделать это?

Повернуть время вспять? Изменить предначертанный ход событий?

Он шел, невольно пытаясь чеканить шаг, ощущая за спиной тех, кто был ему дорог, умудряясь вспомнить все события, что сделали возможным этот миг.

Три месяца изматывающих виртуальных тренировок, постоянный информационный прессинг, с которым едва справлялся разум, знания и навыки, *вливающиеся* через имплант, ощущение огромной распахнувшейся навстречу разуму Вселенной — все это осталось позади, и теперь от них требовалось одно: действовать.

Четыре командира подразделений — три человека и ксенобианин подошли к центру площадки, выстроившись в шеренгу перед капитаном «Тандема».

— Личный состав эскадрильи малых кораблей прикрытия для получения боевого задания построен! — звонко отрапортовал Андрей.

— Десантно-штурмовой взвод готов! — раздался рядом хрипловатый голос Доминика Ван Хеллена.

— Отряд планетного десанта построен! — проскрежетал Дрог.

— Смешанная группа исследовательского отдела построена. К получению боевого задания готовы.

Андрей не знал, что ощущает в этот момент ксенобианин, но в его душе, вопреки всем сложностям, назло неопределенности, застыло звенящее чувство полного перерождения, словно именно сейчас окончательно слились воедино три сознания, три души, и здесь, в эту секунду, стоял уже не репликант, рожденный для краткого мига неосознанного бытия, но человек нового поколения, собравший воедино свое мироощущение, объединивший его с памятью отца и воспоминаниями спящего брата, сумевший отторгнуть межрасовые предрассудки, поверить в силу собственного разума, не побоявшийся пройти по смертельным джунглям смежного сектора, преодолеть кривые тропки собственного сознания, а после вобрать сохраненное машинами *знание*, которое веками копили поколения людей, чтобы однажды отдать его своим детям, дерзнувшим отправиться к звездам…

Разум еще не до конца воспринимал данность, но душа уже поверила в необратимость перемен и трепетала, ожидая *событий*.

Логинов молча смотрел на них, потрясенный внезапно возникшим

единством, о котором не думалось ни на далекой Земле, ни в глубоком космосе. Люди и ксенобиане никогда по-настоящему не стояли рядом, испытывая одни и те же эмоции, словно семантическая и моральная пропасти, все время разделявшие два цивилизованных народа, если не исчезли, то сузились до размеров трещин, через которые стал возможен шаг навстречу друг другу.

Невозможно перечислить и выразить все мысли и чувства, затаившиеся внутри или рвущиеся наружу, от них, казалось, звенела тишина и воздух становился гуще.

Взгляд мельком скользнул по молодому лицу Лозина, и память будто швырнуло на полстолетия назад, во вспоротый трассерами мрак, сгущавшийся над высохшим дном исчезнувшего Каспия.

Неужели это ты, командир? Или твое отражение, реинкарнация души, в новой, осознающей себя… и тебя личности?

Да, наверное, это так.

Где мы перешагнули грань между прошлым и будущим, скрутив субъективный темпоральный поток в тугую спираль?

В эти минуты вдруг вспомнилось все: и страшные, полубессознательные месяцы рабства у ксенобиан, и первый осмысленный взгляд, когда он сидел, привалившись к пробитому пулей колесу внедорожника, вдыхая трепещущими ноздрями запах перегретого, плавящегося в знойном полудне асфальта, Ивана Лозина, только что сорвавшего ненавистный ошейник с обрывком грязной заскорузлой веревки, его глаза, расширяющиеся до рамок Вселенной, и голос, зовущий из бездны:

Дима?.. Логинов?.. Ты слышишь меня, Дым?..

Как странно и страшно смотреть на ксенобиан, которые когда-то сделали из него послушного раба, а теперь стоят в ожидании его приказа, побежденные, прощенные и равные…

Где-то внизу, под толщей палуб, сейчас проплывает серо-коричневый шар их разоренной войной планеты, а вокруг «Тандема» толкутся обломки, оставшиеся от исполинских космических флотов, сошедшихся здесь в последней неистовой схватке.

Среди обломков сокрыта тайна.

Тайна, которую им придется разгадать ради жизни еще не рожденных поколений. Ради планеты Ксеноб, превращенной в пустыню, ради Земли, чья судьба покрыта мраком неизвестности.

Им выпала такая доля… или они сами выбрали ее, теперь уже не важно.

Главное, что «Тандем» — последняя надежда и, возможно, последнее прибежище двух рас — не погиб, не разрушен и его экипаж вновь с этой самой минуты руководит кораблем.

Многое думалось, вспоминалось и грезилось в эти минуты, между звонкой фразой Лозина: «Взвод, строиться!» и сиплым скрежещущим докладом Дрога.

Теперь слово за ним.

Отныне он командир «Тандема».

Дмитрий Логинов включил встроенный в скафандр автопереводчик. Он знал язык ксенобиан, но хотел, чтобы его слышали все одновременно, обращаться к людям и ксенобианам по очереди казалось ему неправильным.

— Сегодня мы начинаем активную фазу действий. — Голос Логинова звучал на удивление ровно. — Думаю, нет смысла напоминать вам о сложности сложившейся ситуации. Скажу коротко: поверхность Ксеноба превращена в прах, судьба Земли неизвестна. Вокруг лишь обломки, рассеянные по орбитам. ИНЫЕ ушли из системы Проксимы, они взяли курс на Солнечную систему, и перед нами сейчас стоят три задачи: восстановить колонию ксенобиан на родной планете, доставив на поверхность необходимый запас генетического материала и аппаратуру для первичного воспроизводства флоры и фауны. Этим займется отряд планетарного десанта. Второе. Мы должны исследовать состояние обшивки и внешних коммуникаций «Тандема», подготовить корабль к возвращению в Солнечную систему. Группа технических специалистов приступит к работам немедленно. И, наконец, третья, наиболее рискованная и ответственная, на мой взгляд, задача: исследование обломков флота ИНЫХ, сбор любой доступной информации о произошедших тут событиях. Вы все видели записи, отправленные вслед «Тандему» адмиралом Лозиным. ИНЫЕ, атакующие Землю, претерпели трансформацию форм, более того, у них радикально изменилось мироощущение, и как следствие — они в корне поменяли свою реакцию на определенные события.

Напомню, что в конфликт с ксенобианами вступили разумные формы ИНЫХ, но в последнем послании адмирала Лозина лейтмотивом звучит мысль о том, что атакующие Солнечную систему сферы — не разум. Трансформация ИНЫХ произошла здесь, в системе Проксимы Центавра, и мы должны разгадать тайну произошедших изменений.

Это нелегкая задача. Нужно уделять внимание каждой детали, не пропускать ни одной мелочи, все действия десантных групп обязательно

должны фиксироваться на устройства долгосрочной памяти, ни один десантник ни на секунду не должен выключать сканирующие системы, которые способны обнаружить недоступные человеку детали или явления. Работа будет опасной, в обломках скрыто неизвестное количество функциональной техники ИНЫХ, поэтому каждый объект перед высадкой десантной группы блокируют малые корабли прикрытия. Время операции неограничено, она будет продолжаться, пока мы не получим необходимые данные.

Он выдержал короткую паузу.

— Вопросы?

Три человека и ксенобианин молча стояли перед ним.

Все было понятно и без лишних слов.

Пришло время собирать камни.

Мысли, эмоции внезапно пошли на спад, они отхлынули, как приливная волна, накатившая на пологий пляж и теперь медленно отступающая назад.

— По машинам!

* * *

Первым от «Тандема» отстыковался крейсер ксенобиан.

Андрей Лозин сидел в кабине истребителя прикрытия — сканирующие системы базового корабля по-прежнему фиксировали среди обломков работу отдельных энергетических цепей, и потому посадку «черной подковы» решено было сопровождать малыми кораблями поддержки.

Никакой автоматики, все на ручном управлении, но Лозин перед первым стартом ощущал странное спокойствие, будто все наконец встало на свои места, исчезла неопределенность, появились конкретные цели, а вместе с ними — четкий, осознанный смысл жизни, который так истово пытался отыскать в своем рассудке молодой репликант.

Теперь он уже позабыл это слово.

Аудиосистема истребителя начала обратный отсчет по громкой связи.

Огромный затвор стартовой катапульты был закрыт, а впереди, показывая немшающие звезды, зияло отверстие стартовой шахты.

Резкое ускорение, граничащее с секундной потерей сознания, накатило приливом дурноты и тут же отпустило; маленький корабль вырвался из ствола стартовой катапульты, и Лозину стало не до ощущений тела: впереди появились первые обломки, разум мгновенно включился в работу, отдавая полуавтоматическим подсистемам корабля четкие указания.

Истребитель, обогнув препятствие, лег на курс сопровождения, приближаясь к огромному подковообразному кораблю Чужих.

На обзорных экранах застыла планета ксенобиан.

Сколько человек пыталось вообразить ее облик, одни с интересом, иные с ненавистью, третьи с холодным равнодушием созерцателей.

Сенсорные системы «Тандема», постоянно сканирующие облако обломков, окружающее серо-коричневый, невзрачный шар, покрытый белесыми разводами облачности, выдали на дисплеи оптимальный курс сопровождения.

Вся операция должна была занять менее суток бортового времени.

* * *

Спустя пятнадцать часов, совершив серию сложных маневров, крейсер ксенобиан вошел в атмосферу родной планеты.

Андрей посадил истребитель неподалеку от «черной подковы».

Отключив магнитные захваты пилот-ложемента, он закрыл гермошлем и направился в шлюз.

Поверхность Ксеноба встретила его жутковатой поземкой: сильный порывистый ветер гнал частицы праха вдоль самой земли, изредка бросая пригоршни слипающегося в комочки пепла прямо в забрало гермошлема.

Осмотревшись, Лозин увидел одинокую фигуру Дрога.

Ксенобианин уже покинул корабль и теперь застыл, опустившись на колени подле чудом уцелевшего ствола черного узловатого дерева, потерявшего практически все ветки под напором бесноватого ветра.

Не желая мешать ему, Андрей все же решил, что будет находиться неподалеку. Некоторое время он честно выдерживал дистанцию, понимая, что Дрог сейчас не в том состоянии, чтобы общаться с человеком, но спустя четверть часа Лозину смертельно надоел жутковатый вид серой пустыни и он подошел ближе, включив сканирующие системы скафандра.

В конце концов, он ничем не мешал ксенобианину.

Дрог по-прежнему стоял на коленях, но теперь Андрей видел, что он осторожно разгребает пепел у корней дерева, укрепляя постепенно углубляющуюся воронку небольшими, попадающимися среди праха камнями.

Дрог никогда не думал о дне, когда его нога вновь ступит на поверхность родного Ксеноба.

Сейчас в нем жила память многих поколений цивилизации, но ему казалось, что настоящего нет…

Его сознание не воспринимало реальность, он чувствовал лишь едва

уловимые токи жизни, исходящие от корней могучего дерева.

История, совершив очередной виток спирали, повторялась. Наверное, именно так его дикий, едва осознавший себя предок разгребал песок у корней взрослого кронга, чтобы добраться до молодых, едва начинающих жить ростков.

Основатель семьи.

Строитель первого гнезда, давшего приют первому сообществу ксенобиан.

Под пальцы внезапно попалось что-то упругое, и душа ксенобианина вздрогнула, едва поверив осязанию.

Он замер, страшась и одновременно желая взглянуть в глубь конической воронки.

Наконец он решился.

На дне, возвышаясь над слоем праха, виднелся один-единственный росток — именно ему отдала все силы погибающая корневая система огромного дерева.

В следующую минуту Дрог начал впадать в транс.

Со стороны казалось, что ксенобианин низко склонился к земле, обнял ладонями хрупкий росток и окаменел.

Он думал.

Последний, единственный наследник своего народа… он вспоминал его историю, все удачи и невзгоды, взлеты и падения, вспоминал не только Ксеноб, но и Землю, где родился много лет назад.

Он думал о людях, о ИНЫХ, о себе, о Вселенной, что окружала покрытую прахом планету.

Он, строитель гнезда, основатель семьи, был обязан вспомнить все, прежде чем его острый ороговевший коготь коснется нежной макушки побега и сделает надрез, куда клейкой субстанцией потекут его мысли.

Наконец, спустя несколько часов, Дрог медленно разогнулся, выпрямившись в полный рост, и мертвую равнину внезапно огласил тихий, полный печали и надежды клекот.

Из подковообразного корабля, услышав призыв, начали выходить ксенобианские бойцы, но, присмотревшись к ним, Андрей, уставший от однообразных томительных часов ожидания, внезапно понял, что перед ним уже не полуразумные боевые формы: за сутки, истекшие с разделения «Тандема», с ними произошли разительные перемены, словно в застывшие хитиновые маски их лиц кто-то вдохнул индивидуальность черт, придал осмысленность взгляду, выпрямил фигуры, сделав их выше…

Это были полноценные, мыслящие особи!

Андрей наблюдал, как по очереди они подходят к Дрогу, а затем, развернувшись, ксенобиане вдруг направились к одинокой фигуре, закованной в металлокевлар боевого скафандра.

Внешние микрофоны передавали лишь тихое завывание ветра да шелест мертвой поземки, когда они подошли вплотную, и Лозин вдруг отчетливо услышал голос Дрога:

— Спасибо тебе, ЧЕЛОВЕК. Мы никогда не забудем, что вы сделали для нас.

Борт крейсера «Ио». Уровень исследовательской палубы

— Разрешите?

Голос, исходящий из переговорного устройства, прозвучал спокойно, но глухо.

— Заходите, Николай Сергеевич. Здесь установлен свободный доступ.

Логинов повернулся навстречу открывшимся дверям, в которых появился Астафьев.

Капитан протянул ему руку, но Николай повел себя вызывающе: сделав вид, что не замечает предложенного рукопожатия, он отыскал взглядом пустующее кресло и, прихрамывая, прошел к нему, чтобы сесть.

Дима спокойно опустил руку.

— Как успехи, Николай Сергеевич? — с подчеркнутой вежливостью осведомился он.

Астафьев пожал плечами.

— По-моему, работа техника везде одинакова. Она грязная и нудная.

— Грязь — явление временное. После шестнадцати лет дрейфа «Тандем» действительно нуждается в капитальной чистке коммуникаций, но это благодарная работа. Вскоре поддержанием порядка *я* мелкими видами ремонта займутся машины.

— Странная у вас логика, капитан. Мне казалось, что после инцидента с ИПАМом на всех устройствах, обладающих программами независимого поведения, будет поставлен крест.

— Вы ошибаетесь.

— Тогда можно вопрос? — Астафьев вскинул голову и посмотрел на нового командира «Тандема». — Почему вы отпустили меня? Зачем дали работу?

Логинов спокойно выдержал его взгляд.

— А вы полагали, что будете выброшены в вакуум?

Очевидно, встречный вопрос попал не в бровь, а в глаз. Николай побледнел, потом на его щеках вдруг появились пунцовые пятна.

— Три месяца вы не проявляли ко мне никакого интереса, — наконец произнес он. — Что случилось сегодня?

— Нашлось время поговорить, — ответил Логинов, усаживаясь в кресло напротив. Он не собирался объяснять Астафьеву, в каком состоянии достался ему «Тандем» и что подразумевает под собой понятие «борьба за живучесть корабля», который на протяжении шестнадцати лет подвергался внешним и внутренним разрушениям, функционируя на пределе возможностей аварийных систем поддержания жизни.

Три месяца, начиная с памятного момента включения резервной командной палубы, прошли для старшего офицера «Тандема» будто один нескончаемый, напряженный день, но теперь все изменилось: закончился период ускоренной информационной подготовки репликантов, в работы по управлению и восстановлению космического корабля вливались не только люди, но и простейшие механизмы, что значительно ускоряло процессы ремонта поврежденных секторов и подсистем огромного колониального транспорта.

Все постепенно приходило в норму, вставало на свои места, борьба за живучесть плавно перерастала в плановое техническое обслуживание, и у Логинова наконец в действительности появилось время, но не для отдыха, а для решения сознательно отложенных проблем.

— Вот что я вам скажу, Николай Сергеевич, — произнес он, глядя на Астафьева. — Я не новый божок, дорвавшийся до власти, и не тиран, узурпировавший ее, а действительный командир сменного экипажа колониального транспорта. Моя личная проблема заключалась лишь в том, что я спал, как в момент Внешней Атаки, так и после нее. И пригласил я вас не для того, чтобы демонстрировать собственное превосходство. Мне хотелось поговорить, задать кое-какие вопросы, относительно ваших взаимоотношений с ИПАМом, и просто, по-человечески поблагодарить за то, что не испугались, решились на создание поколения репликантов, вдохнули в них частицу прежних знаний, что и послужило в конечном итоге толчком к пробуждению основного экипажа.

Астафьев выслушал его в немом изумлении.

— Вы не считаете меня врагом?

Логинов отрицательно покачал головой.

— Я знаю, что такое терять товарищей, — ответил он. — Жизнь надламывала и меня, а что касается вашей попытки отстыковать «Ио» от станции «Танаис», то в этом вопросе я и хочу разобраться. Меня

интересуют обстоятельства вашего контакта с ИПАМом, ведь именно он подсказал такое решение проблемы, верно?

— Да, это так. Но сваливать ответственность на него я не буду. Он только давал мне информацию по различным вопросам, а решения всегда принимал я.

— Боюсь, Николай Сергеевич, так было только в самом начале вашего тесного общения. С течением времени вы просто начали воспринимать логику ИПАМа как свою. Расскажите мне все, с самого начала, и, быть может, мы вместе сможем понять, что именно сформировало образ мышления его искусственной нейросети — логика обстоятельств или все-таки внешнее воздействие, полученное при атаке на «Тандем»?

Астафьев судорожно сглотнул.

— Хорошо. Я расскажу вам все, — ответил он после недолгой внутренней борьбы.

* * *

В техническую лабораторию, где на специальном стенде был закреплен ИПАМ, Логинов попал только к вечеру, когда с поверхности Ксеноба уже пришло сообщение о благополучной посадке крейсера.

Накоротко переговорив с Лозиным, он подошел к стенду.

Включив аппаратуру тестирования, изолированную от основной сети корабля, Дима сел в кресло, внимательно глядя на невзрачный шар, который едва не инициировал первый виток *человеческой инволюции…*

Что это, внедренная извне чуждая воля, навязанный путь, или закономерность развития искусственного разума?

Если нейроподобные системы двух цивилизаций подвержены одной и той же логике, то здесь можно говорить о *закономерности,* не оглядываясь при этом на аспекты теории вероятностей.

Импланты Логинова уже установили связь с комплексом тестирующей аппаратуры.

Блоки долгосрочной памяти. Подать питание, без активации нейросети, — сформулировал он мысленный приказ.

Два часа спустя Логинов устало откинулся в кресле.

Скрупулезный анализ «хода мыслей» нейросети, особенно в критические моменты функционирования, такие, например, как первый контакт с Астафьевым, не вызвали сомнения в логичности рассуждений ИПАМа и последовавших вслед за этим действий.

Дима закурил.

Итак, маленький кибернетический помощник действительно имел

перед собой единственную цель — помогать людям, а если уточнить текущий приоритет, то конкретно взятой личности.

Он развивался, подчиняясь логике обстоятельств, и лишь одна ошибка, которую можно назвать недочетом разработчиков, прослеживалась в рассуждениях искусственной нейросети — стремясь во что бы то ни стало исполнить свой программный долг, о котором ему постоянно напоминали постулаты, поступающие из ПЗУ, он не имел запрета на совершение определенных действий, а именно — ИПАМу следовало запретить не только причинять вред человеку, но и видоизменять биологическую структуру живого существа.

Одна-единственная строка, добавленная в блок долгосрочной памяти, ежесекундно проверяющий логику нейросети, и ничего бы не произошло — Астафьев не подвергся бы процедуре принудительного имплантирования, а нейросеть ИПАМа не сформулировала бы в дальнейшем идею о полной замене биологических органов человека более прочными и совершенными, на его взгляд, конструкциями.

Введение такого запрета навсегда обезопасит людей от попыток искусственного рассудка «усовершенствовать» своих создателей.

Логинов устало усмехнулся.

Цель была достигнута, ответ получен: теперь, после незначительной коррекции базовой программы, контролирующей логику нейросети, можно реактивировать сотни автономных модулей, которые значительно облегчат и ускорят работы по окончательному восстановлению «Тандема».

Докурив, Дима быстро перепрограммировал модуль, запустив процесс «холодной» инициализации.

ИПАМ ожил.

В объеме виртуального монитора было отчетливо видно, как импульсы микротоков распространяются по искусственным нейронам, образуя характерный узор возбуждений.

Это визуальное отображение несло в себе *мысли* искусственного рассудка:

«Помогать людям, ни при каких обстоятельствах не изменяя их биологическую структуру».

Надо бы записать картинку, — подумал Логинов, глядя на пространственный узор прихотливо распределяющихся микротоков, передающих импульсы возбуждения от одной искусственной нервной клетки к другим.

Это было красиво, особенно при визуализации ауры микромагнитных полей, неизбежно сопутствующих каждому разряду.

Он еще не догадывался о грядущих последствиях только что проделанной работы.

* * *

— Станция «Танаис» вызывает «Ио».

— «Ио» на связи. Слышу вас хорошо.

— Процедура расстыковки начата. Крепежные штанги отошли, электромагниты удержания понижают мощность. Приготовьтесь к импульсу.

— Вас понял, к импульсу готовы.

— Смена полярности через десять секунд… Девять… Восемь…

Мягкий толчок ускорения, и две исполинские конструкции отошли друг от друга.

Станция биологической ассимиляции, на борту которой имелись хранилища генофонда представителей флоры и фауны как земной, так и ксенобианской биосфер, по обоюдному согласию сторон, оставалась в системе Проксимы Центавра.

Пустынный Ксеноб отныне станет прибежищем двух островков жизни.

Последнее совместное совещание, в котором принимал участие Дрог, состоялось двое суток назад, после того как были обработаны все данные, собранные десантно-поисковыми группами.

В обширном конференц-зале крейсера «Ио» собрались все выжившие члены экипажа несуществующего теперь «Тандема».

Слово взял Логинов.

— Мы возвращаемся в Солнечную систему, — без долгих вступлений произнес он. — Анализ собранных обломков прямо свидетельствует, что на орбитах Ксеноба сошлись, как я и полагал, не два, а три противоборствующих флота. ИНЫЕ не только испепелили планету, они вступили в схватку друг с другом. Инволюционировавшие формы кибернетических механизмов одержали верх над своими создателями. Таков, к сожалению, печальный итог тысячелетнего прогресса, который превратил некогда разумную расу в колонии простейших микромодулей, не осознающих факта собственного существования, подчиняющихся лишь логике заложенных в них программ.

Построенные для эффективного ведения боевых действий, они представляют собой угрозу всему живому, так как будут размножаться и постепенно прочесывать космическое пространство, совершая перелеты от одной звездной системы к другой.

Мы не знаем, устояла ли оборона Земли под напором вторгшихся сфер: последние данные о пограничном конфликте в районе Плутона устарели, как минимум, на два десятилетия. Поэтому, по согласованию с разумными представителями Ксеноба, мы приняли решение оставить станцию «Танаис» в системе Проксимы Центавра для организации колонии людей на малом материке планеты.

Крейсер «Ио» возвращается на Землю с разведывательно-спасательной миссией.

На данный момент это все, что мы можем сделать для возрождения двух наших цивилизаций.

* * *

Капитан Логинов и Андрей Лозин сидели за терминалами исследовательского центра.

Оба сосредоточенно работали, лишь изредка обмениваясь короткими замечаниями по существу исследуемого вопроса.

На лабораторном столе в силовых захватах покоился микромодуль ИНЫХ — октаэдр, размером чуть меньше человеческого кулака.

С момента старта прошло уже два месяца, и звезда Проксимы давно превратилась из яркого шарика в маленькую серебристую точку.

— Я не могу понять, почему они избрали именно такую форму? — произнес Андрей, посмотрев на модуль ИНЫХ.

— Геометрическая целесообразность, — ответил ему Логинов. — Октаэдры плотно смыкаются между собой, образуя сферические слои.

— Только это? — настойчиво переспросил Андрей. — Неужели они так сильно опасались остатков ксенобианского флота, что стали строить принципиально новые корабли буквально накануне победы?

— Ты подозреваешь другие пели?

— Мне кажется, сферы были спроектированы не для последнего удара по Ксенобу. Посмотри, — Андрей указал на укрупненную схему внутренней структуры модуля. — Мы отсканировали десятки октаэдров, имеющих различную специализацию, но везде присутствует вот это, — он указал на тонкие нити проводников, идущие от вершин геометрической фигуры к ее центру. — Тебе ничего не напоминает подобное образование?

Логинов долго смотрел на изображение.

— Неужели искусственный нейрон? — наконец потрясенно произнес он. — Но мы считали, что это всего лишь сопрягаемые энерговоды…

— Да, если подать на них одинаковое, постоянное напряжение, эти нити будут играть роль энерговодов. А что, если использовать микротоки и

просмотреть, будут ли они реагировать на броски напряжения?

— Давай попробуем.

* * *

После сотен опытов стало ясно: перед ними искусственный нейрон, который начинает работать лишь при строго определенных условиях.

Атаковавшие Солнечную систему сферы обладали нейросетями, но последние оставались невостребованными.

— Здесь может быть только одно объяснение. — Логинов в который раз посмотрел на послойную проекцию сферы. — ИНЫЕ создали для себя новые носители, их разум должен был размести гься в управляющих слоях, образующих нейросеть, сравнимую по объему с мозгом разумного существа, но уже несущую в каждой «нервной клетке» программные расширители.

— Они создавали сверхразум, — согласился с ним Андрей, — но затянувшееся столкновение с ксенобианами заставило их использовать сферы в боевых целях, поэтому ИНЫЕ не успели завершить проект и скопировать свои личности в управляющие слои сферических кораблей.

— Интересно, что, на твой взгляд, им помешало?

— Активные боевые программы. Сферы не вышли из режима ведения боевых действий, а когда их творцы попытались дезактивировать собственные создания, то примитивные исполнительные механизмы восприняли это как прямую агрессию.

Логинов с сомнением посмотрел на проекцию сферического корабля.

— Нет, Андрей, они должны были предположить возможный сбой. Элементарно застраховаться.

— Посмотри на эту конструкцию. Она примитивна, если рассматривать отдельные частицы, но сложна и практически неуязвима в собранном виде. Как, по-твоему, добраться до управляющих слоев, чтобы передать им новые инструкции?

— Для этого нужно «рассыпать» сферу, как это произошло в системе Плутона при ракетных залпах.

— Вот именно. Возможно, ИНЫЕ попытались сделать это, но примитивная логика исполнительных модулей тут же перенесла их в разряд «врагов» со всеми вытекающими последствиями.

— Выходит, и нам не одолеть их?

Лозин в это время смотрел на заставку личного терминала Логинова.

Там, начинаясь с произвольной точки, ветвилась удивительно красивая система электромагнитных возбуждений, заснятая в момент

реактивации перепрограммированного ИПАМа,

— Мне кажется, что у нас есть шанс, командир, — внезапно произнес он.

ЭПИЛОГ

Солнечная система. Район высоких лунных орбит

Линия терминатора медленно ползла по дну лунного кратера, вслед за ней гротескными, резко очерченными фигурами ложились угольно-черные, постепенно удлиняющиеся тени, берущие начало от освещенных солнечным светом горных вершин, которые горели горячечным золотом утра, но еще ярче сияли пульсирующие разряды когерентного излучения: десять сфер, прорвавшие раздробленный, уже почти не оказывающий сопротивления периметр пояса астероидов, достигли лунных орбит и вторые сутки почти непрерывно атаковали бункера основного командного пункта.

Космическое пространство между Землей и Луной сверкало, переливаясь бриллиантовыми брызгами света, — это тысячи обломков отражали солнечные лучи.

— Они начинают заход!

Первая сфера, сбросив внешние слои октаэдров, резко пошла на снижение, вспарывая дно кратера вишневыми лучами тепловых лазеров.

Глубокие шрамы расплавленной породы кипели, выбрасывая магматические гейзеры. Навстречу атакующему кораблю ударило несколько несинхронных ракетных запусков, и сфера резко изменила курс, выбросив навстречу ракетам облако атакующих модулей, а ее место уже занял следующий корабль. В точности повторяя маневр ведущего, он углубил лазерными разрядами кипящие реки расплавленного реголита и тоже ушел в сторону, попутно срезав со склонов кратера несколько обнаруживших себя огневых точек

— Они прожгли породу до уровня перекрытия бункеров!

Третий корабль ИНЫХ лег на курс атаки.

Температура в подлунном бункере начала стремительно расти. Пока над этой частью кратера властвовала ночь, лазерные разряды не были так эффективны, но теперь к энергии когерентного излучения добавился жгучий солнечный свет, и находиться на верхних уровнях атакованного укрытия стало попросту невозможно.

…Адмирал Лозин сидел в глубоком кресле.

В семьдесят лет он еще умудрялся сохранять форму, не позволяя старости взять верх над телом и разумом.

Последний сеанс связи с растерзанными оборонительными укреплениями пояса астероидов состоялся полчаса назад.

Там уже давно оставались одни машины, пять лет назад пал последний управляемый людьми опорный пункт, на котором погиб генерал Булганин.

Теперь, видно, настал и мой черед, — отрешенно подумал Иван, глядя, как стремительно снижается над кратером третья атакующая сфера.

…Укрепления пояса астероидов выполнили свою задачу.

Сферические корабли не сумели с ходу прорвать линию обороны и завязли среди огневых точек на долгие, кровавые для людей годы, — ИНЫМ не давали возможности размножаться, вынуждая периодически отступать к лунам Юпитера, и сейчас от вражеского флота оставалось всего двадцать кораблей — ни люди, ни машины не отдали в поясе астероидов ни пяди безвоздушных каменных глыб…

Таяли силы.

Приходила в негодность работающая на износ техника.

Редели пространственные минные поля, прикрывающие плоскость эклиптики Солнечной системы, но Земля держалась: за десятилетия непрекращающегося противостояния лишь однажды двум сферическим кораблям удалось прорваться к орбитам родной планеты.

Их уничтожили, пожертвовав при этом половиной флота.

И вот новый прорыв, на этот раз к Луне, где располагался штаб и основные силы стационарного базирования, прикрывающие Землю от внезапных атак.

Низко, слишком низко над поверхностью кратера проносятся атакующие корабли, — думал адмирал, глядя, как третья сфера выходит из атакующей синусоиды, — *их не достать огнем сверхмощных лазерных комплексов, способных поражать вражеские корабли даже на земных орбитах.*

— Ведите огонь по склонам! — отдал Лозин неизбежный приказ.

Его услышали, но ответом поначалу послужила тишина.

— Мы превратим дно кратера в озеро магмы, адмирал.

— Делайте, что приказано! Исполняйте свой долг!

Он чувствовал, для него эта битва станет последней.

Интуиция никогда не подводила адмирала. Он верил своему внутреннему голосу, который отражал необъяснимое с точки зрения логики *ощущение* событий.

Залп сверхмощных лазерных батарей, направленный вдоль поверхности Луны, поколебал почву, пробив в склонах кратера ровные,

похожие на тоннели отверстия, но они оставались ровными лишь несколько секунд, затем контур горных вершин начал оплывать, отдельные пики подламывались, потеряв опору, и медленно рушились вниз, падая в расширяющееся озеро расплавленных пород.

Следующий залп настигнет сферы. Обязательно настигнет… — думал адмирал, слезящимися от напряжения глазами всматриваясь в глубины виртуального стереоскопического экрана.

Мы не пустим их к Земле. НЕ ПУСТИМ!!!

— Адмирал! — Голос показался Лозину совершенно неузнаваемым из-за помех, вызванных бушующими наверху энергиями. — Адмирал, в зоне сканирования появился космический корабль.

— Еще одна сфера?

— Нет… — Далекий абонент вдруг замялся, словно не мог подобрать слов либо не верил собственным глазам и показаниям сканеров. — Система распознавания целей идентифицирует его как крейсер «Ио», покинувший Солнечную систему в составе колониального транспорта «Тандем»!..

У Лозина от этого сообщения вдруг возникла острая спазматическая резь в груди.

— Я не понял… Сильные помехи… Повторите!..

— Наблюдаем крейсер «Ио»! — подтвердил далекий, затушеванный помехами голос. — Движется по курсу атаки на сближение с кораблями противника. Автоматические системы отвечают на запрос кодом опознания, к которому добавлено короткое сообщение.

— Читайте же!

— «Всем батареям — прекратить огонь!»

— Этот… приказ подписан?!

— Да, адмирал. Под сообщением подпись капитана Дмитрия Логинова.

* * *

— Ну что, Андрюша, настал наш судный час?

Андрей Лозин посмотрел на старшего брата, потом перевел взгляд на капитана Логинова и вдруг, покачав головой, ответил:

— *Это их судный час*. Мы все делаем правильно.

— Ну, с богом, чего тянуть…

Они шли курсом между Землей и Луной, не отвечая на многочисленные запросы, потому что сейчас, буквально в следующую минуту, должна была окончательно решиться судьба чудовищного противостояния.

Главное, что мы успели… — в такт глухим ударам сердца стучалась мысль.

— Докладывает дежурный ракетной палубы: к запуску готовы!

— Локационный пост?

— Сферы зафиксировали наше появление. Разворачиваются по встречному курсу. Точка невозвращения будет пройдена через тридцать секунд!

— Декомпрессия стартовых стволов завершена! Электромагнитные ускорители заряжены! Тестовая проверка головных самонаводящихся частей прошла успешно.

— Десять секунд.

— Командуй, Андрей, — обратился Логинов к Лозину-старшему. — Ты заслужил.

На всех хронометрах командного поста застыли нули.

— Залп!

Броня «Ио» осветилась частыми вспышками запусков — пятьдесят ракет класса «космос—космос» вырвались из пусковых стволов, устремившись навстречу сферическим кораблям.

— Дистанция десять тысяч километров, сферы начали противодействие! Есть разделение головных частей!

Ватная тишина вдруг окутала главный пост управления «Ио».

В эти секунды решалось все.

— Есть! Они сбрасывают слои!

Десять сфер стремительно распадались, разделяясь на отдельные крошечные модули, казалось, что в космосе на месте монолитных образований внезапно заклубилось облако блестящих космических насекомых… но им навстречу уже неслись отнюдь не ракеты: разделившиеся боевые части выпустили точно такие же облака… октаэдров!

Еще секунда, и они смешались.

Над плечом Логинова возник ИПАМ.

— Ваша компьютерная заставка, капитан, — произнес кибернетический помощник, мгновенно сформировав виртуальную сферу, в объеме которой разрастался сложный узор голубоватых искр.

Рядом точно такие же виртуальные мониторы демонстрировали данные телеметрии с сенсорных систем корабля.

— Есть формирование первого уплотнения!

Вражеские корабли, распавшиеся на отдельные частицы, против обыкновения не могли собраться в прежнюю формацию. Что-то мешало

им, заставляя октаэдры уплотняться, принимая вид небольших сфер, диаметром в десять-пятнадцать метров.

Глухо бились сердца людей.

И тех, кто ничего не понимал в происходящем, и тех, кто ожидал СОБЫТИЯ.

— Есть данные сканирования! Шестнадцатый монитор, пошел процесс!

Все резко повернули головы.

Одно из уплотнений, образовавшееся вокруг группы октаэдров, выпущенных с борта «Ио», вдруг потеряло непрозрачность, уподобившись любимой компьютерной заставке капитана Логинова — по плотно сомкнутым слоям искусственных нейронов стремительно побежали искорки микротоков, в точности повторяя импульсы возбуждения, записанные им в момент памятного перезапуска ИПАМа.

Октаэдры восприняли возбуждение ядра, и их слои начали проводить импульсы в точном соответствии с заранее известным графическим отображением работы программ, которые размещало в новорожденных нейросетях постоянное запоминающее устройство, созданное руками людей!

Здесь не имели значения программы, размещенные в микромодулях ИНЫХ — в новоявленных образованиях заработали чистые нейросети, похожие на разум младенца, впервые открывшего глаза и увидевшего огромный мир.

Они воспринимали лишь те базовые понятия, что моделировали для них созданные на борту «Ио» блоки постоянных запоминающих устройств, имевшие форму и свойства октаэдров ядра.

— Пятый монитор, есть реакция!

— Седьмой, пошел процесс!

— Двенадцатый, сканеры зафиксировали появление микротоков!

— Двадцать седьмой, есть устойчивая картинка!

На шестнадцатом мониторе процесс уже закончился.

Пятнадцатиметровая сфера, составленная из нескольких тысяч октаэдров, внезапно ускорилась, занимая позицию сопровождения крейсера «Ио».

Новое, возникшее на глазах людей образование являлось не чем иным, как точной нейросетевой копией ИПАМа.

«Помогать людям».

Именно такой смысл существования восприняла новорожденная нейросеть.

— Внимание всем силам обороны Солнечной системы. Говорит капитан крейсера «Ио» Дмитрий Логинов. Мы поворачиваем к поясу астероидов.

Ждите нас с миром.

Лунная база Военно-космических сил Земли. Неделю спустя

Крейсер «Ио» парил над кратером Коперник.

Крошечные точки спускаемых модулей казались песчинками на фоне исполинского крейсера и сотен окружавших его сферических объектов.

Навстречу им, словно лепестки механического бутона, раскрылись сегменты вакуум-створа посадочной площадки.

Поглотив модули, металлический бутон закрылся.

Процесс шлюзования занял не более десяти минут — они потребовались, чтобы подать давление воздуха на простор внутреннего космодрома главной лунной базы космофлота Земли.

Плавно открылись люки, и по трапам начали спускаться люди.

Адмирал Лозин стоял вместе с Настей у главного входа в подлунные сектора базы.

Их взгляды пытливо всматривались в приближающиеся фигуры, и вдруг Настя охнула, отпуская локоть адмирала.

— Иван… Это Андрюша?! — Она с трудом узнала повзрослевшего пятнадцатилетнего сына и вдруг обратила внимание на идущего рядом с ним тридцатилетнего мужчину… как две капли воды похожего на Ивана: именно таким она запомнила и полюбила его в самый разгар ксенобианского вторжения на Землю.

Адмирал Лозин сделал шаг вперед, потом остановился, встретился растерянным взглядом с Димой Логиновым и вдруг услышал его голос:

— Принимай сыновей, командир!

Высоко над лунной поверхностью парили сотни сферических объектов.

Они ждали приказов.

Бесплодные искусственные нейроны, созданные иной расой, но не наполненные смыслом бытия, теперь обрели его.

Помогать людям.

Двигаться в космос, от звезды к звезде, исследуя новые планеты, насаждая жизнь, раскрывая тайны Вселенной.

notes

Примечания

1

ИПАМ — Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль.

2

КЛС — Коммуникатор Личной Связи. Прибор ограниченного радиуса действия, обычно настроенный на один защищенный канал.

3

ИПК — Импульсный пистолет-пулемет системы Кердябина.

4

Поставленную на сенсор (жаргонное) — активированную, изготовленную к броску — пока палец давит на сенсорный датчик, взрыватель не сработает.

5

Модуль поддержания жизни — компактное полуавтоматическое устройство цилиндрической формы, один торец оснащен анализаторами, другой инъекторами для ввода препаратов.

6

«БСК» — Боевой Сканирующий Комплекс — исполнен в виде металлокевларового полушлема с бронированным забралом, исполняющим функции проекционного экрана для вывода данных со сканеров. Оснащен системами тепловидения, лазерными дальномерами, встроенным процессором, оперативной памятью и портами беспроводной передачи данных При наличии оптического кабеля может подключаться непосредственно к стрелковому оружию, передавая на проекционный экран точку попадания, просчитывая перемещение ствола в режиме реального времени.

7

Автоматический Разведывательный Корабль.

8

Тактико-технические характеристики.

9

Ксенобианская «подкова» — наибольший по размерам корабль Чужих, имеющий форму дуги. Предназначен для межзвездных перелетов.

10

Текстоглиф — символ на клавиатуре, обозначающий командную последовательность, которая будет запущена в действие после нажатия кнопки или прикосновения к сенсору.